ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

СЕНТЯБРЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ I.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1862.

Печатать дозволяется. Кiевъ 17-го Сентября 1862 года.

Испр. д. Ценсора, **В. Чеховичъ.**

I.

№ 8.

ДОКУМЕНТЫ,

служащіе матеріаломъ для исторіи церковныхъ братствъ юго-западной Россіи.

Съ недавняго времени, нѣкоторыя наши періодическія изданія поставили на очереди вопросъ о возстановленіи древнихъ церковныхъ братствъ, существовавшихъ при православныхъ и уніятскихъ церквахъ юго-западной и западной Россіи, такъ много содѣйствовавшихъ къ защищенію церкви отъ гоненій со стороны латинской пропаганды, къ народному образованію, въ духѣ вѣры и евангельской нравственности, къ сохраненію русской народности, подавляемой поляками, къ устроенію, украшенію и вообще къ благосостоянію храмовъ, а больше всего къ неразрывному союзу народа съ духовенствомъ, т. е. пасомыхъ съ пастырями. Вопросъ этотъ, въ настоящее время внутреннихъ реформъ въ нашемъ громадномъ отечествѣ, въ особенности при освобожденіи крестьянъ—массы народа отъ власти помѣщиковъ и при обсужденіи правительствомъ мѣръ и средствъ къ ихъ образованію, составляетъ вопросъ первой важности на ряду другихъ общенародныхъ нашихъ вопросовъ, потому редакція Вѣстника поставила себѣ въ обязанность помѣщать на страницахъ этого журнала нетолько историческія изслѣдовыванія о церковныхъ братствахъ, но и печатать подлинные, древніе до-

кументы, касающіеся сего важнаго предмета, начавъ съ братствъ существовавшихъ въ Галиціи, до временъ превращенія этой, нѣкогда, православной русской страны въ уніятскую.

Всѣ здѣсь документы, подъ № 8, переписаны изъ Сборника, уставомъ писаннаго, содержащаго списки разныхъ актовъ, касающихся церковныхъ дѣлъ и хранящагося въ архивѣ уніятскихъ митрополитовъ въ Львовѣ. Документы эти переписывалъ и доставилъ профессоръ лембергскаго университета, каноникъ Головацкій.

I.

Грамота епископа львовскаго Макарія, на подтвержденіе братства благовѣщенской церкви во Львовѣ, 1542 г. Августа 7 дня.

Въ имя отца и сына и святого Духа Аминь. Смѣреній Макарій Епископъ Митрополитъ Галицкой Владыка и Львовскій и Каменця Подолскаго явно чинимъ всѣмъ посполите нынѣшнымъ нашимъ листомъ, которымъ есть потреба нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ пришедши предъ насъ и предъ наше право духовное Попъ Ѳома, храму святаго и славнаго Благовѣщенія пресвятыя Владычица нашеа Богородица и присно Дѣвы Маріи, предъ муры стоячими мѣста Илвова а то есть съ передмѣстя Краковского изъ громадою парафѣи (прихода) святаго Благовѣщенія и своими парафѣяны и зъ иншими добрыми людьми слушнои а доброи рѣчи жадаютъ, которая есть напередъ Господу Богу ку чти и хвалѣ мила и годна и его святымъ угодникомъ благословляемъ ихъ столечности изъ моцы духовной нашей. А тотъ Отецъ Ѳома съ парафѣяны своими и кто колвекъ православныхъ Христіанъ хочетъ доброволне у тое братство вступити, а то маютъ такъ моцно держати и безъ приму-

шѣня одно своими добрыми волями Господу Богу и пречистой Его матери и Ея славному благовѣщенію ку чти и хвалѣ для своего душевного спасенія и тѣлеснаго здравія. Тымъ обычаемъ братство духовное держати у святаго Ея славнаго благовѣщенія, гдѣ у томъ братствѣ маеся тымъ обычаемъ справовати. Кто братство всхочетъ приняти маетъ дати у купу шесть грошей (¹); а на дальшіи часы маетъ давати у чотыри недѣли полъ гроша. А хтобы хотѣлъ укупитись въ иншого мѣста або и села, або исъ пановъ шляхтъ укупившися на далшіи часы маетъ давати у рокъ (въ годъ) шесть грошій у братскую скринву, а имя свое маетъ написати у братскій реистръ, и тыжъ отца своего и матку свою и дѣтій своихъ имена маетъ уписати у братскіи книги, съ которыхъ маетъ быти упоминаніе вѣчистое. А зъ братскихъ пѣнязей маетъ упоминати перѐдкувъ своихъ на кождый рокъ чотыри разы, а пятую службу за наше здравіе и отпущеніе грѣховъ и тыхъ чьсть справовати на братію. А хтобы хотѣлъ изгостемъ быти на той чти маетъ дати на день два грошѣ у братскую скринку, тижъ свѣчѣ справовати ку хвалѣ пречистой божіи Матери и святому Ея благовѣщенію. Если тижъ по божію перепущенію на кого будетъ упадлостъ зъ немощи зъ братскихъ пѣнязей маетъ его осмотровати. И тыжъ на кого буть перепустить изъ братства часъ мертный маетъ его вся братія ко гробу опроводити до которой колвекъ Церкви при мѣстѣ, кромѣ иншихъ сторонъ. А еслибы который братъ не хотѣлъ ку проводженію быти, на томъ вина церковная фунтъ воску безъ отпусту. И тижъ дозволяемъ на кождый рокъ установляти два брати старшихъ, которыхъ братя на то оберутъ, а до нихъ схожку мати, на который часъ обшлютъ. А который бы братъ нехотѣлъ на обсыланя быти, на томъ вина церковная закономъ

(¹) Тогдашній грошъ польскій равнялся почти 6 коп. сер. **Polsk. Słownik, lit. G. p. Linde.**

карати и безмѣнъ воску. И тыжъ еслибы который братъ на брата малъ якую заторожку, а малъ бысся утѣкати до иншего уряду, а не ожаловавшися братьѣ, на томъ вины полъ камене воску вины церковнои. И тижъ который братъ за своимъ упоромъ хотѣлъ бы изъ братства выступити, тако вина, маетъ быти каранъ церковою поти поки ся зась навернетъ ку братству. Ино я Макарій Епископъ Галицкій прозбѣ той призволяючи и завдячне маючи нашимъ смѣреніемъ потвержаемъ и благословляемъ вѣчно и непорушно дръжати ку которои рѣчи свѣдецтву печать наша есть завѣшена. Данъ въ Лвовѣ по лѣтѣхъ Рождества Христова 1542 Августа 7 день. А при томъ были о Христѣ почестніи отцы намѣстникъ Захарія Феодоровскій Стефанъ Николинскій, Михайло отъ Пречистои, Антоній Богоявленскій, Григорій Въскресенскій Криложане Илвовскіе и шляхетне вроженыи панове Олехно Замостецкій, Григорій Передримѣстскій, Михейло Ячинцскій, Семеонъ Выслобоцкій.

+ Яко въ томъ Листѣ есть выписано мы мужеве съ парафіи Пресвятыя Вогородица Благовѣщенія и зъ иншихъ парафій твердо и моцно хочемъ держати.

Тое благословеніе отъ святои памяти Господина Отца Макарія Епископа Лвовскаго братству Львовскому Благовѣщенскому конфедерованое, ревѣдовавши же, въ немъ нѣчого канономъ святыхъ и богоносныхъ Отецъ противного не постереглисмо, и овшемъ все ку помноженю благочестія потребное упатруемъ, прето оное в всѣхъ его пунктахъ утвержаемъ и для болшои поваги власною подписуемъ рукою. Антоній Винницкій Милостію божію православный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Росіи, Премыскій, Самборскій, Лвовскій и Каменца Подолскаго Епископій и Архимандріи Уневской Адмѣнѣстраторъ.

Антоній Митрополитъ рукою власною.

2.

Благословенная и утвердительная грамота патріарха іерусалимскаго Өеофана рогатинскому церковному братству (въ Галиціи).

Өеофанъ Милостію Божію Патріархъ Святаго Града Іерусалима, Сvріи, Аравіа, Фініkіа, Кана Галилеа, Обонъ полъ Іордана святаго Сіона и всея Палестины:

Благодать Господа нашего Іисуса Христа любы Бога Отца и причастіе святаго Духа, смиренія же нашего благословеніе.

Всѣмъ благочестивымъ ристіаномъ въ Малѣ Россіи, во области же короны Великаго и непобѣдимаго королевства Полского, сущимъ сыномъ Церкви Сіонскія Восточныя, изряднѣе же обывателемъ града Рогатина, Храма Пресвятаго и животворящаго Духа, благодать всемъ милости и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа и всесвятаго и животворящаго Духа, Единосущныя и нераздылимыя Тройца.

Понеже благодатію Божію, идущимъ зъ Великія Россіи отъ благочестива князя Михаила Өедоровича Московского, случися намъ богоспасаемъ (¹) . .. . посѣтити и еже у васъ неувядаемо во благочестіи процвитающихъ . . . . . союзомъ любви братолюбія спряжены слышаны . . . . . . , ... по созданію Тѣла Церкви, смиреннаго и непорочнаго Агнца Божія; яко союзъ братолюбія, безъ негожъ вѣра и прочая вся добродѣтели ничто же ползуютъ; о семъ благодаряще Бога, егоже и молимъ; да и въ прочихъ градѣхъ и странахъ вездѣ, въ честь и похвалу триvпостасного единосущного Имени своего, благочестивыхъ единыя, истинныя на краеуголнѣмъ въ Сіонѣ положенѣмъ камени основаныя, еже во Господа нашего Іисуса Христа (отъ негоже и Христіане нарекохом-

(¹) Въ подлинномъ спискѣ небольшій пробѣлъ; въ слѣдующихъ мѣстахъ тоже. Пробѣлы эти мы означаемъ пунктирами.

ся) вѣры изберетъ и утвердитъ исподвижниковъ, и всѣхъ во оградѣ небеснаго Рая собратись и зрѣнія лица славы своея наслаждатись сподобитъ. Прочихъ ревнителей сея истинныя Вѣры и хранителей догматъ святыя вселенныя Церкви аще око наше чувственное не видѣ, но точію слухомъ услышавши о исправленію ихъ, мысленными очима сихъ видяще зѣло душею возрадовахомся, о сихъ всѣхъ благодареніе Содѣтелю Богу отсылаемъ; яко не волися ни единому человѣку погибнути; но еже спастися и въ разумъ истинный прійти, аще злохитрый и коварный древній врагъ, всякому добру ненавѣстникъ, розсѣя тихже злобы своея, да всяко дѣло благо разруши (мъ), всяцѣми образы навѣтовати тщимся и якоже изъ начала избирая собѣ сосуды лукавымъ чловеки, иже образъ благочестія имуще, силы же его отвергшеся, иже неутверженыхъ и простыхъ человѣкъ отъ вѣры, возвращаютъ и во свою всепагубную ересь соотводятъ. Сего ради, чадця, ощутивше отступныхъ ухищреніе, всѣмъ бо симъ въ послѣдніи времена подобаше бывати, да вѣрныи искусны явятся, претерпѣвый же до конца спасется. Молимъ васъ смиреніе наше, и отческимъ благонравіемъ повелѣваемъ вамъ не разслабѣвати душею и неунывати тѣломъ; но еже бодренымъ и готовымъ быти вземше вся оружія божія, на прогнаніе врага, нѣсть бо наша брань по Апостолу и плоти и крови, но и началомъ и властемъ и міродержителемъ тмѣ вѣка сего и ко духовной злобѣ по небеснымъ. Выше же всего любо стяжите, юже благочиннѣ совершити Богу обѣщастеся, и на ражденіе ея братство водрузисте, въ немже васъ и всѣхъ купно духовныхъ и мірскихъ всякого возраста и сана въ православнѣй вѣрѣ живущихъ сею благословенною хартіею нашею благословляемъ, и тое братство ваше Богу вожделѣнное симъ писаніемъ нашимъ во вѣчныя роды утверждаемъ: да пребывати въ немъ Богу боязненно, со всяцѣмъ усердіемъ другъ друга пріемлюще, ко другъ

другу зависти не движуще, и ни о чесомъ завидяще, но паче исполняющеся духомъ кротости послѣдующе преданіемъ древнѣйшихъ братствъ. О семъ бо рече Господь, познаете вы, яко мои есте ученицы аще любите другъ друга. Сіа же вся совершивши чаемаго живота вѣчного сподобитеся, егоже будетъ всѣмъ намъ получити, молитвами Пресвятыя Богородица Присно Дѣвы Маріа и всѣхъ святыхъ, изряднѣе же святого славного и всехвалного Апостола Іакова брата божія, и первѣйшаго Первосвятителя Іерусалимского, отъ него же и на насъ друго . . . . благодать всесвятаго животворящаго Духа на мѣстехъ сихъ святыхъ, на нихъ же спасеніе наше содѣяся, служити и строити превзыйде. Благословеніе же смиренія нашего и молитва да будетъ со всѣми вами. Аминь. Писанъ въ богоспасаемомъ градѣ . . . . . . въ лѣто . . . . .

3.

Благословенная и подтвердительная грамота митрополита кіевскаго Іова Борецкаго рогатинскому церковному братству, съ увѣщаніемъ, чтобы братчики никакихъ дѣлъ не совершали по братству, безъ участія приходского священника.

Іовъ Борецкій милостію Божеею архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи.

Смиреніе наше извѣстившеся отъ благочестивыхъ граждань Богоспасаемаго града Рогатина нового мѣста, братій братства Церковнаго пана Максима Головѣчича, пана Захаріаша Гордогача, и пана Александра Гордогача, который прощенія ради грѣховъ своихъ въ навѣженье мѣстъ святыхъ богочестивыхъ обителей Киевскихъ изъ поклоненіемъ на нихъ святыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ и святителей россійскихъ неистлѣн-

нымъ свѣдительствованнымъ святымъ и благоуханнымъ мощемъ и тѣлесемъ угодниковъ Христовыхъ приходили и утѣху желанную приняли, ихъ въ Богоспасаемомъ градѣ ихъ новомъ мѣстѣ Рогатинѣ при храмѣ всесвятаго и покланяемого, присноблаженнаго и животворящаго божественнаго Духа Сошествія всѣ благочестивыи прибѣжане и парафѣяне Церкви святой восточное благопослушнии россійстіи (¹) сынове, прикладомъ иныхъ благочестивыхъ розныхъ, такъ въ коронѣ, яко въ Великомъ князствѣ Литовскомъ, Прусскомъ, наяснѣйшого короля пана нашего милостивого великой державы мѣстъ и Христолюбивыхъ мѣщанъ и братствъ Церковныхъ отъ святѣйшихъ отецъ нашихъ Патріарховъ восточныхъ господиновъ и пастырей нашихъ россійскихъ многими и розными часы, позволенныхъ и благословенныхъ и наяснѣйшого короля Польского листомъ и привилеями стверженыхъ и зафундованыхъ и они мещани Рогатинскіи прибѣжане реченого братства храма Сошествія пресвятаго и животворящаго Духа, при церкви прибѣжества своего въ мѣстѣ новомъ Рогатине за сполною радою похвалою всѣхъ благочестивыхъ сполбратій . . . . . . и урадили постановили собѣ побожные и

(¹) Съ недавняго времени польскіе писатели, съ цѣлію положить раздѣлъ между единокровными русинами восточной и западной Россіи, стали серіозно, печатно увѣрять, будтобы между названіемъ русскій и россійскій, Русь и Россія есть большая разница и что послѣднія названія вошли въ употребленіе только со временъ Екатерины II. Эта грамота, да и тысяча другихъ документовъ, въ числѣ коихъ множество древнѣе настоящаго, служатъ лучшимъ опроверженіемъ сихъ, смѣха достойныхъ, польскихъ вымысловъ. Не надобно забывать, что писавшій эту грамоту м. Іовъ Борецкій былъ малороссъ, избранный въ митрополита козаками, и что эта его грамота списана съ подлинника галицкимъ русиномъ и, по вѣрѣ, уніатомъ г. Головацкимъ. Прим. Ред

святобливыи порядки братскіе, презъ которыхъ бы захованіе мѣли вѣчно и непорушно благочестія восточного державчися о помноженю хвалы вседержителя Бога уставичне, неозябле старапіе згодне и любовне чинити, и отбу . . . . . Христовыхъ, которая есть въ части згромаженя обывательства ихъ при томъ храмѣ святомъ и градѣ Рогатинѣ промыш . . . . . . ибо вседержитель ведлугъ иншое человѣчей повинности яко отъ створеня своего достойно и пилно хвалили и каждый ближній братъ отъ брата своего ведлугъ Бога належне и по . . . . до чого ижъ ласкою и волею всесилного Бога и належитого повѣту своему Галицкого Львовского . . . . и его Мл. Господина Отца Іеремѣи Тисаровскаго благовѣрнаго и боголюбивого Епископа братство всѣ ся прихилили помененые братія братства церковнаго новомѣского Рогатинскаго храма сошествія Святого Духа пана Максима Головѣчича: панъ Захарія Гордочачъ и панъ Александеръ Гордочачъ и покровными своими и по духу братіами бывши ту въ Киева на мѣсцахъ святыхъ Господу Богу и его Святымъ угодникомъ сполнивши и святѣйшое столицы Митрополіи Кіевское , ... яко истинніи сынове церкви восточнои восточнаго благословенія и благочестія худѣйшому россійскому Митрополитови смиренію нашему Іову Борецкому . . . . и духовне побесѣдовавше реченыхъ предсявзятыхъ благословенныхъ братству церкве своей позволенныхъ порядковъ отъ . . . . . . митрополитанского Кіевского и всея Россіи благословенія и стверженія шукали (искали) и якобы на знакъ бытности свой и навѣженя прежнихъ святыхъ мѣстцъ всѣмъ о Христѣ братіи нашомъ мещаномъ Рогатинскимъ и сполсусѣдомъ отъ смиренія нашого листовного упоминку жадали, которую побожность спасеніе, а кгды поднятую працу (трудъ) и посполитій и хтистіанскій брацкій пожитокъ (польза) оныхъ любовное жаданье смиреніе наше вдячне (съ благодарностію) принявши и едино-

мысльне до позволенія и благословенія Его Милости Господина Отца Епископа Львовского, Господина Отца и сполъ брата смиренія нашого прихилившися, поминеніи братія братства церковнаго храма сошествія святого Духа обывателемъ Рогатинскимъ хвалебные порядки братствія отъ святѣйшихъ Патріарховъ инымъ братствомъ и мѣст . . . . . . и благословеніемъ Іерусалимскимъ отъ святѣйшого престола вселенского Константинопольскаго Патріархи Господина Отца и пастыря нашого природного россійскаго благословеніемъ отвержонымъ благословляемъ, подаемъ и симъ листомъ нашимъ ствержаемъ, придавши ку варунку (условіе) . . . . святое братство вписныхъ братій, при каждой схажцѣ вписованю въ реестръ и въ пріймованю до братства якогожъ колвекъ (кого-либо) брата, абы священникъ настоятель храма братскій ку всякому початку и радѣ з благословеніемъ належнымъ духовнымъ и призыванъ былъ и приходилъ, и будь ли стое часу мѣти, презъ увесь часъ схажки пожиточное зъ братіею о порядку церковномъ и цвиченю (упражненію) дѣтокъ христіанскихъ, о школѣ порядной, о низшихъ и о милосердныхъ учинкахъ (дѣлахъ) въ купѣ радилъ и всѣмъ поводомъ былъ. На што складка ведле ухвалы зъ найубогшого и отъ дужшого по силѣ, штотыдневая, (еженедѣльная) любо тежъ въ мѣсяцъ по крестному целованю маетъ быти до скринки (сундука) кинена. При томъ абы ся въ якій грѣхъ простому приступаючи до олтаря и въ завѣдованю церковныхъ сосудовъ и апаратовъ дотыкаючися (прикасаясь) того святого кромъ посвяченя (свидѣтельства) на то не трафило (случилось) впасти, того ся свѣцкіе пилно (весьма) вистерегати маютъ, кдыжъ яко то самымъ священникомъ и диякономъ и поддіякономъ заживати (употреблять) такъ и дотыкатись належитъ, надто (сверхъ того) великая знивага (неуваженіе) стану духовному подчасъ братій уписныхъ за нѣкоторыхъ простотою звыкла бывати, за што знаменитыхъ многіе не ушли плягъ

(казней) и покарапя отъ Бога; священниковъ яко отцовъ духовныхъ и посредниковъ своихъ до Бога пилно всѣ братія абы у великой чтѣ и повазѣ (уваженіе) мѣли, и еслибы и якій и недостатокъ который священникъ яко человѣкъ трафился мети, того свѣцкимъ не посужати, ани погоржати (презирать), ани зле ославовати, не тилко отца чтити и о поправу просити; а не будетъ ли самъ на себе бачный до Архіерея зъ уваженіемъ обоихъ поважне доносити; абы ся не трафило которому тое, што оному сынови, который подпилого родича наготы не покрылъ, изъ нея ся насмѣялъ, але рачей (лучше) тое што тыхъ сыновъ, которые то брату оному зганили, и милостію родича своего наготу прикрыли и благословенія отеческія сами и потомкове въ вѣчные роди сподобилися: Чого всѣмъ побожностемъ вашимъ спріяючи милости Христовы и благословенія сватѣйшого престола митрополитанского Кіевского отъ Іерусалима симъ писаніемъ нашимъ благословенномъ братству присылаемъ: и то во вѣчніе роды ласкою и позволеніемъ всесилного Бога при васъ и . . . . вашомъ трвало мѣти хотячи и на письмѣ выдати велѣвши, при печати столечной Митрополіи Кіевской рукою власною подписуемъ: въ обители Архистратига святого Михаила церкве золотоверхое въ Кіевѣ, Мѣсяца Мая 7 дня, Въ лѣто отъ сотворенія свѣта а отъ втѣленя Вожого Слова Бога нашего Іисуса Христа 1627 року, который называется Киріопага где благовѣщеніе въ самую недѣлю Пасхи трисвѣтлаго Воскресенія Христова обхоженное индикта 7..

Іовъ Борецкій Милостію Божію Архіепископъ Митрополіи Кіевской, Галицкой и всея Россіи, рукою власною.

4.

Благословенная и подтвердительная грамота епископа львовскаго Арсенія Желиборскаго церковному рогатинскому братству, съ указаніемъ правилъ для сего братства.

Арсеній Желиборскій Милостію Божію Епископъ Львовскій, Галицкій и Каменца Подолскаго.

Всѣмъ и каждому зъ особна такъ духовного яко и свѣцкого стану благочестивымъ и христолюбивымъ православнымъ Христіаномъ. Намъ въ духу святомъ послушнымъ сыномъ Церкве восточныя, нынѣ и напотомъ будучимъ ласки благословенства Божого и молитвъ нашихъ Архіерейскихъ вѣрне спрiявши, въ домочиннимъ: яко пришедши предъ насъ баагочестивое братство церкве Заложенія Сошествія святаго и животворящаго Духа зъ мѣста Рогатина младенческое жалуючися, ижъ фундушъ, которыхъ на брацкіе порядки и блаженной памяти Еремѣи Тисаровскаго Епископа Львовского, Галицкого и Каменца Подольского, за блогословеніемъ святѣйшихъ Патріархъ отриманыхъ и презъ насъ потверженые мѣли презъ прешлые наѣзды военскіе зъ иншими речами церковными брацкими взятыхъ и въ нѣвець (ничто) оберненыхъ, упрашали, абысмо имъ поданые намъ презъ нихъ артикулы подлугъ давныхъ выписаные на тоежъ брацтво младенческое благословили исписати порядкомъ своимъ, повагою нашою Архіерейскою, изволили, истворъили. Которыхъ жаданя яко слушное пастырско пріявши, благословляемъ и властію Архіерейства нашего заховуючи ихъ при звыклыхъ порядкахъ надто таковую уставу онымъ придаемъ: на каждый рокъ маютъ вибирани быти зъ помененного братства чтыри братія старшіи и богобоязныи, которые присягу въ церкви выконати (совершить) повинни будутъ на тое, яко урядъ старшинства своего маютъ опасно хранити и всѣ ниже описанные пункты и повинности выполняти.

Скрынка соборная знайдоватися повинна у едного брата старшаго, а ключъ о ней у другого, которая не мается отворяти ажъ при собраню всѣхъ такъ старшихъ яко молодшихъ братій. Схажка братская въ недѣли четыри въ дому на то обраномъ бывати маетъ; где кождый братъ до скринки по грошу дати будетъ повиненъ. Братія сшедшися до своего собору любовне и жаденъ другому не укоряючи о вшелякихъ (всякихъ) потребахъ церковныхъ маютъ радити и промышляти. А который бы братъ для яковой неслушной причины не былъ въ схажцѣ, маетъ дати вины фунтовъ воску четыри до церкви, а кгды разъ и другій въ таковомъ поступку знайдется, помененую випудати а въ день недѣлный на звоници отъ ютрнѣ ажъ до полудне сидѣти повиненъ; таковой же винѣ подпадати будетъ и кождый братъ, который бы въ схажцѣ безчиновалъ и чимъ колвекъ братію неуважне образилъ (оскорбилъ) а не пріймуючи таковои вины и караня духовнаго подпадаетъ отлученію Церкви до того часу, поколь въ чувство покаянія не прійдетъ. Кождый благовѣрный человѣкъ въ личбу (число) сего брацтва можетъ вступити, а вступаючи повиненъ дати до скрынки брацкои грошей шесть, зъ которого брацтва для жаднои (никакой) приваты (личная польза) выступити не маетъ, анѣ мощи будетъ подъ благословенствомъ Божіимъ, лечъ (но) всѣ братскіе повинности до конца живота своего въ любви и единомысліи содержати и помочью быти другимъ братіямъ ко всему церковному благолѣпію. Ежели который брать для отлеглости мешканя своего при кождой схажцѣ неможетъ бывати, долженъ есть принаймнѣ (покрайней мѣрѣ) разъ въ рокъ прійти до собору и за весь рокъ повинности, то есть грошей полъ гривны до скрынки отдати. При кождомъ собраню священникъ настоятель повиненъ бывати и братіамъ науку духовную чинити, и до всего добрый прикладъ (примѣръ) подавати. Свѣча братская въ церквѣ маетъ быти и при кождомъ набоженствѣ горѣти, такъ же и свѣчи для кождой оказіи

церковнои и процессій погребовыхъ. Двѣ Литургіи божественніи брацкіи въ рокъ быти повинны, една здоровная, а другая за упокой усопшихъ. Поминникъ брацкій маетъ быти и въ немъ кождый братъ повиненъ имена кревныхъ своихъ преставльшихся уписати, который презъ священника читатися маетъ по утрени и по вечерни въ дни памятныя и въ великій постъ по уставу церковному, за що братство повинны священныхъ въ домы свои пріймовати ласкаве, и иншіе милосердые учинки требующимъ во имя Христово показовати на кождомъ мѣсяцу. Кгды зась (же) человѣкъ общыхъ(посторонихъ)небудучій въ брацтвѣ умретъ, и жадати (желать)будутъ кревныи его процессіи братскои за тѣломъ маютъ дати до скрынки брацкои ведлугъ можности. Братія старшіи молодшимъ до всего прикладомъ добрымъ и побудкою повинны быти; и старанье мѣти о порядкахъ церковныхъ то есть о школѣ, абы и цвѣченье (упражненіе) пристойное дѣтемъ христіанскимъ было и хвала Божая порядкомъ своимъ въ церквѣ отправовалися. А еслибы который братъ старшій выступнымъ ся быти оказалъ, за що молодше братія подпадаютъ караню, двояко маетъ быти каранъ съ того, бо томленія достоинъ чести ради. Кгды яковый благоговѣнный человѣкъ умираючи на Церковъ що откажетъ, братія старшіи пилно отшуковати (отыскать) повинны, а отшукавши за вѣдомостью всѣхъ молодыхъ братій Церквѣ привернути и въ вѣрномъ за вѣдованью своемъ мѣти. Радкая (?) рада духовная маетъ ся приватне (частно) отправовати, лечъ (но) при собраню всѣхъ сполне братій; яко тежъ старшіи братія за церковные грошѣ нѣчого куповати не маютъ, ажъ цо потребное Церкви Божой и то за вѣдомостью также всѣхъ братій; Скарбница добре обвароваппая для аппаратовъ (принадлежностей) Церковныхъ и старапіемъ братскимъ въ церквѣ быти маетъ. Такожъ братія и того маютъ пилно постарати, абы зъ братствомъ младенческимъ при помененой Церкви отъ насъ уфундованныхъ завше (всегда) въ любви жили и въ отцевскомъ ихъ

пошанованью (почтеніи) мѣли. Якожъ и братіа помененого младенческого братства, вшелякую поволность онымъ на каждомъ мѣсцу освѣдчаючи ни въ чомъ а звлаща (въ особенносси) где инде то порядокъ церковный, не спротивлятися, лечъ мають и повинны будутъ яко отъ насъ и устне при отриманю (полученіи) фундаціи суть напомнени до кождой справы и схажки постановлены двохъ братій старшого брацтва зъ пошанованьемъ заживати, и отъ нихъ яко отцевъ своихъ въ всемъ радитися, непотребныи всѣ и приватные думы пречъ на слорону отложивши. На каждый рокъ братія старшіе зовсѣхъ доходовъ и росходовъ Церковныхъ рахунокъ (отчетъ) чинити зъ всѣми братіями молодыми маютъ и повинны будутъ. Докладаемъ отъ того и въ сіе духовное нами уфундованное брацтво, маютъ и повинны будутъ по всѣ часы живота своего приналежитое послушенство *Намъ Епископу Пастыру своему* и всѣмъ правовѣрнымъ Сукцесоромъ (преемникъ) Епископомъ Львовскимъ, Галицкимъ и Каменца Подолскаго отдавати и ни въ чомъ противны не бути. Таковые порядки духовные установивши хочемъ и пастырево потребуемъ по всѣхъ братіяхъ помененого брацтва, абы не толко славы лечъ самымъ и иннымъ скуткомъ оные держали и ни въ чомъ ненарушне выполняли для хвалы имене Божія, такъ тежъ вѣчного спасенія душъ своихъ. А кгды братъ который захоруетъ всѣ братія оному ратункомъ (спасеніе) и утѣхою быти, а кгды умретъ собраны всѣ братія до гробу зъ свѣчами тѣло его препровадити и за душу его молитву учинити повинны. А кто бы зъ вѣрныхъ Божіихъ таковымъ уставомъ былъ противный, таковый ни въ семъ ни въ будущемъ вѣцѣ благословенія Божого неповиненъ. Который то порядокъ брацтва младенческаго выдати оный благословивше для лѣпшее вѣры рукою нашею подписалисмо и печать нашу приложити казалисмо. Дѣялося въ Львовѣ при церкви нашой катедралной Святаго Великомученика

побѣдоносца Христова Георгія дня осмого Мая отъ воплощенія Сына Божого тысяча шесть сотъ пятдесять шестого.

Епископъ рукою власною.

5.

Благословенная грамота львовскаго епископа Аѳанасія Желиборскаго на учрежденіе церковнаго братства, въ городѣ Болеховѣ, (въ Галиціи) при церкви св. благообразнаго Іосифа, съ указаніемъ правилъ для сего братства.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа Святыя единосущныя и нераздѣлимыя Тройцы станься, ко вѣчной хвалѣ имени Божія пречистой его матери и всѣхъ угодниковъ его Аминь.

Аѳанасій Желиборскій Милостію Божіею Епископъ Лвовскій, Галицкій и Каменца Подолскаго Архимандрита Уневскій блюститель Метрополѣи Кіевской, Галицкой и всея Росіи.

Усмотривше старожитность нашего святого закону православного святой Церкви восточной греческой, до хвалы Божіей, строенія церковнаго, напослѣдокъ и душеполезнаго спасенія, вещь быти благую и зѣло потребную; узакониша между собою союзъ братства подлугъ Апостола святого: братія во бѣдахъ благопотребни да бываютъ, сего бо ради и братія суть и нарекутся; Прето и мы смиреніе наше добре цы всмотрѣвшися той речи побожной и во время доглядающе повинности своей Епископской, абы законъ Божій речами побожными утверждался а православныи христіане абы и по правѣ живота своего быти могли. Явно чинимъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ въ обецъ и каждому зъ особна нынѣшнимъ и потомъ будучимъ кому о томъ потреба будетъ вѣдати: ижъ пришедши передъ насъ богоспасаемаго града Болехова [1]) граждане Церкви благообразнаго

---

(1) Въ Галиціи.

Іосифа благочестивыи и христолюбивіи пароxіане изъ своей доброи волѣ и цѣлого умыслу жадали отъ насъ слушнои речи, то есть благословенія на соединеніе братства ради строенія Церковнаго и душевнаго спасенія, которое дѣло же ку чти и хвалѣ Господа Бога пречистой матери и всѣхъ святыхъ милое и угодное, теды мы Епископъ по дару Духа святаго и по смиренію нашемъ пастырскомъ зъ моцы Архіерейской отъ Бога намъ данной благословилисмо ихъ и дозволили тое брацтво и соединеніе духовное имѣти; при таковой еднакъ владзы, абы звышь предреченная церковъ храмъ благообразного Іосифа въ порядкахъ вшелякихъ зъ пароxіанами своими зоставала, которымъ и наукусимъ листомъ нашимъ таковую даемъ, абы любовъ совершенную межи собою мѣли и каждый зъ нихъ до старшого брата, которого зъ межи себе выберуть на день назначенный сходитися повиненъ и оному пристойную честь и послушенство отдавалъ, радити тежъ маютъ межи собою, що бы належало къ душевному спасенію помощно. А хто хочетъ приняти тое духовное братство для своего душеполезнаго спасенія, теды каждый маетъ то учинити добровольне безъ всякаго примушенія, а принявши тое братство, маетъ дати вступного грошій двадцять, а для всякой потребы братской и порядку церковнаго маютъ братія всѣ схажску чинити въ чтыри недѣлѣ до старшого брата, тамъ же каждый виненъ будетъ дати грошій два до скрынки братской. А если бы тежъ хотѣлъ кто зъ иншого мѣста, албо съ села или пановъ шляхты тое брацтво приняти, также маетъ дати вступного грошій дванадцать, а изъ сторонни каждый разъ въ схажцѣ быти неможетъ, теды только въ рокъ маетъ до братства прійти и до скрынки полъ гривны отдати. Каждый братъ тежъ маетъ имя свое написати въ помяникъ также и сродниковъ своихъ, которое поминаніе вѣчистое маетъ быти. А который колвекъ служитель той Цер-

кви святой будетъ, прочитати повиненъ помяникъ каждои субботы на божественной Литоргіи: а въ недѣлю кождую, на службѣ, проскомедіи и ектеніи, всю братію живыхъ маетъ почитати священникъ. Маютъ тежъ кождый рокъ бывати три божественныя службы памятніе за преставшихся родителей братіи всеи една, а двѣ за здравіе и отпущеніе грѣховъ брацтва всего: при которыхъ божественныхъ службахъ маютъ быти обѣды для священниковъ и убогихъ справованіе, ведле можности свѣца зъ воску купленого за брацкіи пѣнязи уставичне засвѣченная быти маетъ при хвалѣ божой. А кого колвекъ рачитъ Господь Богъ зъ того свѣта собрати повинни его всѣ братіа до гробу отпровадити опрочь посторонниxъ. А если бы зъ допущеня Божія на которого зъ братій хороба албо упадокъ якій былъ, а не мѣлъ бы достатку, маютъ его братія з скринки брацкои ратовати, и прійдетъ ли на него смертъ маютъ его также всѣ до гробу отпровадити тамъ, до которой церкви прислушаяъ будетъ. До схацки до брацтва для рожныхъ потребъ маются всѣ за обесланымъ знакомъ ставити, непослушного и выступного карати, винами: еслибы который братъ нехотѣлъ прійти ку отпроваженью умершаго брата, на томъ вины церковнои фунтъ воску. А на кождый рокъ брацтво маютъ з межи себе выбирати двохъ старшихъ, а третего витрикуша, (*) а тыи не маются стого вымовляти подъ винами на кождого три фунты воску. Кды бы который братъ за знакомъ звычайнымъ до брацтва не прійшолъ на значную потребу, на томъ вины шесть фунтовъ воску. А зшедшися до брацтва маются статечне, трезво такъ въ розмовахъ, яко и въ справахъ своихъ заховати. А знашолъ бы ся который братъ пяный, сварливый или непотребная глаголющій, на томъ

---

[1]) Витрикушъ—церковный ризничій, изъ прихожанъ-міряпъ.

вины церковной десять фунтовъ воску. Также если бы единъ надъ другого сягнулъ словомъ неучтивымъ, на томъ вины фунтъ воску. А еслибы мѣлъ сягнути рукою на брата своего на томъ вины пулъ каменя воску. А еслибы кто зъ братій мовленіе въ брацтвѣ слова разносилъ и о братіяхъ не пристойне мовилъ, будетъ ли на него свѣдоцтво, на томъ вины фунтъ кадила, безъ жадного отпусту. Къ тому который бы братъ вѣдалъ на другого што выступного, и непорядне ведлугъ боязни Божіей жиючого, а не донеслъ бы до братіи, и на томъ вины пулъ фунта воску. А если бы братъ на брата ненависть якую мѣлъ, а удавалъ бы ся мѣского права, на томъ вины три фунты воску. А гды бы тежъ хто упоромъ своимъ хтѣлъ з брацтва выступити таковаго карати каменемъ воску и закономъ церкви святой дотоля, ажъ ся не вернетъ до брацтва. Скринка тежъ маетъ быти у старшого брата, а ключъ у молодшого, с которой скринки священникови своему братія за богомоліе що рокъ по золотыхъ два давати мають и повинни с приходовъ на кождый рокъ предъ нами Епископомъ албо предъ тымъ, которого мы отъ боку нашого зошлемъ братія чинити повинна рахунокъ: Даемъ теды сей нашъ листъ благословенный на сіе церковное духовное брацтво, заказуючи на каждого противника неблагословеніе и клятву святыхъ богоносныхъ отецъ триста осмнадцать, иже въ Киликіи, во большее же свидѣтельство сему писанію нашему при подписѣ руки печать Епископства нашего завѣсити росказалисмо. Писанъ во Львовѣ при церкви катедральной святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Мѣсяца Марта дня 20, року Божія 1666.

Вышъ речено Епископъ рукою власною.

Іоаннъ Романовичъ писарь.

Зоставши я сукцесоромъ блаженной памяти вышъ менованнаго Антецессора моего той фундушъ конфѣрмую и подписую Іосифъ Шумлянскій, Православный Епископъ Лвовскій, Галицкій и Каменца Подолскаго року Божія 1668 дня 11 Августа.

Власною рукою.

6.

Благословенная грамота львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго на учрежденіе церковнаго братства при куликовской пречистенской церкви, съ изложеніемъ правилъ для сего братства.

Іосифъ Шумлянскій Божіею Милостію Православный Епископъ Лвовскій, Галицкій и Каменца Подольскаго.

Всѣмъ в обецъ и каждому з особна о томъ вѣдати желаючому духовнаго и свѣцкаго стану людемъ въ православіи святомъ найдуючимся намъ въ духу святомъ найдуючимся возлюбленнымъ и благопослушнымъ сыномъ благодать божая и нашего смиренія благословеніе Архіерейское всегда умножится. Вѣдомо чинимъ симъ листомъ нашимъ, ижъ за едностайною намовою внесена была до насъ Пастыра усилная прозба благочестивыхъ и Христолюбивыхъ парохіанъ Церкве *Куликовскія* св. Пречистой Дѣвы, абысмо оныхъ на союзъ братства поблагословили, що мы Пастырь уважившы речь Богу быти годную Церкви Божой барзо пожитечную Христіаномъ православнымъ совершенной любви а найпреднѣйшомъ приказаню Боскомъ жити, ведлугъ святого Іоанна словъ, Богъ любы и пребывая въ любви Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ, и божественнаго Апостола Петра, братство возлюбите симъ повинующеся, ижъ братство нѣчого иного не есть едно любовь, албо союзъ совершенства, о чомъ и Павелъ святый пишетъ, надъ всѣми же сими стяжите любовь, юже есть союзъ совершенства, на такъ душеспасенное тщаніе зъ любви отцевской склонившеся со усердіемъ онихъ

благословеніемъ нашимъ Архіерейскимъ благословивши братство южъ цале основати и утвердити зезволихомъ, тымъ еднакъ способомъ, абы во всѣхъ союзахъ любви належачихъ добродѣтелехъ статечне и трвале обецали жити и выраженые ниже пункта заховати:

1. Абы намъ пастыреви православному и всѣмъ по насъ наступуючимъ также православнымъ Пастыремъ во всемъ повиновалися и послушны были, по Апостолу, меншій отъ большаго благословляется безъ всякаго прекословія и до тогожъ во всѣхъ потребахъ духовныхъ долегливостяхъ, трудностяхъ и церкви божой порядкахъ для помочи и порады утѣкалися.

2. Пилно будетъ повинно тоежъ братство любовь ку церкви божой заховати по Апостолу реченію, всѣхъ добръ своихъ утратою могучи ратовати, але и кромѣ гоненія такъ внутрнея, яко и завнутрнея украшенія своимъ коштомъ старатися помнажати, бы и душу свою, яко православныи сынове полагати по словеси Господни: Сея любве нѣсть более да кто душу свою положитъ за други своя.

3. Повинно будетъ тоежъ братство старатися удостоити звати братствомъ милосердія заховуючи седмь учинковъ милосердныхъ до матки добродѣтелей любви належачихъ, абы умерлаго убогаго порядкомъ христіанскимъ поховали дармо безъ легаціи и иные нагаго пріодѣти, що всѣ справятъ гды шпиталь при церкви въ доброй опатрности мѣти будутъ.

4. Службу божію за живую братію и (за) умерлую въ певные (дни) будутъ мѣти, и помяникъ списаный именъ брацкихъ духовному подавати зъ отправованямъ обѣдовъ на духовныхъ и убогихъ.

5. Службы, Акаѳисты часто мѣвати братскіе о умиреніе церкви святой, за Пастыра православного и всѣхъ труждающихся.

6. Схадзки братскіе часто мѣвати и надъ установленный часъ радячи о добромъ церкви Божой о порядкахъ братскихъ, а если бы который на оную не пришолъ за небреженіемъ и недбалостю, албо и на схадцѣ будучи незгоды, посварки, бунты чинилъ, таковый маетъ отъ старшихъ и молодшихъ сужденъ, караня вины церковной даткомъ воску и ладану ведлугъ грѣха и пѣняжною до скринки братской, а если бы удареня битя нашлося и кривда церкви Божой, теды до самаго его Милости Пастыра относити, тымже способомъ и тые быти карани маютъ, которые бы непристойне, неучтиве и пяные знайдовалися въ схадцѣ и намовы братскіе неналежнымъ открывали.

7. Певныхъ часовъ обирати маютъ старшого брата, выслухавши молбы и рахунку прешлого року будучого тогожъ старшого и его шафаровъ, который обраный маетъ быти у всѣхъ въ пошанованю и чести, а кто бы онаго неслухалъ, албо въ чомъ спротивнымъ былъ, маетъ виною въ артикулахъ описаною сгого каранъ быти.

8. Церковными речами единъ братъ на то обраный, такъ тежъ скринкою маетъ завѣдовати и рядити, шафовати еднакъ зъ вѣдомостью всѣхъ братій.

9. Таблица братская для подпоры церкви божой маетъ ходити при службѣ божой завше, а молодыхъ братствъ младенческихъ при утрни.

10. Писарь пилный и порядный для списованя справъ братскихъ, который обраный пилне маетъ нотовати и старшимъ албо зверхности церковной по падежи грѣха относити.

11. Священника за благословеніемъ нашимъ принявши, маютъ оному вшелякую учтивость выражати заховуючи при всѣхъ доходахъ церковныхъ яко богомолцу своего и отца духовнаго и инаго пріймати безъ волѣ нашей и благословенія ане

го отдаляти, ключей отбирати безъ слушной причины неизвѣстивше Пастыреви подъ каранямъ канонным.

12. Рахунокъ генералный передъ нами Пастыремъ альбо посланниками нашими зо веѣхъ приходовъ и розходовъ повинни будутъ чинити; при которыхъ артикулахъ тыхъ и тымъ подобныхъ, яко тежъ повинностяхъ братскихъ всѣ иные артикулы въ особливой книзѣ описаные со усердіемъ повинни будутъ вышъ реченное братство выконывати за помочею и ласкою Христовою. А кто бы то союзъ любве братерской всѣ добродѣтели Богу пріемные въ собѣ замыкаючые благословеніемъ нашимъ Архіерейскимъ утверженые мѣлъ разрывати и разоряти, таковый не только зъ реестру братского яко противникъ Божій и преслушникъ маетъ быти вымазанъ, але и отъ церкве отлученъ и выкинонъ яко гнилый члонокъ, абы и иныхъ здоровыхъ не заражалъ, которые приказаня божіе и церковные хранити не будутъ, клятва святыхъ отецъ и нашой зверхности и владзы духовной да будетъ на нихъ. Всѣмъ зась любезно стягаючимся, и тыя въ любви совершенно совершающимъ, свышние благословеніе наше да препослется. Що для грунтовнѣйшого увѣренія и поваги моцы вышъ реченному брацтву зъ подписомъ руки нашей печать завѣсити казалисмо. Въ Куликовѣ, мѣсяца Іануарія дня 2 року Божія 1600.

Іосифъ Епископъ власною рукою.

7.

Благословенная грамота львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, на учрежденіе братства младенцевъ при церковномъ братствѣ куликовской уніятской церкви.

Іосифъ Шумлянскій Божію Милостію православный Епископъ Львовскій, Галицкій и Каменецкій.

Вѣдомо чинимъ побожностію и ревностю Духа пресвятаго палаючимъ (пылающимъ), такъ стану духовнаго, яко и свѣцкаго людемъ благочестивымъ и въ православіи святомъ изрядно сіяющимъ П. П. братству и братіамъ и обывателемъ мѣста *Куликова*, также честнымъ презвитеромъ при благословеніи нашомъ Архіерейскомъ. Памятныи намъ суть слова Сына Божого пре..озлюбленнаго ученика Христова Іоанна реченіе: никтоже можетъ пріити ко мнѣ, аще не отецъ пославый мя привлечетъ его: за поводомъ теды особливымъ и побудкою живоначалнои Тройцы и всесовершающимъ Духа святого даромъ сердцу людей такъ лѣты пожилыхъ, яко и младенческо ся найдуючихъ справуючи до збавеня годное въ людехъ содѣловаетъ дѣло, яко то и въ тыхъ младенцовъ, которые квитнучые лѣта проводячи прекладами предъ нами горливость свою и усердіе опасное ку розмноженю хвалы Божой, и такъ своимъ яко и иныхъ благочестивыхъ рожной кондиціи младенцевъ именемъ въ мѣстѣ *Куликовѣ* обрѣтающимся, и такъ до далшого желанія волѣ таковой свое намѣреніе хотячи Божіимъ и нашимъ Архіерейскимъ благословеніемъ змоцнити внесли до насъ Пастыра своего прозбу, абысмо особливымъ листомъ оныхъ ублагословили чрезъ що бы статечный умыслъ совершили, прето любовно и охотное ихъ въ томъ видячи стараня, якое тежъ святобливую речь до помноженя хвалы Божой заправы и ускроменя обычаевъ младенцомъ *отцевского* склонившися симъ листомъ нашимъ поблагословляемъ благочестивымъ и благовѣрнымъ младенцомъ мѣста Куликова братство духовное при церкви Успенія Пречистой и образу честнаго и животворяцаго креста Господня ведлугъ уставовъ и артикуловъ мѣти, тымъ еднакъ способомъ жадаемъ и напоминаемъ пастырско благоправныхъ младенцовъ, абы въ томъ союзѣ братерскомъ знайдуючися любовне жіючи собѣ, аки дружество Христово по выроку Іоанна святого: о семъ разумѣемъ, яко ученицы есте Христовы, егда любовь

имате между собою, для позысканія и спасенія душъ своихъ такъ не лѣниво въ томъ теченію спасенномъ братолюбно поступовати, абы сердца братій ку вшелякимъ справамъ и ученикомъ побожнымъ презъ даръ и ласку Духа святого горячими и неозяблими зоставали, особливе то въ памяти своей обносячи, абы межи инныхъ добродѣтелей духовныхъ помноженю убогіе, болные, странные братія въ опатреню своемъ ку душамъ и тѣломъ належачимъ братолюбіемъ ратовани были и вспомагани, всѣ тежъ инные обовязки и артикулы нынѣ благословеніемъ нашимъ урощенное брацтво младенческое, абы цѣло святобливе и ненарушоне заховали мѣти хочемъ и пастырско напоминаемъ. Которому благословенію нашему Архіерейскому ктобы противнымъ найдоватися мѣлъ, албо въ порядкахъ и строеніяхъ добрыхъ, окрасахъ дому Божого брацтво тое младенческое нарушалъ и оныхъ ядовитою заздростю уближалъ, таковаго зъ разорителями Церкве православной проклятію и анаѳемѣ отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ вынесенной вѣчне предаемъ, благоповоривымъ зась и послушнымъ на сей часъ благословеніе Божіе и наше Архіерейское вторицею препославши сей листъ для всякого свѣдительства вѣры, моцы и поваги подписомъ руки власнои и печатію Епископскою запечатлѣнный выдаемъ. Въ Куликовѣ подъ часъ бытности нашой дня 19, Мѣсяца Іанyарія 1670 року.

Іосифъ Епископъ власною рукою.

№ 9.

Жалованная грамота полотскаго князя Ярослава Изяславовича [1] полотскому борисоглѣбскому монастырю на мельницу, на рѣкѣ Вѣльчицѣ, 1396 г.

(Списана съ подлинной грамоты, находящейся въ архивѣ сего монастыря. Она писана на пергаминѣ, словянскими буквами, уставомъ; при ней сохранилась и восковая печать, повѣшенная на шелковыхъ шнуркахъ, имѣющая видъ разрѣзанной по поламъ груши. Помѣщаемъ ее здѣсь какъ образчикъ русской рѣчи 14-го столѣтія въ Западной Россіи, еще неиспорченной вліяніемъ польскаго языка).

Во имя Божіе стансе. Язъ князь полоцкій Ярославъ Изяславовичъ сознаваю симъ моимъ листомъ вечно и непорушоно ижъ на чолобитые архимандриты нашого борисоглебского филарета

---

[1] О семъ князѣ ни въ русскихъ, ни въ польскихъ лѣтописяхъ нигдѣ не упоминается. Извѣстно, что, по прекращеніи династіи полотскихъ князей Владимірова дома, Полотскомъ завладѣла Литва (въ 13 столѣтіи) и со временъ литовско-русскаго князя Мингайла до Гедимина княжили въ Полотскѣ князья мингайловой династіи, состоя въ зависимости отъ Литвы. Они женились на русскихъ княжнахъ и принимали ихъ православную вѣру и, дабы лучше привязать къ себѣ русскій народъ, какъ сами такъ и своимъ дѣтямъ на крещеніи давали имена славянскія, преимущественно напоминавшія прежнихъ русскихъ князей Владимірова дома, не оставляя впрочемъ и своихъ именъ литовскихъ. Поэтому тѣже самыя лица у лѣтописцевъ встрѣчаются съ разными именами. Русскіе лѣтописцы любили въ своихъ лѣтописяхъ называть именами славянскими, а литовскіе напротивъ. Князь Ярославъ Изяславовичъ, вѣроятно у сихъ послѣднихъ названъ литовскимъ именемъ и по происхожденію былъ одинъ изъ Гедиминова дома, господствовавшаго тогда въ Полотскѣ.

Вообще у всѣхъ литовскихъ князей, крестившихся въ русскую вѣру, былъ обычай оставлять и прежнія ихъ языческія име-

и всей братыи его богомольцовъ нашихъ ку потребе выживеню, и пожитку ихъ позволили есмы и вечне надалъ на основаные и созыждеще млына берегъ вольны противо ихъ берега на рецы белчицы и ныжъ монастыра борисоглебскаго межы дорогами котора од монастыра идетъ и за бельчицою другая дорога до двины ведетъ. А хто сыю волю нашу илы одню іото сей грамоты душеполезной нарушить да будетъ частъ его со Арыемъ и со Іудою. А на твердость вечную печатъ нашую велилисмо завесить. Пысано бысть, во Гради нашомъ Полоцку Лета отъ создания мыра шесц тысячей девятсотного Четвертого Индыкта первоенадесять.

на. Для примѣра исчислимъ всѣхъ Ольгердовичей, еще при жизни своего отца принявшихъ св. крещеніе у русскихъ священниковъ: А) Рожденные отъ первой супруги Ольгерда княжны витебской Маріи: 1) *Владимиръ* князь бѣльскій, 2) *Зедзевиллъ—Иванъ* князь острозжскій, 3) *Лугвенъ—Симеонъ*, кн. волынскій, 4) *Мингилло—Сангушко—Өедоръ*, 5) *Вигунтъ—Андрей*, кн. полотскій (крещенъ въ Псковѣ въ 1342 г.), 6) *Киригайло—Константинъ* (родоначальникъ князей Чарторижскихъ), сперва кн. мстиславскій, потомъ чарторижскій, 7) *Бутавъ — Борисъ*. Б) Рожденные отъ княжны тверской Іюліаніи; 8) *Ягайло*—въ русской вѣрѣ, въ которой крещенъ былъ младенцемъ—*Яковъ*, потомъ съ принятіемъ въ Краковѣ вѣры римской прозванный Владиславомъ, 9) *Скиргаило—Иванъ*, кн. кіевскій, 10) *Свидригайло*, въ русскомъ крещеніи *Левъ*, а потомъ въ латинскомъ—*Болеславъ*, 11) *Корыбуттъ — Димитръ*, кн. новгородъ-сѣверскій, 12) *Вигандъ—Василій*. (О крещеніи Ольгердовичей въ русскую вѣру, смотри: Kronika Litewska Stryjkowskiego ks XII, roz. XIII; *Софійскій* Времянникъ 1,378;—Dlugossi lib. 10 p. 60; Kromer, histor. Poloniæ, edit. 1767, въ Варшавѣ, pag 407; Bielski Kronika Polska; Narbutt, Historia Litwy; Kraszewski Wilno Г. 1; *Карамзинъ*; *Собраніе древнихъ* грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ, изд. 1843 г. и многіе другіе).

№ 10.

Жалованная подтвердительная грамота князя Семена Огинскаго, мечнаго в. кн. литовскаго, подкоморія витебскаго, на имѣнія Марково и Шпаковщину для витебскаго Маркова монастыря, основаннаго его родителями Львомъ и Раиною Огинскими, въ 1633—42 годахъ. Писана въ 1687 г. Августа 14.

(Списана съ копіи (экстракта) сей грамоты въ архивѣ Маркова монастыря находящейся, № 2. Помѣщаемъ здѣсь въ видѣ приложенія къ историческимъ свѣденіямъ о витебскомъ марковомъ монастырѣ. (Смотр. Отд. II).

Выписъ з книгъ справъ земскыхъ воеводства витебского, лѣта врожества сына Божія тысеча шестсотъ осемдесятъ семого, месѣца Октобря 3 дня.

На рокахъ судовыхъ Михайловскихъ (¹) по св. Михаилѣ святѣ римскомъ порядкомъ права посполитого припалыхъ и судовне въ замку Его Королевской милости витебскихъ справляющихъ. Передъ нами Феліціаномъ Лукомскимъ Судіею и Секретаромъ Его Королевской милости, Іосифомъ Казиміромъ Ромейкомъ-Гуркомъ Подсудкомъ и Адамомъ Францишкомъ з брусилова киселемъ Писаромъ, Урядниками судовыми земскими воеводства витебского ставили особисте (лично) велможный Его милость панъ Семіонъ Кароль Огинскій Мечный великого княжества Литовского (²), Подкоморый воеводства витебского сей свой

(¹) Рокомъ судонымъ назывался, по Литовскому Статуту, извѣстный срокъ въ году для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ. Сроки эти для каждаго воеводства опредѣлялись послѣднимъ генеральнымъ сеймомъ и обыкновено начинались съ какого-либо праздника, именемъ котораго и назывались, какъ напр. здѣсь: *рокъ св. Михальскій*.

(²) Этотъ Огинскій, сынъ основателя Маркова монастыря Льва, измѣнилъ православію послѣ смерти своихъ благочестивыхъ

доброволный листъ, записъ вечисты фундацыйный и супцестъ того на тымъ же записѣ фундацыйнымъ у суду головного Трибуналного даного на речъ в нимже самомъ нижей о всемъ достатечне выраженную въ Богу велебнымъ ихъ милостямъ отцамъ, Игумену и всимъ каплановъ (священникамъ) и братіи монастыря Марковского в воеводстве витебскимъ лежачого даный и служачый въ суду призналъ, и абы до книгъ земскихъ витебскихъ принять и вписаня потребовалъ, который вписавши у книги, задавши всущести слова всnúmлово такъ всобе имѣетъ. Року тысеча шестсотъ осимдесятъ семого мѣсяца Августа четырнадцатого дня, сей записъ фундушевый Панъ Мацѣй Стемпковский ку активованю у суду Головного Трибуналного подалъ, Богуславъ Униховский писаръ Земскии Новогрудский, Маршалекъ Трибуналский великого княжества Литовского, Михаилъ Шумский, Писаръ Трибуналский. Я Семіонъ Огинский, мечный великого княжества Литовского Подкоморый воеводства витебского, ознаймую и чиню вѣдомо симъ моимъ стародавнимъ доброволнымъ записомъ, кому о томъ ведати надлежить, теперъ и впотомные часы вѣку людемъ; что в Богу з сего света зешлые велможные Его милость Панъ Левъ Самуелъ Огинский Цивунъ Троцкий и ея милость Пани Софія Белевичевна Огинска цивунова Троцка, добродѣе родители мои, в року тысеча шестсотъ четыредесятъ вторымъ месяца Августа шестого дня; въ моцъ констытуции сеймовой, вроку тысеча шестсотъ тридцатъ пятого ухваленой и порядкомъ в той же Констытуцыи списанымъ, оправленымъ вечисто фундаційнымъ записомъ своимъ имѣнѣ свое стародавнее од землнъ его Королевской милости воеводства витебского одну часть впана Яна Киселя Загоренскаго а другую часть впана Мартина Шидловского набытые названое

родителей. Онъ едва ли не первый изъ дома Огинскихъ принялъ латинство.

Марковое неподалеку замковъ мѣста витебского внизъ реки надсамою Двиною лежачые, гдѣ первіе сего церковъ чрезъ Пана Киселя поставлена была и теперъ церковъ и монастыръ здавныхъ часовъ презъ добродѣевъ родителей моихъ заложеный естъ, до которыхъ то церквей и монастыря од старыхъ зверхныхъ пастырей реліи нашей *старожитной греческой* а не *Унитовъ*, отецъ игуменъ з братіею законниками для вправленя хвалы божей утверждены правомъ вечистымъ суть абы втомъ монастыре вцерквахъ хвала Божія ширила и уставичные молитвы за добродѣевъ родичовъ моихъ зешлыхъ и насъ вживыхъ зостаючыхъ щастливе на всѣ потомные часы оправлены бытъ могли, симъ ведлугъ науки права Посполитого, изъ вышприсанной Конституцыи справленнымъ у суду головного Трибуналного въ року тысеча шестсотъ четыредесятъ вторымъ месяца Августа 27 дня признавши ввечистую поссесію (владѣніе) урадовне велебнымъ (преподобнымъ) в Богу Отцу игумену з братіею законниками (иноками) подали и попустили и до тѣхъ часовъ въ поссесіи своей вечистой спокойной, ненарушней зостаютъ и тые обедве часты маетности и самый монастыръ з церквами з дворомъ в пана Шидловского гдѣ онъ самъ жилъ, з гумномъ, зпашнями дворными и до монастыря принадлежачыми изъ сады огороды з полеми оремыми и неоремыми, з ловы, гаями, дубровами, з реками, речками, з ловы рыбными и всякого звѣра, совсѣмъ натѣ яко тіе обедве части з давныхъ временъ в собе имѣли в стародавныхъ ограниченяхъ, пожыткахъ и обходахъ своихъ и теперъ имѣютъ, влучывши всѣхъ кревныхъ повменыхъ нашыхъ на выхованѣ тому монастырю отцу Ігумену збратію законниками теперешними и впрышлый векъ наступаючыми, на разшыренѣ хвалы Божей рел і и старожытной подъ послушенствомъ святѣйшого Патріарха Константинопольского и у него намъ звыклымъ порядкомъ стародавнымъ поданымъ

преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ Галицкимъ и всей Россіи будучимъ, такимъ порядкомъ дано и записано; что еслибы Панъ Богъ, смерть на отца Игумена Марковского допустить рачылъ, тогда другіе отцы нашы законники черницы тогожъ монастыря со мною яко фундаторомъ и ихъ милостями паны обыватели тогожъ воеводства витебского, врелеи нашей зостаючыми и иншыми людми добрыми тойже релеи старожитной греческой стогожъ монастыря законниками, на тотъ станъ игуменский годного и потомъ завсегда, яко я самъ и потомки мои, которые релии нашей старожитной греческой останется оберать маю и маютъ, а ихъ листъ теперешний іего милость отецъ митрополитъ и по немъ другіе митрополиты тоей же релеи нашей греческой старожитней въ святейшого Патріарха Константинопольского, будучыхъ тыхъ таковыхъ игуменовъ на тотъ столецъ игуменский подавать и благословить маютъ. А жадней перешкоды переказы втей маетности . . . . вмонастыръ игуменомъ другимъ законникомъ чинить а не инайшимъ способомъ порядку иншого, ани подаванію въ себѣ иншого игумена и ни вчомъ никоторые одмены чинить немають; отецъ игуменъ збратіею своею справоватися и захованти въ томъ монастыру порядкомъ общежительнымъ . . . . маютъ, гдѣбы и то показало, чего Боже уховай, чтобы который отецъ игуменъ втой релеи нашей старожитней греческой одступить и до *унитской* албо до кой иншой приступить хотѣлъ и общежитіе псовалъ (портилъ, нарушалъ), тогда таковый, яко отступникъ нетолко у отца митрополита, но и у насъ самыхъ фундаторовъ за згодою (съ согласія) всей братіи законниковъ тогожъ монастыря марковского отлученъ и декретованъ (отрѣшенъ) быть имѣетъ, а на тое мѣсто иншого ведлугъ вышшого порядку албо параграфу обрано и подано быть имѣеть, яко шырей всѣ речь вперьшомъ листу записѣ фундушу в Богу зешлыхъ добродѣевъ ро-

дичовъ моихъ тому монастыру данымъ естъ описано, я тогда Огинский мечный великого княжества Литовского Подкоморый воеводства витебского стосуючися до воли ихъ милостей пановъ добродѣевъ родичовъ моихъ тотъ первый записъ родителский во всѣхъ пунктахъ и параграфахъ вечными часы, симъ моимъ доброволнымъ вечистымъ записомъ утверждая и отдати сего листу моего доброволного вѣчистого запису я самъ, малжонка (жена), дѣти, потомки мои до тей маетности и пожытковъ жадного вечными часы вступу имети не маю и немаютъ под зарукою, яко важность речы выноситъ, але овшемъ (но напротивъ) видячы всякий духовный законный побожный поступокъ в Богу велебного его милость отца игумена, того монастыря Ѳеофана Ивановича зволи моей и братіи того монастыря на игуменство обраного во власть подавши воленъ всѣмъ владѣть его милостъ самъ сполне (совмѣстно) о Христѣ з братіею и по его милости наступающіе игумены и братія вечными часы и хтобы хотелъ яковымъ способомъ втотъ монастыръ и маетностъ уступовать, отнимать крывды (обиды) чинить, у каждого суду и права заступовать (защищать) маю и повиненъ буду я самъ и потомки мои и нато я Семіонъ Огинский мечный великого княжества Литовского Подкоморый воеводства витебского далъ сей мой доброволный фундаційный листъ записъ, сподписомъ руки моей, также под речами и подписами рукъ ихъ милостей пановъ пріятелей до сего моего запису устне и очевисто упрошеныхъ нижей на подписахъ выражоныхъ, которые ихъ милости на просбу мою подписать рачили (изволили). Писанъ в Лезнѣ року тысеча шестсотъ осимдесятъ семого, месяца генваря двадцать осмаго дня, у того доброволного листу запису вечистого фундацыйного при печатехъ подписъ рукъ сими словами Семенъ Огинский мечный великого княжества Литовского Подкоморый витебский, устне и очевисто прошоный печентаржъ до того

фундушу од велможного его милости пана Симеона Огинского Мечного великого княжества Литовского, Самуель Станиславович Чаплицъ подчаший воеводства витебского, устне и очевисто прошоный печентаржъ в особе вышприписанной до того запису рукою моею подписуюсь Янъ Лешневский; который то листъ записъ доброволный, вечистый фундацыйный за очевистымъ признанемъ чрезъ особу вышреченную до книгъ земскихъ витебскихъ естъ вписанъ съ которыхъ и сей выписъ под печати урядовыми Судии и подсудка. А с подписомъ руки моей писарской в Богу велебному его милости отцу Өеофану Ивановичу игумену монастыря Марковского и всѣмъ ихъ милостямъ отцамъ законникамъ тогожъ монастыря естъ выданъ. Писанъ у Витебску, у которого выпису подписъ his verbis (сими словами) Адамъ з Брусилова Кисель, Писаръ земский витебский. Скорриговалъ с книгами Рослинский.

Примѣчаніе. Упоминаемый въ сей грамотѣ Левъ Огинскій, цивунъ троцкій, кромѣ Маркова монастыря, былъ еще основателемъ (въ 1637 г.) полотскаго православнаго Богоявленскаго монастыря, и съ супругою своею погребенъ въ кронскомъ православномъ монастырѣ, основанномъ родителями его: князем Богданомъ и Раиною, урожденною Воловичевною, Огинскими, тамъ же погребенными. Замѣчательно, что всѣ эти монастыри, не смотря на неоднократныя попытки со стороны уніятовъ отнять на унію, пережили оную, оставаясь всегда въ рукахъ православныхъ. (Объ основаніи сихъ монастырей Огинскими и погребеніи ихъ въ Кронскомъ монастырѣ упоминается въ документахъ архива полотск. Богоявл. монастыря, въ актахъ гг. Вильны, Трокъ и другихъ. Ч. II, №№ 41 и 43 и „въ Бѣлорусскомъ Архивѣ“ №№ 45—48. Гробы ихъ находятся и понынѣ въ Кронской церкви).

№ 11.

Декретъ (Рѣшеніе) Короля Сигизмунда III, по дѣлу виленскаго православнаго Братства съ уніятскимъ митрополитомъ Ѵпатіемъ Поцѣемъ, дабы всѣ православные жители состояли, по дѣламъ вѣры, въ повиновеніи сего митрополита и не смѣли позывать его въ гражданскіе суды и на судъ константинопольскаго патріарха и чтобы и сами судились въ уніятскомъ митрополитскомъ судѣ. 1605 Ноября 16.

(Списано съ подлинника, находящагося въ архивѣ полотской духовной Консисторіи. Связка 30. № 2).

Жигимонтъ третий Божю милостью король полский князь литовский руский пруский жомойтский мазовецкий ифлянский и шведский кготский дедичный король.

Ознаймуемъ симъ выpокомъ (рѣшеніемъ) нашимъ, ижъ што позвалъ передъ насъ господара манъдатомъ (повелѣніемъ) нашимъ, инстигаторъ нашъ великого князства Литовскаго, заоднесеньемъ вбозе велебного отца *гипатея Патея* архиепископа Митрополита Киевского, Галицкого, и всея руси, Епископа Володимерского и Берестейского, Василя Харевского, а петра илича, Которые се быти менують старостами Братства мниманого виленского релии греческое, О то ижъ они вроку теперешнемъ шестисотъ пятомъ месеца июля осмого дня, позвавши позвы нашими земскими виленскими предъ судей головныхъ трибунальскихъ, вбозе велебного отца Гипатея Потѣя Митрополита Киевского, Галицкого, и всея Руси, о протестацыю которую онъ отецъ митрополитъ вроку теперешнемъ-же тысеча шестсотъ пятомъ месеца июня двадцат семого дня, до книгъ кгродскихъ троцкихъ и до книгъ врадовъ учинилъ былъ о неслушный переводъ права однихъ братства мниманого Виленского передъ судомъ светскимъ трибунальскимъ, въ справе Анътония грековича дьякона и слуги его, у которого суду яко

неналѣжного одержали декретъ и противко особы велебности его торгнувшиее на права и на привилея духовные зверхности ураду его Митрополего, не за позвомъ не нароку бо тамъ отецъ митрополитъ позву року (сроку) и термину (тожъ сроку) жадного (никакого) немелъ, и слушнесе на тое мниманое Брацтво, о такий злый переводъ права протестовалъ, они теды той поступокъ его правный ексцесемъ (нарушеніе закона) неслушне назвавши позвали его зато до трибуналу и тамъ еще на рокъ припаломъ въ року тысеча шестъсотъ пятомъ месеца августа двадцатого дня недбаючы ничого на ето . . . . которые онъ чинилъ черезъ умоцованого (повѣреннаго) своего захарьяша Семешки ижъ яко . . . . свецкому жадному всправѣ и владзы (власти) вроду своего духовного неподлегаетъ отъзывалсе до суду и права належного встатуте описаного, они предсе инъстыкговали на него и одержали декретъ противъ его особы, которы выняли зъюрыздыкцыи его духовное поповъ и Брацтво свое мниманое церковное и указали оному форумъ (судъ) ку дохоженью справедливости спозваными за границею панства (государства) нашого вземли неприятеля крыжа (креста) светого передъ Патрыярхою Константинопольскимъ албо передъ якимсь неслыханымъ и ново змышленымъ урадомъ Ескархою патрыяршимъ, чимъ всимъ ижъ нарушили нетолько юрыздыкцыю его Митрополью здавныхъ вековъ отъ продковъ нашихъ королей ихъ милости польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, и одинъ господаря упривилеваную, алетежъ торнулисе и противъ зверхности нашое господарьское вынайдуючи собе инъшие зверхности (начальство) и юрыздыкцыи за границами панства нашого вземляхъ поганскихъ мимо нашу королевскую и свою духовную впанствахъ нашихъ здавна упривилеваную и правомъ посполитымъ описаную и объвароваую, спротивляючисе зверхности нашой духовной, о который то неслушный ихъ поступокъ спротивен-

ство и зневаженье привилеевъ декретовъ и мандатовъ нашихъ Инъстигаторъ нашъ А о тотъ неслушный декретъ отъ позваныхъ утрыбуналу одержаный, и скрывженье (оскорбленіе, обида) свое отецъ митрополитъ передъ насъ господаря запозвалы, яко ширей жалоба на томъ мандате описана, есть, А нароку затымъ мандатомъ по выйстью лимитацыи (ограниченіе) нашое припаломъ кгды-се тая справа зреестру куразсудку приточила, сторона жалобливая Инстигаторъ нашъ, также отецъ митрополитъ самъ и черезъ умоцованого своего шляхетного Александра Хубицкого у суду нашого ставши, А доведши позву кроку занимъ припалого выписомъ скнигъ кгродскихъ Виленские сознанья возного Миколая залеского положенья его помснованыхъ особъ вдому ихъ вместе Виленскимъ при церкви новой названой черезъ нихъ заложенья светого духа лежачомъ, и показавши на томъ позве трое воланье ведле порадку превного черезъ енерала возного нашого дворного Криштова Чижевского чиненое, и четвертый разъ сторону свою противную приволывати (призывать) давалъ. Закоторымъ воланьемъ (призваніемъ) озвавшисе шляхетный *Урияшъ Солтанъ* а показавши отъ позваныхъ мниманыхъ старостовъ яко се они сами зовутъ братскихъ и отъ иншихъ особъ народу шляхетского моцъ собе втой справе толко до обмовы даную поведилъ ижъ дей тая справа форумъ (судъ, судилище) тутъ усуду нашого немаетъ бо позвано старостовъ братства ихъ виленского ку знесенью и скасованью декретовъ суду головного трыбунальского, штобы дей самсе кому кривда видитъ незадворному але соймовому суду узнавати належало, и нехотичи втой речи . . . . вдавати просилъ жебы тая справа на разсудокъ соймовый отослана была. Противъ тое обмовы (оговорка, объясненіе) Урьяша Солтана Инъстыгаторъ нашъ и умоцованый его милости отца митрополита киевского мовили (говорили), жесе дей позваные

жадными (никакими) обмовами своими зроку (сроку суда) теперешняго зривати и форумъ ексцыповати (и отъ суда уклоняться) немогутъ, поневожъ (поелику) тутъ идетъ о зверхность и владзу (о начальство и власть) его милости отца митрополита привелеями продковъ нашыхъ ихъ милостей королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ здавныхъ часовъ утвержоную . . . .
особъ через декретъ суду головного трыбунальского, которому отецъ митрополитъ . . . . особы ихъ учинку того ошто тамъ небылъ повиненъ, непорушоною и на . . . . ную, што некому иньшому одно намъ господару якъ зверхнему (верховному) сторожу и оборонцы церквей божихъ и старшихъ преложоныхъ (начальниковъ) ихъ судить и направовать (исправлять) належитъ, и просилиже бы есмо урыяша Солтана который дей толко обмову якуюсь неправную вноситъ, а напозовъ отповедати нехочетъ на сторону отставивши позваныхъ особъ яко праву посполитому и звирхности нашое непослушныя занестанпыхъ наупадъ здали, а вдалшемъ поступку положивши видимусъ (копію) декрету суду головного трыбуналского у вилни вгоде теперешнемъ тычеча шестьсотъ пятомъ месеца августа дванадцатого дня учиненого, указами знего же нещто иншого толко о протестацыю черезъ отца митрополита на поповъ и братство мниманое виленское, о зневажене правъ пророгатывъ (привилегій) и волностей духовныхъ зстороны неслушного и неправного черезъ нихъ одержанья декрету у суду неналежного головного трыбуналского навраде кгродскомъ троцкомъ учиненую, ото они ексцесомъ меновали (назвали нарушеніемъ закона) отецъ митрополитъ до суду головного позванъ и тымъ декретомъ вторымъ суду головного за злымъ уданьемъ ихъ возвирхности своей обтяженъ былъ домовлялсе жебы есмо тотъ весь процесъ черезъ позваныхъ у суду головного одержаный

поднесши и скасовавши (уничтоживъ), вины вправе посполитомъ (въ общественномъ законѣ) описаные о непослушное потеганье отца Митрополита до суду неналежного всказали и присудили. Мы господаръ черезъ паны рады и врадники наши на суды отъ насъ высажоные форумъ тутъ усуду нашого той справе узнавши, и видечи ижь позваные толко объмову якуюсь неправную черезъ умоцованого своего вносили а на реѣ самую отказовати нехотели тогды ихъ яко права посполитого и звирхности нашое непослушныхъ водле артыкуловъ чотырнадцатого врозделе (въ главѣ) первомъ шестнадцатой и сорокъ второй врозделе четвертомъ яко року за квитомъ занестаныхъ наурадъ здали есмо А ижъ се то стого послѣднейшого декрету трибуналского отъ стороны жалобливое ясно показано же неоякись ексцесъ албо выступокъ только о учиненье навраде кгродскомъ Троцкомъ протестацыи, што кождому крывду (обиду) маючому завжды (всегда) чинить волно, и ексцесомъ то разумено и называно быти неможетъ, отецъ митрополитъ до суду неналежного где одни особы и взряду и етого учинку своего становитисе повиненъ былъ, позванъ и таковымъ декретомъ обътяжонъ есть про то тотъ весь процесъ и декретъ втой справе черезъ позваныхъ особъ у суду головного трыбуналского яко неналежного неслушне и неправно одержаный симъ вырокомъ (рѣшеніемъ) нашимъ подносимъ касуемъ (уничтожаемъ) ускораемъ и вништо оборочаемъ вечными часы. А владзу (власть) и зверхность (начальство) его милости отца митрополитову надъ людми релеи греческое впанствахъ нашыхъ будучими водле звычаевъ (обычаевъ) хрестиянъскихъ водле порядку церкви божое и водле привилеевъ продковъ нашихъ митрополитомъ киевскимъ наданыхъ слушную и ничемъ невонтпливую быть узнавши вцелости своей ненарушене воставуемъ . . . . .

. . . .

Писанъ у кракове лета божого нароженя тысеча шестъсотъ пятого наября шеснадцатого дня.

Примѣчаніе. Поцѣй, одинъ изъ главныхъ виновниковъ уніи (смотри Алфавитный Списокъ правосл. митроп. и пр., подъ словомъ *Поцѣй Ипатій* № 17 Вит. Губ. Вѣд.), былъ вторымъ уніятскимъ митрополитомъ, при которомъ собственно утвердилась и распространилась унія и большая часть литовско-русской шляхты перешла въ латинство. Ему король подчинилъ по дѣламъ вѣры всѣхъ православныхъ русиновъ, наравнѣ съ уніятами, но первые рѣшительно отказались быть подъ его властью. Хотя онъ титуловался кіевскимъ митрополитомъ, однакожъ не смѣлъ жить въ Кіевѣ (жители коего и слышать объ уніи не хотѣли), ни даже въ Вильнѣ, гдѣ жизнь его находилась въ постоянной опасности, со стороны многочисленныхъ еще въ то время православныхъ дворянъ и мѣщанъ, неоднажды покушавшихся умертвить его за насильственное понужденіе ихъ въ унію и отнятіе древняго достоянія православія въ семъ городѣ,—храмовъ Божіихъ. Болѣе всего раздражилъ онъ противъ себя православныхъ жителей Вильны отнятіемъ Св. Троицкаго монастыря (основаннаго въ 1330 г. первою супругою Ольгерда Маріею княжною витебскою) и каѳедральнаго при семъ монастырѣ собора. Настоятель сего монастыря архимандритъ Самуилъ Сѣнчило и благочинный собора Варѳоломей Зашковскій явились въ главѣ православія въ Вильнѣ и, съ помощію вооруженной шляхты и мѣщанъ, неоднажды отстаивали монастырь и многія православныя церкви отъ покушеній Поцѣя завладѣть ими. При такихъ неудачахъ, Поцѣй выхлопоталъ у короля повелѣніе выслать главнаго противника уніи Сѣнчилу изъ Вильны и изъ предѣловъ государства, а непокорнымъ жителямъ грозилъ анаѳемою. Смущенные симъ жители Вильны подали исковую жалобу на Поцѣя въ главный трибуналъ, состоявшій тогда большею частію изъ судей православной вѣры, вслѣдствіе чего получили рѣшеніе выгнать изъ Вильны уніятовъ, какъ отступниковъ отъ господствующей вѣры въ великомъ княжествѣ литовскомъ и возмутителей общественнаго спокойствія.

Но митрополитъ Поцѣй успѣлъ исторгнуть у слабаго Сигизмунда строгій указъ объ отдачѣ ему всѣхъ монастырей и церквей въ Вильнѣ, коихъ въ то время считалось болѣе 36. Получивъ сей указъ, онъ (въ 1609 г.) лично явился въ Вильно и 2 Августа пошелъ съ торжествомъ въ каѳедральную Св. Троицкую церковь пѣть благодарственный молебенъ. Тогда встрѣтившійся съ нимъ на улицѣ мѣщанинъ, по имени Иванъ Тупека, замахнулся на него саблею и отрубилъ ему два пальца лѣвой руки, отклонившей ударъ. Сопутствовавшій ему архимандритъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій и намѣстникъ Св. Троицкого монастыря Іосафатъ Кунцевичъ, съ благоговѣніемъ подняли эти пальцы и положили на престолъ въ церкви Св. Тройцы, объявивъ оные св. мощами, служившими предметомъ чествованія отъ суевѣрныхъ уніятовъ еще при жизни Поцѣя, который и по смерти не былъ однакожъ причтенъ къ лику святыхъ римской церкви. Но и сей случай не усмирилъ Поцѣя.

Православные жители Вильны, лишенные такимъ образомъ своихъ монастырей и многихъ церквей, построили для иноковъ, оставшихся непоколебимыми въ православіи, своимъ иждивеніемъ новый монастырь и церковь, во имя Св. Духа. (1) Поцѣй и въ этомъ новомъ убѣжищѣ православнаго благочестія въ Вильнѣ не давалъ покоя послѣдователямъ онаго. Онъ постоянно дѣлалъ попытки сначала воспрепятствовать построенію сего монастыря и церкви, а потомъ захватить оныя въ свои руки.—Но видно, что и въ то время число православныхъ жителей въ Вильнѣ превышало папистовъ, ибо Поцѣй въ сихъ своихъ попыткахъ не имѣлъ никакого успѣха. Тогда позвалъ онъ въ трибунальный судъ всѣхъ православныхъ и выхлопоталъ у короля настоящее рѣшеніе, полагающее повидимому рѣшительный конецъ православію въ Вильнѣ. Однакоже рѣшенію этому, какъ противному акту

(1) Изъ 36 православныхъ церквей, находившихся въ Вильнѣ до уніи, за православными осталось только семь: Св. Духовская, Св. Параскевіи, Іоанна Крестителя, Воскресенская, Благовѣщенская, Св. Николая и Георгія Побѣдоносца. Но при преемникахъ Поцѣя, уніятскихъ митрополитахъ и изъ числа этихъ, нѣкоторыя отняты были на унію, или обращены въ римскіе костелы.

соединенія Литвы съ Польшею, несообразному съ правами и привилегіями, данными жителямъ в. кн. литовскаго, исповѣдывающимъ православную вѣру и подтвержденными всѣми королями при возшествіи ихъ на престолъ, православные виленскіе граждане не повиновались, послушанія Поцѣю не оказывали, Св. Духова монастыря и церкви не отдавали и монастырь сей, не смотря на постоянныя покушенія, какъ Поцѣя, такъ и его преемниковъ отнять оный, навсегда остался въ рукахъ православныхъ и ему собственно обязаны сіи послѣдніе, что въ эпоху уніи не истребилось до конца древнее православіе въ Литвѣ. Для противоборства съ уніятами, при монастырѣ семъ учреждено было братство, училище и типографія.

Замѣтимъ также, что митрополитъ Поцѣй не въ одной Вильнѣ нашелъ сильное сопротивленіе къ введенію уніи, которой онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ. Повсюду, куда только не являлся съ своею пропагандою, совратившійся въ папизмъ Поцѣй, вездѣ встрѣчалъ общій ропотъ, ненависть и часто вооруженное сопротивленіе противъ своихъ насилій, со стороны еще сильной въ то время православной шляхты, въ главѣ которой были князья и магнаты: Острожскіе, Корибуты-Вишневецкіе, Сангушки, Масальскіе, Четвертинскіе, Любецкіе, Сапѣги, Огинскіе, Ходкевичи, Пацы, Хрептовичи, Воловичи, Корсаки и прочіе. Они прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, какъ къ защитѣ гонимыхъ за вѣру своихъ единовѣрцевъ, такъ и къ совершенному прекращенію успѣховъ уніи: то писали протесты и отсылали ихъ на сеймы королю и въ трибуналы, то вооруженною рукою отстаивали монастыри и церкви, то наконецъ, въ видахъ общей защиты отъ гоненій, соединялись съ лютеранами, кальвинами и анабаптистами, какъ напр. въ 1599 г. на виленскомъ съѣздѣ (Актъ Конфедераціи, напечат. въ описаніи Кіев. Собора № 15). На сеймѣ варшавскомъ 1607 г. депутаты волынскіе, подольскіе, кіевскіе и брацлавскіе открыто требовали уничтоженія уніи и едва въ томъ не успѣли, еслибы находившійся тутъ Поцѣй не успѣлъ склонить большинства въ ея пользу. Кромѣ того сильную преграду встрѣчала унія и въ дѣятельно распространяемыхъ сочиненіяхъ противъ нея разныхъ

писателей, смѣло выступавшихъ съ орудіемъ слова въ защиту древняго православія и русской народности, которую польское правительство, посредствомъ уніи и латинства, старалось подавить совершенно, подобно тому, какъ нѣкогда политика германскихъ императоровъ и римскихъ первосвященниковъ, симъ же средствомъ, подавила въ Польшѣ всѣ элементы народности славянской. Изъ писателей таковыхъ и ихъ сочиненій укажемъ мы только тѣ, кои явились во времена Поцѣя. Первый изъ нихъ Христофоръ Бронскій въ 1597 году издалъ, подъ псевдонимомъ *Филалета Ортодокса*, книгу *Апокризисъ*, приведшую въ отчаяніе виновниковъ уніи и снискавшую у православныхъ столько уваженія, что князь Константинъ Острожскій подарилъ автору мѣстечко Вилскъ, съ принадлежащими къ нему нѣсколькими деревнями. Затѣмъ тотъ же Бронскій издалъ и другую книгу въ опроверженіе исторіи брестскаго собора, составленной Поцѣемъ и преисполненной лжи и хитросплетеній, въ чемъ сильно обличилъ его Бронскій. Въ тоже время явился и другой защитникъ православія, издавшій въ 1599 г., тоже подъ псевдонимомъ Клирика Острожскаго, книгу противъ сочиненій Поцѣя и исторію Флорентинскаго Собора, по всей справедливости названнаго имъ *Листрійскимъ*, т. е. разбойническимъ. Поцѣй пытался было опровергнуть сочиненія сего безъименнаго клирика, но столь безъуспѣшно, что современный ему іеромонахъ виленскаго Троицкаго монастыря, недавно совращенный самимъ Поцѣемъ въ унію, Левъ Кревза Жевускій (въ послѣдствіи уніатскій архіепископъ Смоленскій) поспѣшилъ ему на помощь изданіемъ книги «Obrona Jedności Cerkiewney», между прочимъ и Флорентинскаго Собора.

Писали и другіе противъ уніи и въ защиту гонимаго православія, какъ то: епископъ львовскій *Гедеонъ Балабанъ*, *Стефанъ Зизаній Борецкій*, *Василій Суразскій*, *Азарій Хира* и священникъ *Максимъ*. Но всѣ ихъ сочиненія, равно какъ и вышеписанныя усилія православныхъ противодѣйствовать распространенію уніи, оказались тщетными предъ необыкновенною дѣятельностію и настойчивостію къ повсемѣстному ея водворенію митрополита Поцѣя, имѣвшаго при томъ за собою короля, сеймы, трибуналы и

фанатическую ревность къ дѣламъ папы латинскаго духовенства, въ особен. іезуитовъ. Однимъ словомъ, что если унія не погибла въ самомъ началѣ своемъ, такъ за это паписты должны благодарить собственно митрополита Поцѣя. Въ этомъ сознаются и сами уніяты. Жизнеописатель Поцѣя базыліянецъ *Левъ Кишка* пишетъ: «По возвращеніи изъ Рима, *Поцѣй* замѣтилъ даже въ митропо«литѣ Рагозѣ немного бдительности и заботы объ уніи» (смотри «Алф. спис. въ Неоф. Части Вит. Губ. Вѣд. подъ словомъ Рагоза), «а въ *Константинѣ* князѣ Острожскомъ и епископѣ *Гедеонѣ* «*Балабанѣ* увидѣлъ сильное упорство и заговоръ противъ уніи, «въ народѣ же волненіе. Еслибы по смерти Рагозы не былъ пре«емникомъ ему на митрополіи *Поцѣй*, то безъ сомнѣнія и обра«тившаяся въ унію Русь отпалабы къ прежнему своему испов㻫данію».

Притомъ достаточно вспомнить почти общее изумленіе и негодованіе, съ которыми было принято русскими извѣстіе объ уніи, едва она открылась; ужасныя пытки и кровавыя гоненія, которыя нужны были для временнаго ея утвержденія; достаточно вспомнить, что нетолько русскіе православные богословы того времени, успѣвшіе, среди живой борьбы мнѣній и религіозныхъ вопросовъ, образовать православныя училища, но и простой необразованный классъ народа русскаго не могъ никогда примириться въ душѣ своей съ мыслію дать торжество латинству надъ славянизмомъ, т. е. православіемъ (1); достаточно, говоримъ, вспомнить все это, дабы понять, что унія была явленіемъ совершенно новымъ, неожиданнымъ въ жизни и исторіи русскаго народа. Даже, нельзя сказать, чтобы это явленіе было неизбѣжно. Слабая, шаткая при самомъ первомъ своемъ возникновеніи, унія, мало имѣла твердыхъ ручательствъ за свое развитіе въ будущемъ

(1) Ссылаемся на слова папскаго легата Поссевина, который имѣлъ случай и средства хорошо познакомиться съ русскими понятіями. Въ своемъ сочиненіи «De Moscovia» онъ между прочимъ дѣлаетъ такіе отзывы о русскихъ: **въ нихъ никогда не проникала и мысль, что они находятся въ схизмѣ**; у русскихъ самое поносное слово, которымъ оскорбляютъ другаго, есть—**латинянинъ**; онъ же замѣчаетъ, что обитатели польской Руси, Подоліи, Волыни, Литвы и Самогитіи твердо **держатся греческой схизмы.** Всѣ эти отзывы были писаны незадолго до уніи.

и повидимому неизбѣжное прекращеніе ея въ самомъ началѣ, остановилъ только Поцѣй.

Вся жизнь Поцѣя въ санѣ митрополита представляетъ безпрерывный рядъ состязаній съ православными о вѣрѣ, огорченій при неудачахъ, искательствъ и хлопотъ по дѣлу уніи въ трибуналахъ, сеймахъ и у короля, и наконецъ опасеній за жизнь свою. Онъ, правда, какъ мы видѣли выше, восторжествовалъ надъ всѣми этими препятствіями, но препятствія эти разстроили его здоровье и преждевременно довели его до могилы. Онъ умеръ въ 1613 г., во Владимірѣ Волынскомъ, гдѣ, не будучи принятъ ни въ Кіевѣ, ни въ Вильнѣ, имѣлъ свою резиденцію.

Еще замѣтимъ о немъ, что въ противность 76 правилу Св. Апостолъ, Поцѣй еще при жизни своей въ 1611 г. самъ избралъ преемникомъ себѣ, любимца своего Іосифа Веніямина Рутскаго, бывшаго тогда уже епископомъ-коадъюторомъ его, и сіе завѣщаніе утверждено королемъ Сигизмундомъ и папою Павломъ IV. Но подобныя завѣщанія съ тѣхъ поръ дѣлали и преемники Поцѣевы.

№ 12.

Вкладная запись Григорія Дружиловича, на пять крестьянъ и хлѣбную ругу для витебскаго Богородицкаго монастыря [1], 1406 г. Октября 9.

(Списана съ подлинника переданнаго мною, въ 1859 г., ИМПЕРАТОРСКАГО археолог. обществу. Бумага весьма ветхая, но письмо сохранилось хорошо; оно славянское—полууставомъ. На концѣ три мѣста, оставшіяся отъ трехъ печатей, уничтоженныхъ временемъ. Собственноручная подпись вкладчика и свидѣтелей, почти совершенно стерлись, почему и невозможно ихъ разобрать, На оборотѣ сей записи отмѣчено по польски, позднѣйшимъ почеркомъ: **Donacya od Hrydka Drużyłowicza pięciu poddanych na Cerkiew Witebską. Sztuka 1, № 76,** и въ низу по латинѣ: **Litt.**

---

[1] Монастырь сей нынѣ не существуетъ.

A a, Witebsk Fascic. 2 numer. Помѣщаемъ здѣсь какъ образчикъ русскаго языка въ западной Россіи начала 15 столѣтія). (2).

Се язъ гридко дружиловичъ, понеже отецъ мой Андрей Дружиловичъ далъ царища, съ женою и сдетьми и землю къ

(2) Просимъ читателей обратить вниманіе на рукописные документы, помѣщаемые въ нашемъ журналѣ, чтобъ убѣдиться, что чѣмъ они древнѣе, тѣмъ языкъ, на которомъ они писаны болѣе имѣетъ сходства съ языкомъ народнымъ и литературнымъ великороссіянъ до петровскихъ временъ и этимъ доказывается, что древній русскій языкъ, на которомъ говорили и писали жители юго-западной и западной Россіи, отъ береговъ Днѣпра до западнаго Буга и Двины, сохранился совершенно неприкосновеннымъ отъ чуждыхъ вліяній, слѣдовательно неповрежденнымъ, только въ той части обширнаго русскаго государства, которая неподпала подъ власть Литвы и Польши, именно въ Руси, подпавшей подъ власть татаръ, нисколько некасавшихся ни вѣры, ни языка, ни внутренняго управленія новыхъ своихъ подданыхъ. Русины же юго-западные отчасти, а западные совершенно потеряли первоначальную чистоту древняго своего русскаго языка отъ преобладающаго на него вліянія языка польскаго, латинскаго и даже жидовскаго. Великоруссамъ же никто не мѣшалъ сохранить свой языкъ въ первобытномъ его видѣ. Они жили своею семьею, а иноплеменниковъ знали только по наслышкѣ. Правда, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, у береговъ Волги (но только тамъ), жили между ними, небольшими группами, народцы финскаго племени, но эти народцы, какъ не были племенемъ господствующимъ, а племенемъ ничтожнымъ, то не могли имѣть никакого вліянія на господствующій надъ нимъ громадный своею массою русскій народъ, а напротивъ, должны были свой языкъ или замѣнить языкомъ русскимъ, или совершенно его испортить, чрезъ преобладательное вліяніе сего послѣдняго, до такой степени, до какой испортился языкъ подвластныхъ Польшѣ русиновъ, развѣтвившійся на нарѣчія малорусское и бѣлорусское. Постепенность

святѣй Богородицы у домъ на память ([3]) собе ставити имъ солоду ошитьковъ ([4]) десятъ да пят пудовъ меду тры ошитьки ржи, да два ошитьки пшеницы да вологу ([5]) што потомъ и черньцемъ на Добѣѣ ([6]) и язъ гридко почалъ есми уступатися, у люди техъ и владыка мне невелелъ уступатися, у техъ людей, у богородицкихъ, и язъ гридко дружиловичъ добился есми челомъ влодыце *Феодосью* полоцкому абы мене жало—

сей порчи языка русиновъ можно видѣть изъ актовъ и документовъ, десятками тысячей находящихся въ архивахъ западнаго края Россіи и изъ документовъ изданныхъ въ разное время въ Россіи. Порча языка юго-западныхъ и западныхъ русиновъ началась собственно съ начала XVI столѣтія, когда по всѣмъ русскимъ городамъ и областямъ стали назначать чиновниковъ и начальниковъ природныхъ поляковъ, когда повсюда разсѣялись латинскіе миссіонеры и вообще когда латинское духовенство повсемѣстно стало учреждать свои монастыри и приходы, когда польскіе паны стали селиться на Руси, захватывая въ свои руки русскія земли, вытѣснять туземныхъ владѣльцевъ русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ закабаливать подъ свою власть русскихъ земледѣльцевъ, когда наконецъ уничтожили русскія школы, замѣнивъ ихъ польскими и изгнали русскій языкъ изъ судопроизводства.

([3]) *Памятъ*—поминовеніе усопшихъ.

([4]) *Ошитокъ*—родъ хлѣбной мѣры, равняющейся, кажется, нынѣшней бѣлорусской пурѣ.

([5]) *Волога*—то, чѣмъ приправляютъ готовое вареное кушанье или печенье: масло, сало, сыръ, сметана и проч., иногда просто масло. (Смотри опытъ областнаго словаря).

([6]) *Добѣя*—погостъ, въ два перегона отъ Витебска отстоящій. Изъ грамоты настоящей видно, что въ древности въ Добѣи существовалъ православный монастырь. Нынѣ на семъ мѣстѣ находится приходская церковь.

валъ и вписалъ мене и сына моего у суботникъ (7) со отцемъ моимъ по роду и господинъ мой владыка Феодосій полоцкій (8) жаловалъ и вписалъ а мене гридку дружиловичу не надо усту-

(7) *Суботникъ*—синодикъ, поминальная книжка, въ которую, по обычаю нашей церкви, вписываются имена усопшихъ, обыкновенно вкладчиковъ, благотворителей и создателей храмовъ Божіихъ. Общее поминовеніе ихъ дѣлается въ такъ называемыя поминальныя субботы, отъ чего и поминальныя книжки назывались суботниками.

(8) Упоминаемый здѣсь владыка *Ѳеодосій* былъ, со времени учрежденія въ Полотскѣ епископской каѳедры (около 1100 г.), девятымъ полотскимъ епископомъ, если справедливо, что епископъ Мина былъ первымъ. Неизвѣстно, въ которомъ году Ѳеодосій посвященъ въ санъ полотскаго епископа; въ лѣтописяхъ онъ называется уже полотскимъ владыкою еще въ 1395 году, по случаю его поѣздки въ Новгородъ къ прибывшему туда московскому митрополиту Кипріану, откуда Ѳеодосій привезъ патріаршую грамоту, вѣроятно, утверждавшую его въ епископскомъ санѣ. Литовскій лѣтописецъ Даниловичъ считаетъ Ѳеодосія *гречиномъ*. Быть-можетъ, эта патріаршая грамота имѣетъ связь съ греческимъ его происхожденіемъ. Въ 1401 году, великій князь литовскій Витольдъ возвелъ Ѳеодосія въ санъ архіепископа, подчинивъ его власти нѣкоторыхъ русско-литовскихъ православныхъ епископовъ, желая чрезъ это сперва ослабить вліяніе московскихъ митрополитовъ на юго-западную русскую церковь, а потомъ и совершенно отдѣлить оную отъ московской митрополіи, избраніемъ отдѣльнаго кіевскаго митрополита, что въ скоромъ времени и предложилъ сдѣлать подвластному себѣ православному духовенству. Предлогомъ къ таковой перемѣнѣ Витольдъ представлялъ малую заботливость московскихъ митрополитовъ о дѣлахъ юго-западной церкви, издали управлявшихъ оною чрезъ своихъ намѣстниковъ, коихъ нерадѣніе и злоупотребленіе власти причиняли неустройства въ русско-литовской церковной іерархіи. Но главною причиною сего была, собственно политика литовскаго государя, который не могъ равнодушно смотрѣть на зависимость въ

патися утехъ людей ни детемъ моимъ. А техъ людей пять братениковъ, А имена ихъ суть болший вельяминъ, федоръ, дав̓ыдъ, кондратъ, демянъ, А слушати имъ анъхимандрита хто

духовныхъ дѣлахъ подвластнаго ему православнаго народа отъ московскаго митрополита. Замысливъ, такимъ образомъ, учредить въ Кіевѣ—древней столицѣ Россіи и митрополитовъ, литовско-русскую митрополію, отдѣльную отъ московской, Витольдъ, тотчасъ по кончинѣ Кипріана, въ 1407 году, отправилъ архіепископа Θеодосія въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы онъ получилъ отъ патріарха санъ митрополита и чтобы каθедра его была въ Кіевѣ. Патріархъ *Антоній* еще въ 1393 г. поставилъ ученаго грека *Фотія* въ митрополита „всей Россіи.“ Посему преемникъ Антонія, патріархъ *Матθей*, къ которому предсталъ Θеодосій, не согласился посвятить его и отправилъ въ Россію Фотія, который и прибылъ въ 1409 г. въ Москву. Витольдъ оскорбился отказомъ патріарха и требовалъ, чтобы самъ Фотій остался навсегда въ Кіевѣ. Фотій не исполнилъ желанія Витольдова. Посему Витольдъ въ 1414 году созвалъ въ Новогрудкѣ Литовскомъ соборъ изъ епископовъ своихъ областей, подъ предсѣдательствомъ полотскаго архіепископа Θеодосія, и потребовалъ, чтобы епископы отказались отъ Фотія, избрали новаго митрополита и отправили для посвященія въ Константинополь. Епископы, уважая распоряженіе патріарха, долго не соглашались, но потомъ уступили волѣ Витольда и избрали ученаго и добраго *Григорія Самлака*. Патріархъ *(Евθимій)* рѣшительно отказалъ Григорію въ санѣ митрополита. Витольдъ, раздраженный новымъ отказомъ, отправилъ пословъ къ императору и патріарху, съ объявленіемъ, что, въ случаѣ ихъ несогласія дать особаго митрополита южной Россіи, епископы сами поставятъ его. Но угроза эта осталась безотвѣтною. Тогда Витольдъ опять созвалъ соборъ (въ 1416 г.) въ Новогрудкѣ, подъ предсѣдательствомъ того же Θеодосія, и настоялъ, чтобъ Григорій посвященъ былъ въ митрополита и безъ патріарха. Такимъ образомъ, чрезъ посвященіе особаго кіевскаго митрополита, послѣдовало въ русской церкви раздѣленіе ми-

будеть у святей Богородицы. А тутобъ анъхимандритъ Азарья Богородицкий, а попъ трухонъ Благовещенский да великой на-

трополіи (впрочемъ временное) на южную и восточную, т. е. кіевскую и московскую митрополію, не переставшіе, впрочемъ, обѣ находиться подъ властію константинопольскихъ патріарховъ, ибо Григорій впослѣдствіи получилъ отъ патріарха благословенную грамоту на санъ митрополита. Въ оправданіе свое соборъ разсуждалъ, что посвященіе имъ областнаго митрополита, по волѣ Витольда, принесетъ пользу православію въ русскихъ областяхъ великаго княжества литовскаго. Такимъ образомъ было по три митрополита для одного и того же времени; важнѣе же всего, что благодать Духа Святаго не ограничивается лицами и древнее правило дозволяетъ епископамъ поставлять перваго епископа. „Мы хранимъ, писалъ соборъ, правила отцевъ, клянемъ ереси, чтимъ патріарха константинопольскаго и другихъ восточныхъ, имѣемъ съ ними одну вѣру, но отвергаемъ беззаконную въ церковныхъ дѣлахъ власть, присвоенную греческими императорами въ чужихъ государствахъ, имъ вовсе неподвластныхъ.“ Митрополитъ Фотій, по смерти Григорія (1419 г.), помирился съ Витольдомъ и опять подчинилъ южныя церкви своей власти. Когда скончался архіепископъ Θеодосій—неизвѣстно. Замѣчательно, что онъ первый изъ полотскихъ православныхъ архіереевъ получилъ титулъ архіепископа, которымъ продолжали титуловаться и всѣ его преемники, не только православные, но даже, послѣ водворенія уніи въ Бѣлоруссіи, и уніятскіе. (Объ арх. Θеодосіѣ и раздѣленіи митрополіи смотри: 1) Полное Собр. Лѣт. Т. IV; Псковская Лѣт. I, стр. 194; 2) Истор. акты относ. къ Исторіи Зап. Россіи, Т. I, № 19 и Прилож. стр. 9; 3) Полное Собр. Лѣт. Т. V; Никоновская лѣтопись отъ стр. 15—65; 4) Исторія Рос. Госуд. Т. V, подъ годомъ 1414; 5) Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 102; 6) Исторія Рос. Ц. М. Платона, ч. 1; 7) Истор. Рос. Ц. Епископа Филарета, часть 3; 8) Ист. Рус. Ц. Муравьева, стр. 87; 9) Рукописная грамота Витольда, хранящаяся въ библіотекѣ московской дух. академіи—въ ней показанъ весь ходъ дѣла объ избраніи особаго южнаго митрополита, по понятію Витоль-

местникъ да филипъ чернецъ да попъ першко попъ Богородицкий. а писана у витебску въ лѣто 6914 (1406) актября 9.

(М. П.) (М. П.) (М. П.) (Подписи стерлись).

да; 10) Декретъ Витольда на латинскомъ языкѣ у Кульчинскаго (Appendix ad Specimen Ecclesiæ Ruthenicœ Romæ 1731. Potchaiev. Витольдъ говоритъ между прочимъ: „мы пригласили на Соборъ нашихъ русскихъ князей и бояръ русской нашей земли и нашихъ епископовъ и архимандритовъ.").

II.

ЛИТВА
ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ и ПОЛЬШѢ.

(Продолженіе).

Знаменитый въ Литвѣ и въ польской исторіи родъ князей Сапѣгъ также былъ православнымъ; гробы ихъ до сихъ поръ находятся въ православной церкви въ г. Трокахъ [126]). Базиліанецъ Стебельскій, любящій всѣхъ дѣлать уніятами даже въ то время, когда унія еще не существовала, сознается, что при Сигизмундѣ I, гетманъ и канцлеръ великаго княжества литовскаго *князь Иванъ Сапѣга былъ православнымъ*, и отпалъ отъ своей вѣры, находясь посланникомъ въ Римѣ [127]). Гробы Тышкевичей находятся въ православномъ троицкомъ монастырѣ въ Вильнѣ, и поставлены прежде уніи [128]), слѣдовательно похороненные въ нихъ были православными. Хрептовичи, Огинскіе, Воловичи, Бѣлѣвичи, Долматы дарили свои имѣнія православнымъ церквамъ и монастырямъ [129]). Еще въ 1500 г. въ отказѣ нашему послу Телешову къ великому князю литовскому Александру сказано: «*много на его милости* (Александра) *дворъ княжатъ и панятъ грецкого закона* [130]). Во вре-

---

126) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г., ч. I., стр. XLVIII.

127) Chronolog. Stebel, стр. 234, въ примѣч.

128) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г., ч. I, стр. XLVIII.

129) Тамъ же, стр. XLIX.

130) Сборн. Мухан., стр. 106.

мя распространенія уніи, православные въ 1599 г. заключили въ Вильнѣ актъ съ протестантами для взаимнаго пособія противъ римскаго духовенства; актъ сей подписанъ 168 литовскими дворянами и въ томъ числѣ 17 православными сенаторами [131]).

Когда же знатныя литовскія фамиліи сдѣлались православными? Въ древнее время, и всего вѣроятнѣе, до 1413 г., т. е. до соединенія Литвы съ Польшею на городельскомъ сеймѣ, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Литовцы всегда были преданы своимъ великимъ князямъ; воля послѣднихъ была закономъ для первыхъ. При Гединнѣ, а особенно при Ольгердѣ и Ягайлѣ, до брака его съ Ядвигою, почти всѣ князья и княгини были православными. Естественно ли было, чтобы знатнѣйшіе литовскіе сановники и жены ихъ оставались чуждыми христіанства? Неестественно. Одни принимали его изъ подражанія великокняжескому дому, а другіе—что гораздо правдоподобнѣе, по убѣжденію. Во время Гедимина, Ольгерда и Ягайлы литовцы имѣли много сношеній съ иностранцами, заимствовали отъ нихъ много понятій; между литовцами мы уже видимъ доблестныхъ воиновъ и глубокихъ политиковъ: можно ли же повѣрить, чтобы эти люди, хотя сколько нибудь знакомые съ истинами новой вѣры своихъ князей, не предпочли ея своему язычеству? Можно ли повѣрить, чтобы люди, умѣвшіе мудро управлять цѣлыми областями, угадывавшіе стратегическія соображенія князей и вождей русскихъ и польскихъ, рыцарей ливонскихъ и прусскихъ, считали еще необходимостію для спасенія своей души чтить пылающій дубъ или гадовъ, благоговѣть передъ рощею, повергаться въ прахъ пе-

---

[131]) Собр. древн. грам. и актовъ. Вильно, 1843 г., ч. I, стр. XLVIII.

редъ деревянными истуканами, или принимать волю боговъ отъ жрецовъ, не имѣвшихъ рѣшительно никакой образованности? Съ этимъ не согласится ни одинъ здравомыслящій безпристрастный человѣкъ; каждому понятно, что придворные великихъ князей литовскихъ, по необходимости, образованные болѣе или менѣе, узнавъ сущность вѣры своихъ государей, такъ поражающей здравый умъ возвышенностію своихъ истинъ, такъ отрадно понятной не испорченному сердцу, должны были спѣшить на лоно православной церкви. На это есть и фактъ: духовникъ великой княгини литовской, первой супруги Ольгердовой, Маріи, монахъ Несторъ обращалъ придворныхъ въ православную вѣру; три изъ нихъ: Круглецъ, Кумецъ и Нежило твердость свою запечатлѣли мученическою смертію, и теперь нетлѣнныя мощи ихъ почиваютъ въ виленскомъ святодуховскомъ монастырѣ [132]). Вотъ и еще событіе, отрадное для сыновъ православной церкви: лѣтописецъ, сказавши, что Ягайло, женившись въ 1386 г. на Ядвигѣ, возвратился въ Вильну, продолжаетъ: «и окрести Литву въ нѣмецкую же вѣру, половину своего города Вильны. И *два Литвина у него большки* его, а тие *крестишася въ христіанскую* (т. е. православную) *Впру*, онъ же хотѣ ихъ крестати въ свою же вѣру латинскую, они же не послушаша; король же Ягайло казьни ихъ многими муками и смерти повелѣ предати» [133]). Изъ этого нужно заключить, что вельможи литовскіе не равнодушно смотрѣли на вѣру, исповѣдываемую великокняжескимъ родомъ, *изучали ее*, понимали высоту и святость ея, и принимали въ сердца свои сѣмена благодати такъ живо и дѣйственно, что когда великій князь измѣнилъ

[132]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. Dodat. X. Журн. Мин. Нар. Просв. 1853 г. № 6, статья Н. Елагина: «первые Христ. мученики въ Литвѣ.»

[133]) Врем. Соф., ч. 1, стр. 381.

православію, они не послѣдовали примѣру его, и животъ свой полагали за чистоту вѣры.

2) Распространеніе православія въ высшемъ кругу литовскаго народа должно было послѣдовать до брака Ягайлы съ Ядвигою, и особенно до городельскаго сейма въ 1413 г. Передъ бракомъ Ягайло и нѣсколько изъ его братьевъ, перекрестились въ римскую вѣру; слѣдовательно вельможи литовскіе уже не имѣли такого побужденія принимать православіе, какъ прежде, когда почти весь княжескій родъ былъ православной вѣры: а на городельскомъ сеймѣ римскіе католики получили первенство передъ православными: имѣнія постановлено раздавать только первымъ. Эта хитрая мѣра распространять латинство не могла располагать вельможъ къ православію, удаляя ихъ отъ политическаго вліянія, и тѣмъ поражая самую сильную пружину ихъ дѣятельности—честолюбіе. При всемъ томъ были исключенія: уже по распространеніи въ Литвѣ римской вѣры, часть вельможъ присоединилась къ восточной церкви [134]).

Въ Литвѣ даже и въ простомъ народѣ было довольно христіанъ православныхъ до введенія латинства. Литовецъ, очень хорошо знающій свое отечество, и притомъ римско-католикъ, слѣдовательно свидѣтель въ настоящемъ дѣлѣ безпристрастный, въ пользу православія, говоритъ:

«*Войшелкъ, принявши русское крещеніе* въ половинѣ XIII вѣка, и будучи монахомъ, когда принялъ бразды правленія (по смерти отца своего, короля литовскаго Миндовга), *возъимѣлъ желаніе сдѣлать общею въ Литвѣ ту вѣру, которую исповѣдывалъ самъ.* Съ этою цѣлію, по свидѣтельству лѣтописцевъ, даже входилъ въ 1265 году въ сношеніе

---

[134]) Wiadom. o stat. Lit. Linde, стр. 21. O Lit. i Pol Praw. Czacki. T. I. стр. 48.

съ новгородскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, который обѣщалъ прислать въ Литву священниковъ изъ Пскова, такъ какъ они болѣе другихъ были знакомы съ языкомъ и обычаями литовцевъ [135]). Но и безъ этихъ миссіонеровъ, въ то время уже не одинъ духовный русскій могъ зайти въ Литву, и подъ покровительствомъ князя, преданнаго православію, проповѣдывать слово Божіе. Этихъ проповѣдниковъ могла доставлять Русь нетолько литовская (т е. русскія княжества, вошедшія въ составъ великаго княжества литовскаго), но и отдаленнѣйшая, изъ которой татарскій погромъ вытѣснялъ народъ и духовенство. Самое преслѣдованіе Воишелгомъ партіи, обвиненной въ умерщвленіи отца его, могло значительно увеличить число христіанъ въ Литвѣ: по этому поводу въ 1265 году 300 литовцевъ съ женами и дѣтьми, ища спасенія во Псковѣ, отреклись отъ прежняго язычества, и торжественно приняли христіанство: «вбѣгоша въ Псковъ Литва *с триста мужъ, и с женами и с дътьми, крести я* князь Святославъ съ попы пльсковскими» [136]). Въ слѣдъ за тѣмъ въ 1266 году также принялъ православіе князь Довмондъ съ супругою и со всѣмъ своимъ семействомъ: «въ лѣто 6774 (1266) блаженный же князь Домонтъ *съ дружиною своею* и со всѣмъ домомъ своимъ, оставивши отечество свое, землю литовскую, и пріѣха въ Псковъ, и *крестися*. Сій князь Домонтъ отъ рода литовскаго бысть, первѣе имѣя къ идоломъ служеніе по отчи преданію; егда же Богъ всхотѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну вонь благодать св. Духа, и взъбну, яко отъ сна, отъ идольскаго служенія, и *крещенъ бысть въ церкви св. Троицы*, и наречено бысть имя ему Тимоѳей, и *бысть радость велика въ Псковъ*» [137]).

---

[135]) Dz. Star. nar. Lit Narb T. IV, стр. 230.

[136]) Врем. Соф., ч. I, стр. 275.

[137]) Тамъ же, стр. 275 и 276.

Мы не принимаемъ этого за доказательство легкаго обращенія литовцевъ, потому что оно произошло за границею Литвы, и можетъ быть болѣе по нуждѣ, нежели по убѣжденію; но весьма правдоподобно, что не одинъ изъ этихъ выходцевъ, по кончинѣ Воишелга возвратившись въ Литву, до смерти сохранилъ вѣру, принятую на Руси, и своимъ примѣромъ имѣлъ вліяніе на другихъ... Вторая и третья жены Гедимина—Ольга и Евна или Евва были русинки; Ольгерда обѣ жены были также русинки. Нѣтъ сомнѣнія, что родственныя связи литовскихъ князей съ русскими весьма много способствовали увеличенію въ Литвѣ христіанъ православнато исповѣданія; ибо богослуженіе для великихъ княгинь не могло совершаться безъ духовенства разныхъ степеней, которое при самомъ велико-княжескомъ дворѣ составляло родъ миссіи..... могло существовать и запрещеніе тревожить вѣру народную, но за всѣмъ тѣмъ *православное духовенство имѣло послѣдователей изъ литовцевъ*, какъ доказываетъ мученичество Круглеца, Кумеца и Нежилы (въ христіанствѣ Іоанна, Антонія и Евстафія), людей знатнаго роду, или, по крайней мѣрѣ, сановниковъ при дворѣ Ольгерда, которые, еслибъ были людьми частными и не въ глазахъ самаго князя приняли новую вѣру, вѣрно бы не подверглись мученической смерти; ибо общаго и періодическаго преслѣдованія христіанъ въ Литвѣ никогда не было Напротивъ того, великіе князья, имѣя большую часть подданыхъ въ народѣ русскомъ, уважали его вѣру, и высоко цѣнили вліяніе его духовенства..... Если, съ одной стороны, примемъ во вниманіе, что власть великихъ князей была неограниченная, и потому значеніе и вліяніе языческихъ жрецовъ подъ конецъ XIV вѣка должны были со дня на день упадать, а съ другой, представимъ себѣ равнодушіе къ прежней народной вѣрѣ въ особахъ литовскихъ государей; то не трудно будетъ понять, почему вѣра православная,

имѣя не только убѣжище, но и покровительство при дворѣ велякихъ князей, дѣйствительно могла удобно распространяться по литовской землѣ, и пріобрѣтать значительное число послѣдователей въ многолюднѣйшихъ литовскихъ городахъ; это доказываетъ примѣръ Вильна: во время обращенія Ягайлою литовцевъ въ римское католичество, *цѣлую половину жителей столицы составляли православные»* [138]).

Историкъ литовскаго народа Нарбутъ пишетъ: «отъ самаго начала власти великихъ князей литовскихъ надъ землями русскими, не смотря на большую разность вѣры, никогда не было нетерпимости христіанства; напротивъ, князья, уважая права, языкъ и обычаи покоренныхъ народовъ, сами заимствовали у нихъ, что признавали мудрымъ; поэтому *православная вѣра путемъ кроткаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ распространилась по Литвѣ* прежде, нежели правительство думало принимать къ тому мѣры..... Православные русины и язычники литовцы, имѣя одно общее отечество и одного государя, засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ рядили о общей пользѣ; вмѣстѣ шли въ бой, и кости свои слагали въ одну могилу» [139]). Къ этому нужно прибавить, что домы литовскихъ вельможъ исповѣдывали православіе, какъ выше доказано. Весьма естественно, что они старались слугъ и крестьянъ обратить въ свою вѣру, и такимъ образомъ православіе распространилось въ народѣ. Все это представляетъ только вѣроятность и доказываетъ возможность распространенія православія въ литовскомъ народѣ. Посмотримъ же, оправдалась ли возможность дѣйствительностію?

Въ древности статистическихъ таблицъ и списковъ никто не составлялъ; если духовенство и имѣло нѣчто въ родѣ испо-

---

[138]) Obr. Litw. Jarosz T. II, стр, 3, 4, 5 и 7.

[139]) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI, стр. 339 и 340.

вѣдныхъ росписей, то онѣ или исчезли отъ времени, или тлѣютъ гдѣ нибудь въ массѣ стараго хламу. По крайней мѣрѣ, воспользуемся тѣмъ, что можно извлечь изъ историческихъ памятниковъ.

Въ 1347 году, когда Круглецъ и Кумецъ за исповѣданіе православія были заключены въ темницу, народъ стекался къ ней слушать безбоязненныхъ исповѣдниковъ имени Христова. Многіе, изумленные силою проповѣди ихъ и ангельскимъ спокойствіемъ въ заключеніи, приняли святое крещеніе [140]).

Въ 1381 г., когда Кейстутъ былъ задушенъ, при немъ находился въ тюрьмѣ вѣрный слуга *Григорій Омуличь* [141]). Это обстоятельство весьма важно: *Омуличь* былъ происхожденія чисто литовскаго, родомъ изъ подъ Трокъ [142]), а имя *Григорій* есть *христіанское*. Кейстутъ жилъ въ Трокахъ; тамъ, какъ увидимъ ниже, не только былъ православный монастырь, но и приходскія церкви; но чтобы были паписты—нѣтъ рѣшительно никакихъ даже поводовъ къ догадкамъ: Жена Омулича носила также православное имя *Елены* [143]). Какъ могло случиться, что литвинъ, ближній слуга князя троцкаго, который, кажется, одинъ изъ сыновей Гедимина оставался при вѣрѣ отцевъ своихъ, могъ быть христіаниномъ? Князю онъ этимъ угодить не могъ, самъ не былъ пришлецомъ, и семейство его было православное; слѣдовательно необходимо допустить, что при Кейстутѣ въ народѣ много было христіанъ православныхъ; вѣра ихъ считалась дѣломъ обыкновеннымъ, наравнѣ съ вѣрою туземною; иначе и Омуличь не могъ бы исповѣдывать православія, и Кейстутъ не держалъ бы его при себѣ.

---

[140]) Miscel. Kojał. p. 8 et 9. Hierar. Dubow. xię IV, Rozdz 2.

[141]) Dz st. nar. Lit. Narb, V, стр. 294.

[142]) Тамъ же, стр. 306.

[143]) Тамъ же.

Во время обращенія Ягайлою литовцевъ въ римское католичество «*крести* Литву въ нѣмецкую же вѣру, *половину своего города Вильны*» [141]). Другая половина уже крестилась крещеніемъ православной церкви [145]). Внѣ столицы, онъ занимался крещеніемъ преимущественно Жмуди, оставшейся въ вѣрѣ отцевъ своихъ. Отчего же лѣтописцы, говоря о крещеніи Жмуди, мало занимаются прочими частями Литвы? Очевидно, потому, что немногихъ можно было крестить: окрестныя мѣста Вильны, будучи ближе къ центру православія—столицѣ, прежде Жмуди просвѣтились свѣтомъ Евангелія отъ проповѣдниковъ православныхъ. Жмудь была самая отдаленная часть земли, населенной коренными литовцами, долѣе прочихъ хранила прежнюю вѣру свою, обращена въ христіанство Ягайлою и Витовтомъ,—и вотъ историки говорятъ преимущественно объ ней. Длугошъ, Меховита, Крамеръ и Стрыйковскій были римско-католическими канониками, и потому говорятъ о томъ, что служитъ къ распространенію и славѣ ихъ церкви. Однакоже извѣстно, что еще въ 1405 г. *Туровскій епископъ Антоній въ Литвѣ обращалъ и крестилъ народъ въ православную вѣру*, съ вѣдома и согласія великаго князя литовскаго Витовта [146]). Но разскажемъ о распространеніи латинской вѣры Ягайлою: онъ два раза принималъ на себя апостольскіе труды: одинъ разъ въ 1387, а другой въ 1413 г. Въ 1387 г. крещена вся Литва вообще, а въ 1413—Жмудь. Въ 1387 году

---

[144]) **Latop. Lit. i kr. Russ.**, стр. 204 Врем. Соф., часть I, стр. 381.

[145]) **Obr. Lit. Jarosz. T. II, str. 7 Dz. st. nar. Lit. Narb. V**, стр. 403 и 408.

[146]) **Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI**, стр. 87. У Нарбута годъ 1404 поставленъ неправильно; въ источникѣ, который у него указанъ, стоитъ 1405 годъ.

Ягайло съ князьями, епископами, боярами, панами и множествомъ народа литовскаго и жмудскаго держалъ въ Вильнѣ сеймъ объ утвержденіи христіанства «и тамъ же въ Вильнѣ окрещены всѣ язычники, сколько ихъ на сеймѣ ни было. Потомъ король ѣздилъ изъ земли въ землю, изъ уѣзда въ уѣздъ, приказывалъ простому народу сходится къ св. крещенію въ главнѣйшіе города, а чтобы лучше пріохотить народъ, купилъ въ Польшѣ большое множество бѣлаго сукна; на новокрещенныхъ надѣвали платье изъ него, въ подарокъ отъ короля. Слыша о такой щедрости, язычники со всѣхъ сторонъ приходили креститься; иной шелъ не ради крещенія, а ради платья, потому что до того времени ходили только въ рубахахъ и въ звѣриныхъ шкурахъ [147]). И такъ литовцы охотно шли на крещеніе; сколько же было этого народа, съ которымъ дѣдъ и отецъ Ягайлы и онъ самъ завладѣли всѣми сосѣдями и вели безпрестанныя войны? «Окрещено литовцевъ въ разныхъ мѣстахъ *около тридцати тысячъ*, кромѣ тѣхъ, которые уже крещены были въ Вильнѣ и Краковѣ, и кромѣ дворянъ и бояръ» [148]). Въ 1413 г. было совершено окончательное обращеніе Жмуди, которая еще держалась язычества, и затѣмъ язычество въ Литвѣ истреблено. И такъ, кромѣ части Жмуди, обращенной въ 1413 году, литовскаго народа обращено въ римскую вѣру *около тридцати тысячъ*—разумѣется, *менѣе тридцати тысячъ;* ибо, если бы было болѣе, то римско католическій каноникъ, во славу своей церкви, не приминулъ бы сказать: *болѣе тридцати тысячъ*. Каждому, сколько либо знакомому съ исторіей и статистикой, извѣстно, что женщинъ и дѣтей вездѣ болѣе, нежели взрослыхъ мущинъ, способныхъ владѣть оружіемъ; если полю-

[147]) Kron. Pol. Stryjk., 1845, ч. II, стр. 78 и 79.

[148]) Тамъ же, стр. 79.

жимъ, что въ числѣ крещеныхъ литовцевъ послѣднихъ было на половину, т. е. 15,000 человѣкъ способныхъ къ войнѣ, а на Жмуди, обращенной въ 1413 г. примемъ такое же число, какъ и во всей остальной Литвѣ, т. е. 15,000 человѣкъ; то во время Ягайлы окажется людей, способныхъ владѣть оружіемъ, всего только 30,000 человѣкъ. Далѣе—если припомнимъ истребительныя войны съ сосѣдями и междоусобія временъ Ягайлы, въ которыхъ безпрестанно предводительствовали Ольгердъ, Кейстутъ и Витовтъ, то не можемъ не сознаться, что 30,000 человѣкъ весьма мало; удержать въ повиновеніи русскія княжества, громить татаръ, безпрестанно воевать съ рыцарями и съ Польшею при столь незначительныхъ средствахъ, было бы рѣшительно невозможно. По всѣмъ симъ соображеніямъ, каждый здравомыслящій согласится, что дѣйствительная численность литовцевъ была безъ всякаго сравненія гораздо больше. Какую же они исповѣдывали вѣру? Кромѣ языческой и русской, или православной, въ то время въ Литвѣ другой вѣры не было; слѣдовательно, *кромѣ 30,000 человѣкъ, все народонаселеніе* Литвы *состояло изъ православныхъ христіанъ* и язычниковъ, и потому православныхъ литовцевъ во время Ягайлы было, если не болѣе половины народонаселенія, то по крайней мѣрѣ половина.

Послѣ брака Ягайлы съ Ядвигой, верховный владыка Литвы былъ римскаго исповѣданія; великіе князья: Скиргайло, Витовтъ, Свидригайло и Сигизмундъ Кейстутовичь были также римско-католики; за тѣмъ на велико-княжескомъ престолѣ сидѣли дѣти королей польскихъ—римско-католики; поэтому благопріятное время для распространенія православія въ Литвѣ миновало. Постановленіемъ городельскаго сейма, исповѣдывавшимъ римскую вѣру, запрещено было даже вступать въ браки съ православными, и имѣнія раздавались только первымъ; слѣдователь-

ню православіе могло сохраняться только въ тѣхъ родахъ, которые исповѣдывали его до городельскаго сейма въ 1413 г., а новыхъ послѣдователей пріобрѣтать не могло. По симъ причинамъ все, что увидимъ православнаго въ послѣдующіе вѣки, началомъ своимъ одолжено временамъ, предшествовавшимъ браку Ягайлы съ польскою королевою. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ является православіе въ Литвѣ въ послѣдующіе вѣки, болѣе извѣстные исторіи.

Въ 1544 г. на брестскомъ сеймѣ, по просьбѣ князей, пановъ и всего дворянства, король Сигизмундъ I или Старый повелѣлъ для исправленія статута великаго княжества литовскаго, избрать десять человѣкъ, искусныхъ въ законовѣдѣніи, въ томъ числѣ *пять* римско-католиковъ, и *пять русской вѣры* [149]). Въ 1547 г. на сеймѣ виленскомъ, для исправленія статута, также назначено было десять человѣкъ, половина римско-католиковъ и *половина православныхъ* [150]). Тоже самое сдѣлано и на сеймѣ виленскомъ въ 1551 году [151]). Сигизмундъ не былъ природный литовецъ, подобно Ягайлѣ; родился и жилъ въ Краковѣ, посѣщая Литву только во время сеймовъ. У него не болѣло сердце за Литву православную, когда ее тѣснили поляки. Какъ же случилось, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе законовъ, православные литовцы имѣли равное участіе съ римскими католиками? Для исправленія законовъ нужно было внести въ нихъ всѣ привиллегіи, дарованныя послѣ изданія 1-го статута; для опредѣленія самаго хода судопроизводства, о которомъ преимущественно толковали на означенныхъ сеймахъ, нужно было знать права и потребности народа; народъ

---

[149]) Zbiór praw Lit. Hr. Działyńsk., стр. 397 и 413. Obr. Lit. Jarosz, 1844, Т. II, стр. 136.

[150]) Zbiór Hr. Działyń., стр. 418 и 435.

[151]) Тамъ же, стр. 449, 450 и 470.

состоялъ изъ римско-католиковъ и православныхъ—и вотъ избираются народные депутаты, и избираются въ равномъ числѣ съ обѣихъ сторонъ. Что изъ сего нужно заключить? Еслибъ православныхъ было менѣе—не говорю уже не болѣе—римско-католиковъ, то послѣдніе никакъ не допустили бы первыхъ имѣть ровное съ ними участіе.

Стебельскій, усерднѣйшій уніятъ и врагъ православія, говоритъ, что въ XVI вѣкѣ долгое время существовалъ въ Вильнѣ монастырь базиліянокъ при церкви св. Тройцы, «но послѣ опустѣлъ, униженный и заброшенный, потому что *Вильна стала столицею и гнѣздомъ* ереси, принесенной изъ Греціи» [152]). Здѣсь греческою ересью по своему онъ называетъ православіе.

Мы уже видѣли, что вѣра православная гораздо прежде римско-католической введена въ Литву. Въ хроникѣ Быховца, одной изъ древнѣйшихъ хроникъ литовскихъ (Нарбутъ начало ея относитъ ко временамъ Миндовга) [153]), по случаю вызова виленскимъ воеводою Гаштольдомъ францисканцевъ въ Вильну около 1364 г., ясно сказано: «и тотъ Петръ Гаштольдъ найпервѣй принялъ виру римскую и до Литвы принесъ... *А римское виры въ Литве не было только русская замѣшалася*» [154]). Базиліянки—орденъ уніятскій, могъ существовать только по введеніи уніи; уніяты могли быть только тамъ, гдѣ прежде были православные, ибо они не написты, а православные, соединившіеся съ римскою церковью. Виленскій троицкій монастырь отъ основанія своего былъ православный; когда же архимандритъ его Самуилъ Сенчило [155]) отвергнулъ унію, а іе-

---

[152]) Chronol. Steb., стр. 235 въ примѣч.

[153]) Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838 г. № VII, переводъ статьи Нарбута „о Русс. Лѣт. въ Литвѣ."

[154]) Хрон. Быховца подъ 1364 г.

[155]) Въ библіотекѣ супрасльскаго монастыря есть рукопись подъ заглавіемъ: „*сума науки Хрестіянское*," т. е. катихизисъ.

ромонахъ Веніаминъ Іосифъ Рутскій передался на сторону распространителей ея; то силою пропаганды и властію короля Сигизмунда III, Сенчило изъ монастыря изгнанъ, а Рутскій сдѣланъ архимандритомъ. Съ этого только времени троицкій монастырь обращенъ въ уніятскій, и послѣ того при немъ поселились базиліянки. Слѣдовательно въ послѣдствіи монастырь базиліянокъ не потому опустѣлъ, что православіе было принесено въ Литву изъ Греціи, по словамъ Стебельскаго, какъ будто православіе явилось въ Вильнѣ послѣ уніи, а потому, что, не смотря на всѣ притѣсненія уніятовъ и Сигизмунда III, оно по временамъ усиливалось, и превозмогало враговъ своихъ. Не смотря на всю враждебность свидѣтельства Стебельскаго, оно драгоцѣнно для насъ: онъ сознался, что литовская столица въ XVI вѣкѣ была *столицею и гнѣздомъ православія*, и православные превозмогали враговъ своихъ, не смотря на покровительство королей послѣднимъ. Затѣмъ предоставляется каждому судить, сколько же въ то время могло быть православнаго народонаселенія въ Вильнѣ! Еслибъ было менѣе, нежели римскихъ католиковъ и уніятовъ, вмѣстѣ взятыхъ, то ужели бы православные успѣли торжествовать надъ врагами, которыхъ подкрѣпляла власть короля?

Послушаемъ, что говорятъ другіе писатели паписты, естественно расположенные къ сторонѣ противной:

Въ хроникѣ европейской Сарматіи, написанной Стрыйковскимъ въ XVI вѣкѣ, и неправильно извѣстной подъ именемъ хроники Гваньини, сказано: «жители виленскіе исповѣдуютъ вѣру римскую; но *на половину между ними есть Руси*, и потому въ Вильнѣ столь же много церквей русскихъ, какъ

Въ концѣ тою же рукою, которою написана вся рукопись, приписано: „*Самоилъ Сенъчыло еромонахъ монастыра Супраского власною рукою.*“ Рукопись по каталогу стоитъ подъ № 1098.

и католическихъ ([156]).» Русью здѣсъ называются православные, какъ ведется въ Литвѣ и до сихъ поръ.

Одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ польскихъ писателей, долгое время занимавшійся исторіею Вильна, утвердительно говоритъ, что при Сигизмундѣ Августѣ т. е. съ 1548 по 1573 г. *Русскихъ въ Вильнѣ было половина населенія* ([157]).

Въ грамотѣ, данной 9 Сентября 1536 г. Сигизмундомъ I и подтвержденной Сигизмундомъ III-мъ, 9-го Іюля 1607 г., о порядкѣ магистрата и выборѣ членовъ сказано: «рада виленьская, радцы и бурмистры, которые стародавна сами собе маютъ обиране и ставене рады бурмистров и присяжников, мают быть втой личбе *яко давно было* тоест двадчат и чотыре радецъ, а двадцат бурмистров, половина тое рады бурмистров закону рымского, *а половина закону грецкого* ([158]).» И такъ о половинномъ участіи православныхъ въ управленіи Выльны въ 1535 г. говорится, какъ *о стародавнемъ*. Это подтверждаютъ вышеприведенныя слова литовскаго лѣтописца, что при крещеніи Ягайлою жителей Вильны въ латинство, половина не крещена потому, что были православными. И въ 1536 г. они имѣютъ половинное участіе въ дѣлахъ города, при чемъ сказано, что это дѣлается изъ *стородавна*. Кто приметъ во вниманіе, что это говоритъ король польскій, сынъ и покровитель римской церкви, а подтверждаетъ другой король врагъ православія; тотъ не усомнится, что *изъ стародавна до начала* XVII *вѣка* литовская столица, въ числѣ коренныхъ своихъ жителей, имѣла половину православныхъ. Лучшихъ свидѣтелей и лучшаго доказательства и желать нельзя. До нашихъ временъ сохранились

([156]) Kron. Sarmac. Europ. стр. 323.
([157]) Wilno I. Kraszew. T. I. стр. 224.
([158]) Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. ч. I стр. 53.

подлинные акты XVII вѣка, изъ которыхъ видно, что въ Вильнѣ съ 1458 г. при церкви св. Троицы, а по завладѣніи ею уніятами—при Святодуховомъ монастырѣ было 5 свѣтскихъ братствъ: панское, купецкое, кожемяцкое, кушнерское и *росское*. Эти братства имѣли свои госпитали, богадѣльни, училища и типографію ([159]). Слѣдовательно въ Вильнѣ были православные паны т. е. дворяне, купцы и ремесленники, люди, одушевленные духомъ любви Христовой, лечившіе бѣдныхъ въ госпиталяхъ, призиравшіе безпомощныхъ въ богадѣльняхъ, и стоявшіе на такой степени просвѣщенія, что чувствовали нужду не только въ училищахъ, но и въ распространеніи познаній посредствомъ книгопечатанія. Нужно ли говорить, что ограниченное число жителей не можетъ соединяться ни въ общества, учреждаемыя съ столь разнообразными цѣлями, ни достигать ихъ?

Планъ города Вильны, составленный въ 1562 г., доказываетъ, что большая часть города, преимущественно по лѣвому берегу Виленки, т. е. лучшая часть, ([160]) была заселена жителями православными ([161]). Унія, захватившая себѣ множество православныхъ храмовъ, и истреблявшая все, что доказывало прежнее православіе, уничтожила драгоцѣнные памятники, по которымъ можно было бы указать, гдѣ именно были православныя церкви въ Литвѣ, и опредѣлить самое распространеніе православія между литовцами. Воспользуемся, по крайней мѣрѣ тѣми свѣдѣніями о церквахъ, которыя дошли до насъ. Каждому понятно гдѣ нѣтъ прихожанъ тамъ некому и не для кого стро-

---

([159]) Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. ч. II №№ 2, 3, 4 и 17.

([160]) Часть города, лежащая на правомъ берегу, и извѣстная подъ именемъ *Зарѣчья*, гораздо хуже лѣвой стороны, гдѣ находятся главныя улицы и лучшіе домы.

([161]) Планъ этотъ приложенъ къ собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г.

ить храмы, тамъ были и люди, исповѣдывавшіе вѣру, которой воздвигнуты храмы.

Въ рукописи венденскаго каноника Даніила Лодзяты ([162]) сказано, что въ Вильнѣ на мѣстѣ капища языческаго бога Рагутиса построена православная церковь пятницкая. «Капище уничтожено около 1331 г., по повелѣнію супруги великаго князя литовскаго и русскаго Ольгерда Ульяны (Маріи). Эта благовѣрная княгиня, защита христіанъ русской вѣры ([163]), на мѣстѣ капища воздвигла церковь и назначила къ ней приходскаго священника (parocha). Церковь и теперь въ простонародіи называется *петгонкою*, отъ давняго урочища, которое происходитъ отъ имени жрецовъ Рагутиса *петиницки*, иначе *потиникай*. Храмъ сей есть достославный памятникъ въ столичномъ городѣ Вильнѣ, и первый каменный храмъ, воздвигнутый Предвѣчному Богу въ литовской столицѣ и на литовской землѣ. Для просвѣщенныхъ любителей народности онъ есть вѣчный памятникъ добродѣтельной княгини. Находящійся тамъ гробъ ея составляетъ предметъ благоговѣйнаго чествованія для простаго народа и для русина московскаго, который, столько разъ разоряя Вильно, не коснулся церкви, хотя она была уже уніятскою ([164]). Церковь эта, извѣстная подъ именемъ пятницкой или церкви св. Парасковіи, нѣсколько разъ горѣла, переходила отъ православныхъ къ уніятамъ и отъ послѣднихъ къ первымъ, наконецъ обветшала, и богослуженіе прекратилось въ ней около 1796 г. ([165]).

([162]) Написана между 1649 и 1669 г. и находится у извѣстнаго историка Нарбута. Dz. st. nar. Lit Narb. 1. стр. 231.

([163]) Въ Собр. древ. грам. и акт. Вильно 1843 г. на стр. LXI, это мѣсто въ рукописи Лодзяты переведено неправильно, и смыслъ выходитъ совсѣмъ не тотъ, какой въ подлинникѣ.

([164]) Dz. st. nar. Lit. Narb T. I. стр. 231 и 232.

([165]) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г. LXII—LXVI.

Вышеприведенныя слова римско-католическаго каноника весьма важны. Изъ нихъ открывается:

1) что первая супруга Ольгерда, великая княгиня литовская была покровительницею *христіанъ русской вѣры*. Слѣдовательно въ ея время были православные литовцы;

2) что пятницкая церковь была не придворною только для одной княгини, а *приходскою*: слѣдовательно въ Вильнѣ были и прихожане православные;

3) что гробъ православной княгини былъ чествуемъ простымъ народомъ литовскимъ; слѣдовательно народъ былъ или православный, или такъ близокъ къ православію, что чествовалъ даже гробъ православной княгини.

Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка близъ Новогрудка существовалъ православный Лавришевскій монастырь ([166]). Князь Ромундъ или Римундъ, въ православіи Лавръ или Лаврентій Тройденовичь, принялъ иноческій санъ, поселился въ немъ и построилъ новую церковь Воскресенія Господня ([167]). Это доказываетъ большое распространеніе православія въ Литвѣ; новую вѣру въ извѣстномъ народѣ можно принять и нѣсколькимъ лицамъ; но для того, чтобы построить монастырь и имѣть въ немъ иноковъ, необходимо, чтобы вѣра уже имѣла значительное число послѣдователей, и глубоко проникла въ сердца людей, обрекающихъ себя на трудную жизнь отшельниковъ.

При Ольгердѣ въ Вильнѣ существовали церкви св. Троицы и св. Николая; у которой погребены мученики Іоаннъ, Антоній и Евстафій ([168]). По всей вѣроятности, она называлась въ по-

---

([166]) Dz. st. nar. Lit. Narb. IV, стр. 297.

([167]) Тамъ же.

([168]) Miscell. Koiał. p. 8. Врем. Соф. ч. I. стр. 334. Lat. Lit. kr. Russ. стр. 170.

слѣдствіи церковью *св. Николая перенесенія мощей* (169), ибо мощи мучениковъ были перенесены въ Троицкую церковь.

Самъ Ольгердъ воздвигъ въ Вильнѣ пречистенскую церковь, въ которой и погребенъ (170).

Въ 1393 г. легатъ папскій, мессинскій епископъ Іоаннъ осматривалъ *много русскихъ церквей въ Вильнѣ* (171).

Въ 1397 г. великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ передъ всѣми европейскими дворами свидѣтельствовалъ, что въ Литвѣ незамѣтно ни какихъ успѣховъ латинства, потому что *литовцы больше обращаются въ русскую вѣру* (172).

Въ Трокахъ съ XIV вѣка были православныя церкви. Въ 1384 г. великій князь Витовтъ подарилъ троцкому монастырю Рождества пресвятыя Богоматери разныя земли, какъ видно изъ вышеприведенной граматы (173). Еслибъ не было граматы, то вѣрно никто не повѣрилъ-бы, что въ IV вѣкѣ въ Трокахъ— столицѣ Кейстутовой и Витовтовой, существовалъ православный монастырь. Еслиже православіе въ XIV вѣкѣ распространилось въ Литвѣ до такой степени, что даже въ столицѣ Кейстута былъ монастырь; то что сказать о прочихъ частяхъ Литвы?

Въ 1500 г., когда Іоаннъ III-й Васильевичь требовалъ отъ зятя своего, великаго князя литовскаго Александра, чтобы онъ для супруги своей Елены Іоанновны устроилъ придворную православную церковь, Александръ между прочимъ отвѣчалъ: «въ отчинѣ нашей въ великомъ княжествѣ литовскомъ, *по всимъ городомъ нашимъ церкви закону греческого вездѣ близко подлѣ нашихъ дворовъ*» (174).

---

(169) См. планъ Вильны, прилож. къ собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. подъ буквою О.

(170) Ист. Гос. Рос. Кар. V, стр. 417, прим. 50.

(171) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 507.

(172) Тамъ же стр. 591.

(173) Собр. древ. грам. и акт. Вильно 1843 г. ч. II стр. 146.

(174) Сборн. Мухан. стр. 75.

Изъ граматы Сигизмунда II-го, данной 1514 г. князю Константину Острожскому, видно, что въ Вильнѣ были старыя деревянныя православныя церкви—Троицкая и св. Николая, названная *великою:* Sancti Nicolai, quem magnum appellant ([175]). Этимъ названіемъ отличается она отъ церкви *св. Николая перенесенія мощей.* На мѣстѣ ихъ княземъ Острожскимъ воздвигнуты храмы каменные, въ память побѣды подъ Оршею.

Изъ акта 1585 г. видно, что въ Трокахъ, кромѣ монастыря, существовали церкви св. Николая и Воскресенія Господня ([176]). Слѣдовательно православныхъ было столько, что потребовалось учредить двѣ приходскія церкви. Въ началѣ XVII вѣка въ Вильнѣ было около 20 церквей православныхъ ([177]). На планѣ г. Вильна, составленномъ въ 1672 г., ихъ показано 15. Преобладавшая унія захватила остальныя себѣ.

Православные монастыри, кромѣ троицкаго, были: 1) Святодуховъ въ Вильнѣ, 2) евейскій, извѣстный своею типографіею, на дорогѣ между Вильномъ и Ковномъ, 3) кронскій—на границѣ виленскаго и ковенскаго уѣздовъ, 4) сурдецкій между ковенскимъ и вилькомірскимъ уѣздами, 5) маіорскій въ браславскомъ, нынѣшнемъ новоалександровскомъ уѣздѣ ([178]) и 6) цеперскій—въ уѣздѣ новогрудскомъ ([179]). Всѣ они находились (святодуховъ и сурдецкій и теперь существуютъ) въ коренной Литвѣ. Еслибы тамъ не было значительнаго числа православныхъ; то какъ могли бы монастыри возникнуть, изъ какихъ

([175]) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. II № 6 стр. 14.

([176]) Тамъ-же стр. 147.

([177]) Wilno Kraszew. T. III. стр. 62.

([178]) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843 г. стр. XIV.

([179]) Тамъ же ч. II. № 40. О монастыряхъ въ Литвѣ можно видѣть въ Истор. Росс. іерархіи т. III. стр. 456, 473 и 538 Т. IV. стр. 37, 57, 66, 77, 78, 120 и 876.

капиталовъ устроились бы, чѣмъ содержались бы, и какъ могли бы защититься отъ унiи, которая не хотѣла знать другаго права, кромѣ права сильнѣйшаго?

Посѣтивъ въ 1843 г. сурдецкiй монастырь, авторъ былъ изумленъ, какъ могла эта обитель въ центрѣ коренной Литвы, между Жмудью и Ливонiею, окруженная врагами, уцѣлѣть въ православiи до нашего времени? Безъ преувеличенiя—это скала, окруженная разъяренными волнами. Богу угодно было сохранить ее во славу пресвятаго имени Своего, да видятъ всѣ, что оно православно чествовалось на литовской землѣ,—и усилiя враговъ не одолѣли бѣдной иноческой обители.

Подлинныя акты временъ давнихъ показываютъ, что всѣ означенные монастыри цвѣли среди народа православнаго; въ числѣ сыновъ своихъ считали Воловичей, Огинскихъ, Хребтовичей, Тышкевичей и другихъ вельможъ литовскихъ ([180]).

(Продолженiе впредь).

([180]) Собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. II.

ПАДЕНІЕ
ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА
въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII столѣтіи.

(Продолженіе)

ГЛАВА II.

Бунты кварцяного войска и козаковъ за недоплату жалованья.—Король посылаетъ своего коммиссара къ козакамъ.—Характеристика Адама Киселя.—Онъ назначенъ другимъ королевскимъ коммиссаромъ.—Кисѣль посреди бунтующихъ козаковъ.—Придуманный имъ тройной способъ для усмиренія ихъ.—Онъ пишетъ подложное письмо отъ имени короля —Раздѣленіе козаковъ на двѣ партіи.—Партія завзятыхъ соединяется вокругъ Павлюка.—Она отправляется на Запорожье и воюетъ противъ турокъ на сушѣ и на морѣ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ.—Шляхта не желаетъ войны съ турками и направляетъ свои силы на подавленіе козачества.

Разъединивъ козаковъ реестровыхъ, то есть козаковъ de jure, съ тѣми, которые были козаками только de facto, польское правительство не имѣло средствъ удержать ихъ въ повиновеніи силою и привлечь къ себѣ наградами. Особое жалованье старшинамъ, назначенное въ Круковскихъ пунктахъ, помогало мало въ успокоеніе всего реестрового товариства. Ласки, расточаемыя магнатами вліятельнѣйшимъ личностямъ между козаками, только заподозривали ихъ въ глазахъ козацкой черни и готовили имъ,

---

Примѣчаніе. Встрѣчающіеся здѣсь впервые подробности взяты изъ рукописей петербургской публичной библіотеки, напечатанныхъ въ приложеніи. Авторъ, собирая воедино разбросанныя по нимъ черты и отрывки рѣчей, не счелъ нужнымъ указывать, что именно откуда взято. Кто прочтетъ приложенія, тотъ самъ это увидитъ.

на время бунта, участь предателей. Слѣдовало бы всѣ шесть тысячъ реестровыхъ козаковъ (у которыхъ, надо замѣтить, было много *подпомощниковъ* на случай войны) удовлетворять своевременно жалованьемъ, чтобы отдѣлить ихъ интересы отъ интересовъ тѣхъ козаковъ, которыхъ паны лишили, на бумагѣ, козацкихъ правъ и называли хлопами. Но королевская казна, кромѣ обычной своей скудости, терпѣла еще отъ хищничества прикосновенныхъ къ ней пановъ. «Видитъ Богъ писалъ къ Конецпольскому Адамъ Кисѣль, въ 1636 году, не хорошо ведетъ себя казначейство республики. Многіе изъ нихъ, занимаясь счетами, грѣшатъ противъ Св. Духа, когда представляютъ намъ суммы, выданныя на жалованье козакамъ, къ которымъ и одинъ талеръ не доходитъ» (48).

Если паны не боялись оставлять такъ часто и кварцяное войско безъ жалованья, то тѣмъ менѣе боялись они окрадывать козаковъ. Но на кварцяное войско можно было дѣйствовать посредствомъ знатной шляхты, служившей въ войскѣ. Каждый знатный, то есть богатый шляхтичъ былъ представителемъ извѣстной боевой силы, и союзъ нѣсколькихъ войсковыхъ пановъ

---

(48) Короновичъ приписываетъ главнымъ образомъ *воровству скарбовыхъ людей* бунты жолнерскіе, вошедшіе въ обычай подъ именемъ конфедерацій (*Słowo Dziejów Polskich*, II, 303). Воровство это было въ ходу уже и во времена Пясецкаго. Варшавскій анонимъ 1606—1653 годовъ выражается такъ о панскомъ воровствѣ: «Mogłby podatek nowo uchwalony podymnego z przeszłego seymu wystarczyc na zapłacenie cesarskim y woysku naszemu, gdyby skarbowi ludzie przyzwyczajeni do tego, iako mol pieniendzy nie gryzli, prywatnie zbogacaione się z publicznych Rzplitej podatkow, z krwawemi łzami od ludzi wypracowanych, o czym wszyscy polacy wiedzonc co sejm na to utyskuią, iednak nie mogą temu zabiedz». (*Pam. do panow. Zygm.* III, *Wład.* IV. *Jana Kaz.* I. 156).

заставлялъ мелкую служилую шляхту молчать; тогда какъ старшина козацкій не имѣлъ собственнаго ополченія, подобно войсковымъ панамъ, и если даже располагалъ значительнымъ богатствомъ, то, по духу козацкаго товарищества, не могъ окружать себя такою толпою слугъ-козаковъ, которая соотвѣтствовала бы панскимъ слугамъ-шляхтичамъ. Козацкій старшина ограничивался однимъ нравственнымъ вліяніемъ своимъ на толпу и былъ силенъ только до тѣхъ поръ, пока она добровольно ему подчинялась. Поэтому и особое жалованье старшинѣ, хитро назначенное круковскими пунктами, и королевскія успокаивающія письма къ запорожскому войску, и банкеты, которыми покойный гетманъ Жолкевскій привлекалъ къ себѣ вліятельнѣйшихъ между козаками ([49]),—все это помогало дѣлу временно. Между тѣмъ недоплачиванье жалованья всему реестровому товариству обнаруживало между козаками затруднительныя обстоятельства панской республики, осмѣливало ихъ на своевольныя походы въ Турцію, въ Крымъ, представляло старшинѣ козацкой благовидныя причины дѣйствовать заодно съ недовольными и даже давало ей возможность грозить коронньмъ сановникамъ бунтомъ войсковой черни. Такъ, въ гетманство Грицька Чорного, она грозила правительству, что, если не будетъ выдано жалованье въ урочное время, на Илью, то козаки пойдутъ въ морской походъ, и, что, независимо отъ Грицька Чорного, опытный въ морскихъ походахъ козакъ Моисей согласился быть на морѣ гетманомъ ([50]).

Когда реестровые козаки (или нѣкоторая часть ихъ), не желая сориться съ панскою республикою за разореніе крѣпости Кодака, выдали ей Сулиму и его главныхъ сподвижниковъ,—

([49]) Okolski, *Diaryusz Transakcyi wojenney między woyskiem koronnem i zaporozkim*, str. 12.

([50]) *Ukrainne sprawy*.

они просили короля (въ то время царствовалъ уже Владиславъ IV) заплатить имъ давно уже неполучаемое жалованье. Но король и въ этомъ важномъ случаѣ очутился въ необходимости отстрочить выдачу жалованья и оправдывался передъ козаками тѣмъ, что и кварцяное войско но получило еще заслуженнаго жолду, «по недостатку денегъ въ казнѣ». Козаки просили еще. чтобъ имъ дозволено было расположиться съ *арматою* (то есть артилеріею) въ шляхетскихъ имѣніяхъ (которыя они, по старой памяти, считали землями козацкими). Ни одинъ король не помогъ бы козакамъ такъ охотно въ ихъ нуждахъ, какъ Владиславъ IV. Онъ много молодыхъ лѣтъ своихъ провелъ въ ихъ воинственномъ обществѣ; онъ пользовался наставленіями ихъ гатмана Конашевича-Сагайдачного; онъ любилъ козаковъ за ихъ расположенность въ пользу королевской власти, которую они всегда готовы были поставить выше власти магнатовъ; наконецъ, онъ видѣлъ въ козачествѣ единственную опору своего монархизма противъ шляхетской олигархіи. Но именно потому и не могъ онъ ничего сдѣлать для козаковъ, что паны ревниво слѣдили за его дѣйствіями и всѣми мѣрами старались не допустить его до непосредственнаго вліянія на степное рыцарство. Козаки, на свою просьбу, получили, отъ имени короля, такой отвѣтъ, какой угодно было дать раднымъ панамъ,—и именно: что исполненіе ихъ просьбы нарушило бы права коронные; что круковская коммиссія запрещаетъ (zabrania) исполнить ее и что имъ дозволяется занимать въ корсунскихъ имѣніяхъ,—въ Корсунѣ или Черкасахъ,—тѣ мѣста, которыя они до сихъ поръ занимали. Словомъ, козаки, ни за предательство Сулимы, ни за то, что они сожгли его челны, разорили кошъ и забрали его артиллерію, не были награждены ничѣмъ, развѣ только позволеніемъ ихъ посламъ поцѣловать королевскую руку.

Козацкіе послы были отпущены изъ Варшавы 5 декабря

1635 года съ увѣреніемъ, что жалованье козакамъ будетъ выслано не позже рождественскихъ святокъ. Но прошла зима, наступилъ лѣтній срокъ полученія жолду—день св. Ильи, а деньги не высылались. Многолюднѣйшій козацкій городъ Переяславъ началъ волноваться. Козацкій гетманъ, котораго паны въ своихъ бумагахъ называли только *старшимъ*, разослалъ по всѣмъ козацкимъ околицамъ универсалъ, чтобы всѣ козаки готовы были съ оружіемъ и съѣстными припасами сѣсть на коней, какъ на войну, и по первому его оповѣщенью собирались на то мѣсто, которое онъ назначитъ. Услышавъ однакожъ, что король посылаетъ къ нимъ своего коммиссара, пана Каменецкаго. козаки рѣшились дождаться его пріѣзда, въ надеждѣ, что онъ привезетъ имъ жалованье по крайней мѣрѣ за двѣ трети года. Но коммиссаръ везъ только королевское письмо да инсртукцію отъ короннаго гетмана Конецпольскаго, а деньги долженъ былъ привезти козакамъ скарбовый писарь.

Пріѣхавъ въ Переясловъ 14 іюля, онъ нашелъ козаковъ тихими и покорными, но, какъ онъ выразился въ письмѣ къ Конецпольскому готовыми на что-то хорошее или дурное. О деньгахъ и о скарбовомъ писарѣ не было ни духу, ни слуху. Не раздавъ денегъ, мудрено было начать переговоры съ козаками; а между тѣмъ у нихъ, на правой сторонѣ Днѣпра, готовилась въ самый день св. Ильи рада. Коммиссаръ опасался чтобъ эта рада не сдѣлалась началомъ бунта. Онъ тотчасъ написалъ къ козацкому гетману Василю Томиленку въ Каневъ, что имѣетъ порученія къ козакамъ отъ короля и короннаго гетмана, и просилъ остановиться съ радою, пока не получится извѣстіе о скарбовомъ писарѣ, или по крайней мѣрѣ письмо отъ короннаго гетмана; а между тѣмъ послалъ возможно быстраго гонца къ коронному гетману съ извѣстіями обо всемъ, что онъ узналъ на мѣстѣ.

Прежде, чѣмъ коммиссаръ получилъ отвѣтъ отъ Томиленка, разосланъ былъ во всѣ козацкіе полки, по его выраженію, «очень горячій универсалъ» (gorący bardzo uniwersał), въ которомъ Томиленко повелѣвалъ, подъ смертною казнію, чтобы всѣ полки днемъ и ночью собирались, «какъ на гвалтъ», и прибывали къ арматѣ, потому что русскій воеводичъ, корсунскій староста Даниловичъ, причиняетъ ему въ Корсунѣ нестерпимыя обиды, Дѣло въ томъ (на сколько разузналъ объ томъ коммиссаръ), что панъ Даниловичъ, прибывши въ Корсунь, разставилъ свою челядь въ домахъ реестровыхъ козаковъ и отобралъ насильно у монаховъ кіевскаго Никольскаго монастыря мѣстечка Бужинъ, Вороны, Лозы и Пива, находящіяся не на корсунскихъ старостинскихъ, а на крыловскихъ козацкихъ земляхъ, а самихъ монаховъ разогналъ. Королевскій коммиссаръ не находилъ въ этомъ ничего возмутительнаго, но убѣждалъ воеводича дождаться болѣе удобнаго времени; а Томиленка остерегалъ, чтобъ онъ не дерзалъ добиваться войскового права насиліемъ, но жаловался бы коронному гетману. По его наблюденію, старшина козацкая съ радостію получила бы деньги и сидѣла смирно по домамъ; но чернь жаждетъ своеволія и готова схватиться за эти, по его мнѣнію, ничтожные поводы (okazijki) къ возстанію. Нѣкоторые, какъ онъ замѣтилъ, возбуждали козаковъ идти къ Кіеву и дожидаться всѣхъ выслуженныхъ ими денегъ въ королевскихъ и шляхетскихъ имѣніяхъ, «потому что и коронное войско обыкновенно такъ поступаетъ, когда ему не платятъ»; другіе, напротивъ, совѣтовали двинуться съ арматою на Запорожье, то есть готовиться къ морскому походу (а морской козацкій походъ, возбуждавшій Турокъ воевать съ Польшею, для панской республики былъ еще страшнѣе того грабежа, которому подвергались богатыя имѣнія отъ взбунтовавшихся жолнеровъ, а по ихъ примѣру, и отъ козаковъ).

Гетманъ Томиленко отвѣчалъ коммисару, что не можетъ уже воротить войска въ дома, но будетъ дожидаться скарбоваго писаря въ полѣ. «Боюсь, говорилъ коммиссаръ въ письмѣ къ Конецпольскому, что имъ скоро надоѣстъ поле и что послѣ этого полеванья они бросятся въ города, хотя съ моимъ посланцемъ обошлись очень смирно и почтительно,—а онъ хорошо знаетъ ихъ обычаи,—и въ дѣлѣ съ русскимъ воеводичемъ, какъ видно, рѣшились предварительно списаться со мною».

Опасенія королевскаго коммиссара на счетъ козацкаго бунта были тѣмъ серьезнѣе, что московское пограничье почти вовсе не было защищено со стороны Украины лѣваго берега Днѣпра. Стоило только московскому царю двинуть въ Украину небольшой отрядъ ратныхъ людей—и онъ безъ бою занялъ бы города и села. «Порубежная чернь, доносилъ королю черниговскій подкоморій отъ 10-го іюля 1636 года, сидитъ на чеку: тотчасъ покинетъ замки; да и замки наши всѣ въ безпорядкѣ. Недавно случилось такое дѣло, что съ горя молчалъ бы я, да не могу молчать. Лишь только пронеслась молва, что Москва нарушила мирныя условія, весь Стародубъ разбѣжался было совсѣмъ и остался пустъ. Москали въ Путивлѣ ругались надъ нашею трусостію. Тревожило украинскихъ пановъ то обстоятельство, что порубежные московскіе воеводы не пускали въ Украину своихъ купцовъ. Опасались паны, чтобъ и ихъ торговые люди не были задержаны въ московскихъ предѣлахъ. Впрочемъ не было еще слышно ничего вѣрнаго, и множество московскихъ купцовъ разъѣзжало покамѣстъ по Украинѣ. Только князь Іеремія Вишневецкій, владѣлецъ обширныхъ имѣній въ восточной части лѣвобережной Украины, ссорился съ московскими воеводами за земли, которыя составляли сомнительную собственность московскаго царя и польскихъ магнатовъ.

Здѣсь выступаетъ на сцену лицо, игравшее видную роль

въ козацкихъ войнахъ,—Адамъ Кисѣль, родомъ изъ Брусилова (верстахъ въ 20 къ востоку отъ Чернигова). Это былъ одинъ изъ представителей стараго украинскаго дворянства, которое держалось еще греческой вѣры, но называло своимъ отечествомъ Польшу, дѣйствовало въ интересахъ шляхетской республики и было искренно убѣждено, что шляхетская республика стоитъ на самыхъ почтенныхъ основаніяхъ. Онъ считалъ бунтовщиками всѣхъ своихъ земляковъ и единовѣрцевъ, вооружавшихся противъ этой республики, хотя ему очень хорошо были извѣстны причины козацкихъ возстаній, въ числѣ которыхъ не послѣднею было то, что паны, овладѣвъ почти всѣми землями въ Украинѣ,—для увеличенія своихъ доходовъ, напустили на нее жидовъ и отдали имъ въ аренду даже церкви, въ которыхъ молились его единовѣрцы ([51]). Какъ человѣкъ набожный и отъ природы добродушный, онъ старался кроткими и миролюбивыми мѣрами, уменьшать взаимныя потери и страданія козаковъ и шляхты; но какъ панъ, воспитанный въ наслѣдственныхъ понятіяхъ о вольностяхъ, правахъ и привиллегіяхъ своего сословія, онъ изо всѣхъ силъ поддерживалъ старый порядокъ вещей и не видѣлъ,

---

([51]) Варшавскій анонимъ, современникъ козацкихъ войнъ, говоритъ положительно, что паны старались уничтожать козаковъ dla przyczynienia intrat starostom w krolewszczyznach na Ukrainie y panom wieczystym, którzy żydow wprowadziwszy, wszystko dla grosza w arendę puscili, nawet cerkwie, od ktorych żydzi klucze mieli. Kto chciał szlubu lubo krsztu, musiał się żydowi arendarzowi opłacac. (*Pam. do Pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jana Kaz. I*, 254). Тотъ же анонимъ, на стр. 274, указывая на выдумки въ универсалѣ Хмѣльницкаго, говоритъ: «а то сущая правда, что уніяты и іезуиты поотнимали имущества и доходы у козаковъ и ихъ церквей, а паны и старосты угнетали подданныхъ (и пр. и пр.) и что жиды даже въ воскресные и праздничные дни не отпирали церквей, не получивъ за то платы».

что именно изъ этого порядка вещей вытекаютъ бѣдствія обѣихъ борющихся республикъ. Дѣятельность его, отличавшаяся несвойственною ни полякамъ, ни козакамъ умѣренностію,—въ моменты сильнаго кипѣнія страстей, бывала заподозрѣваема панами, такъ же какъ и козаками. По видимому, онъ выжидалъ, кто возьметъ верхъ, и потому не заграждалъ себѣ крайними мѣрами ни одного, ни другого пути къ благосостоянію. Однакожъ, во время рѣзкаго поворота событій при Хмѣльницкомъ, Кисѣль доказалъ искренность религіозныхъ и шляхетскихъ убѣжденій своихъ. Связанный тѣснѣе прежняго съ католическою аристократіею общими потерями и опасностями, онъ не сдѣлался католикомъ, какъ многіе другіе, не отрекся, перемѣною вѣры, отъ родной національности; а принадлежа козакамъ по единовѣрію и единоплеменности, онъ, съ упадкомъ богатства и съ перемѣною счастья, смотрѣлъ на ихъ торжество тѣмъ же презрительнымъ взглядомъ шляхтича, какъ и въ то время, когда получалъ не двадцать, а сто-двацать тысячъ злотыхъ годоваго дохода.

Проживая въ своихъ вѣчистыхъ и ранговыхъ имѣніяхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра между Нѣжиномъ и Черниговомъ, Кисѣль занималъ должность черниговскаго подкоморія, когда послѣ казни Сулимы, козаки по всей Украинѣ, начали громче прежняго роптать, что имъ ужъ нѣсколько лѣтъ не платятъ жалованья. Ему, какъ пограничному пану и урядннку, поручено было отъ коронпаго гетмана освѣдомляться обо всемъ, что дѣлается за московскимъ рубежемъ и въ козацкихъ околицахъ, и Кисѣль, въ исполненіе гетманскаго порученія, посылалъ за рубежъ, подъ видомъ странствующаго купца, одного изъ преданныхъ слугъ своихъ, а въ козацкія околицы—другого. Отъ Кисѣля къ Конецпольскому летали гонцы за гонцами. Кисѣль, еще до прибытія королевскаго коммиссара, пана Каменецкаго, старался, именемъ коронпаго гетмана, успокаивать козаковъ на счетъ жалованья.

Наконецъ 1-го мая 1636 года король прислалъ имъ увѣреніе, что деньги уже отправлены въ Украину. Но проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а деньги не являлись. Они, вѣроятно, были обращены *скарбовыми людьми* на тѣ *влоскіе фухи* (итальянскія моды), на тѣ дорогія ткани, покупаемые въ Данцигѣ, за которыя и подъ московскимъ владычествомъ козацкіе проповѣдники упрекали «бозбожныхъ пановъ» ([52]); а пожалуй гуляли по Германіи и Италіи съ просвѣщенными представителями панской республики, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ великій маршалекъ коронный Вольскій, ежегодно выѣзжали въ чужіе края ([53]). По словамъ современника, о панскомъ воровствѣ знали всѣ и поднимали громкій ропотъ на сеймахъ ([54]). Зналъ и Кисѣль, но, охраняя честь своего сословія и достоинтсво республики, усердно лгалъ передъ козаками, пока наконецъ козаки вышли изъ терпѣнія, начали осыпать Кисѣля ругательствами и собираться въ шумныя громады. Тогда-то король выслалъ къ нимъ своего коммиссара, пана Каменецкаго, который, какъ увѣрили короля скарбовые люди, долженъ былъ уже застать въ Украинѣ скарбоваго писаря съ деньгами. Очутясь посреди козаковъ безъ денегъ, панъ Каменецкій очевидно струсилъ, и увѣдомилъ короннаго гетмана о своей тяжкой болѣзни, непозволяющей ему ѣхать на правую сторону Днѣпра, въ самое гнѣздо козачества, въ Каневщину, куда козаки спѣшили изо всей Украины, «какъ на гвалтъ». Онъ писалъ, что «вспухъ весь какъ бочка», что и находящійся при немъ докторъ не помогаетъ, и просилъ назначить къ себѣ помощника. Конецпольскій велѣлъ ему передать возложенную на него коммиссію черниговскому подкоморію.

([52]) *Южнор. Лѣтописи*, изд. Н. Бѣлозерскимъ, 154.

([53]) *Pam do Pan. Zygm. III, Wł. IV i Jana Kaz. I*, 157.

([54]) См. примѣчаніе 1.

И вотъ Кисѣль, полагаясь на свои мѣстныя свѣдѣнія, на свое искуство красно выражаться и ладить съ раздраженными козаками, отправился на правую сторону Днѣпра. А козаки тѣмъ временемъ собрались уже на раду, въ оружіи и съ съѣстными припасами, точно на войну, и стояли обозомъ въ полѣ, надъ шляхомъ, у рѣки Росавы между мѣстечками Росавою и Когарлыкомъ. Къ козакамъ реестровымъ присоединилось вдвое больше козаковъ «своевольныхъ», или такъ называемыхъ *выписчиковъ*. Кисѣль засталъ войско уже смѣшаннымъ. Реестровые признали за всѣми одинаковыя козацкія права. Рада раздѣлялась на два мнѣнія: одни хотѣли идти съ арматою на Запорожье и немедленно отправиться въ морской походъ; другіе, подбрасывая кверху шапки, кричали, что надобно вступить въ шляхетскія владѣнія и идти «грасува́ти по городамъ», то есть вознаграждать себя за всѣ потери и стѣсненія грабежомъ панскаго добра. Кисѣль поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ обыкновенно поступали королевскіе коммиссары, высылаемые въ кварцяное войско, когда оно бывало взволнуется за недоплату заслуженныхъ денегъ. Къ обычнымъ своимъ увѣщаніямъ онъ присоединилъ изъ собственной казны подарки старшинѣ. Козацкая старшина не отличалась особеннымъ стоицизмомъ. Получивъ тайкомъ отъ черни панскіе гостинцы или упоминки, она начала, подъ разными благовидными предлогами, проволакивать дѣло и Кисѣль уже надѣялся, что, по мѣрѣ того, какъ пылъ козацкаго завзятья будетъ остывать въ проволочкахъ, ему удастся мало по малу возстановить прежній порядокъ. — cunctando restituere rzeczy, какъ выразился онъ въ своей реляціи, отправленной къ королю 25-го Іюля. Но товариство, схвативъ знамя и булаву, созвало черную или чернецкую раду. Въ этой радѣ законодательствовала войсковая чернь независимо отъ старшины, которая держалась въ сторонѣ, а если и присутствовала, то не иначе, какъ подъ

условіемъ полнаго равенства со всѣми членами рады. Чтобъ не раздражать своимъ присутствіемъ взволновавшейся войсковой черни и не рисковать попусту боками, Кисѣль остался при старшинѣ. Изъ черной рады нѣсколько разъ приходили звать старшину въ собраніе; но Кисѣль всѣми мѣрами старался не допустить ее до соединенія съ черныо, такъ какъ она легко увлекалась общими чувствами, а иногда и противъ воли дѣйствовала заодно съ бунтовщиками. По его словамъ, наслушался онъ при этомъ всякой брани, но, терпѣливый политикъ, онъ «все это глоталъ», имѣя въ виду успокоеніе запорожскаго войска. Наконецъ ему удалось переломить настойчивость войсковой черни. Вмѣсто того, чтобы звать старшину въ чернецкую раду, всегда опасную для людей, несогласныхъ съ чувствами и порывами воинственнаго товариства, бунтующіе козаки собрались вокругъ старшины. Чернецкая рада не могла состояться, какъ видно, потому, что всѣ опытные предводители, всѣ головы, которыхъ совѣты были для козаковъ ручательствомъ въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія, увлечены были подарками или практическимъ краспорѣчіемъ Кисѣля. Теперь ужъ не могло быть безразличнаго равенства между членами собранія: теперь оно было радою частною, на которой дѣло рѣшалось не общимъ крикомъ, а совѣщаніями властей, добровольно поставленныхъ козаками надъ собою. Эти власти отличались отъ частныхъ лицъ не столько богатствомъ и связями съ другими вліятельными людьми, сколько умственнымъ превосходствомъ, которое всегда уважалось въ украинскомъ народѣ. Они-то своимъ присутствіемъ охраняли Кисѣля отъ тѣхъ обидъ, которымъ онъ могъ бы подвергнуться въ чернецкой радѣ. Но тѣмъ не менѣе собраніе шумѣло и волновалось, какъ море. Точно валы за валами, вырывались изъ толпы голосистые ораторы, покрывали другіе голоса своимъ крикомъ и заставляли другихъ бушующихъ ораторовъ прислуши-

ваться къ своимъ словамъ. Приправляя свою рѣчь болѣе или менѣе крупными побранками, козаки ревѣли громовыми голосами: «Якъ се у васъ такъ робитця, пане комисаре, що гроші вислані намъ зъ весни, та не дійшли до насъ ажъ и дóсі?» — «Козаки любятъ порядокъ, подхватывали другіе; козаки народъ смирный. Сколько лѣтъ уже не получаютъ отъ короля грóшей, а между тѣмъ не ходятъ ни на море, ни въ дикія поля за своею козацкою добычею.» Того мало, что не ходятъ, говорили третьи: они, съ оружіемъ въ рукахъ наступали на своихъ братій за ихъ непорядки и собственными руками отдавали ихъ подъ королевскій мечъ.« — «А какая намъ за все это награда? вспыхнувъ кричали другіе ораторы: за это мы въ собственныхъ домахъ терпимъ притѣсненія отъ панскихъ урядовъ и подстаростіевъ, да еще и гроші. наші отъ ёго милости короля заідáють паны!»

Кисѣль съ своей стороны представлялъ всякія оправданія и къ ласковымъ словамъ примѣшивалъ угрозы, чтобы смягчить ихъ и подавить ихъ негодованіе (animusze ich uskramiaiąc). Но, какъ писалъ онъ въ своей реляціи королю, доводы и убѣжденія, страхъ и ласка мало ужъ имѣли мѣста. Наконецъ онъ торжественно объявилъ, что, хотя ассигнованныя имъ въ свое время деньги и не пришли къ нимъ въ срокъ, да за то ужъ теперь, по королевскому повелѣнію, безъ всякаго сомнѣнія высланы, и вотъ-вотъ скарбовый писарь долженъ явиться въ Каневъ. Онъ убѣждалъ и упрашивалъ ихъ, какъ своихъ «побратимовъ и старыхъ пріятелей», не предаваться нетерпѣливости и послѣ долгаго ожиданія лучше обождать еще немного, чѣмъ изъ за нѣсколькихъ недѣль, а можетъ быть и дней, рисковать королевскимъ гнѣвомъ и потерею всѣхъ своихъ правъ.» Этотъ короткій срокъ (писалъ онъ къ коронному гетману), взялъ я на

свое здоровье и на свою душу», и умолялъ его поспѣшить высылкою денегъ.

Послѣ многократныхъ обмановъ, козаки не могли вѣрить Кисѣлю. Большая часть ихъ готова была немедленно выступить въ походъ; но было много и такихъ, которые желали помириться на чемъ-нибудь съ панскою республикою, а главное—опытные люди, зная хорошо искусство пановъ разстроивать козацкія предпріятія, предсказывали, что изъ всей этой бури ничего добраго не выйдетъ. Все это вмѣстѣ держало козаковъ въ нѣкоторой нерѣшимости, которую панская сторона пользовалась какъ нельзя лучше. «Если ты, пане комисаре, говорили Кисѣлю самые завзятые реестровики, — если ты обнадеживаешъ насъ такъ твердо на счетъ денегъ, то останься между нами и дождись у насъ въ обозѣ скарбоваго писаря.» Но Кисѣль, въ свою очередь не могъ положиться ни на безсильнаго короля, ни на престарѣлаго короннаго гетмана, ни на хищныхъ скарбовыхъ людей. Притворно или искренно, онъ чувствовалъ себя больнымъ и нуждался въ домашнемъ покоѣ. Тогда козаки объявили, что не перестанутъ готовиться къ морскому походу, но обождутъ на мѣстѣ до Пречистой (до 8 Сентября). На Пречистую у нихъ будетъ на этомъ самомъ мѣстѣ генеральная рада. Если онъ явится сюда съ деньгами, да притомъ удовлетворитъ ихъ и въ жалобахъ на обиды, которые они терпятъ въ украинскихъ городахъ отъ мѣстныхъ властей, то они пожалуй останутся еще въ установленныхъ порядкахъ; въ противномъ случаѣ тотчасъ выступятъ съ арматою на Запорожье.

Эта угроза тѣмъ сильнѣе озаботила Кисѣля, что при немъ воротились изъ Орды козацкіе соглядатаи, ѣздившіе туда подъ предлогомъ выкупа своихъ плѣнниковъ, и привезли извѣстіе, что Орда, раздѣленная на враждебныя партіи, помирилась между собою и выступила съ большими силами въ дикія поля, готовясь

къ набѣгу на польскія владѣнія. Кисѣль умолялъ короля поскорѣе высылать козакамъ деньги, да разослать къ украинскимъ должностнымъ панамъ строгіе универсалы, чтобъ они перестали обижать козаковъ. Между тѣмъ и козакамъ грозилъ онъ тою же самою Ордою. «Когда вы броситесь опрометью изъ Украины, говорилъ онъ, то этимъ самимъ откроете Украину безбожнымъ язычникамъ. Узнавъ о вашей явной измѣнѣ республикѣ, они хлынутъ въ ваши околицы, разграбятъ ваши дома, заберутъ въ плѣнъ вашихъ дѣтокъ и покроютъ запорожское войско вѣчнымъ безславіемъ.»

Но козаки знали Орду лучше Кисѣля. Не могла вся Орда дѣйствовать заодно въ настоящее время, потому, что крымскіе татары повиновались хану, котораго турецкій султанъ хотѣлъ свергнуть съ престола, а буджацкіе или ногайскіе находились въ распоряженіи мурзы Кантемира, дѣйствовавшаго въ пользу султана. Есть основаніе думать, что козаки за соглядатаевъ выдали Кисѣлю своихъ пословъ къ хану, такъ какъ вскорѣ сдѣлалось королевскимъ комисарамъ извѣстно, что ханъ обѣщалъ козакамъ и деньги и *габы* (сукна), лишь бы они поспѣшили на Запорожье и помогли ему одолѣть Кантемира.

Проведя нѣсколько дней между козаками въ Каневщинѣ, Кисѣль внимательно наблюдалъ ихъ склонности и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Козаки имѣютъ особенную расположенность къ духовенству греческой вѣры и къ благочестивому богослуженію, что было весьма естественно при тѣхъ насиліяхъ, какія ихъ единовѣрцы повсемѣстно терпѣли отъ уніятовъ, направляемыхъ и поддерживаемыхъ католиками, «хотя (замѣчаетъ Кисѣль) сами они больше похожи на татаръ, чѣмъ на христіянъ.» 2) Страхъ дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе, нежели милость,—что опять естественно, такъ какъ стращая козаковъ, паны въ самомъ дѣлѣ имѣли возможность разорять ихъ дома,

истреблять семейства, прогонять ихъ самихъ въ дикія пустыни, а предлагая милость, они предлагали имъ добровольное рабство. 3) Вообще любятъ они бѣдняжки (niebożęta) взять что-нибудь если имъ предлагаютъ, это также понятно при томъ іезуитскомъ искуствѣ, съ которымъ паны постоянно переманивали на свою сторону «лучшихъ людей» между козаками.

На основаніи этихъ наблюденій, Кисѣль рѣшился дѣйствовать на эту, какъ онъ выражался, неразумную plebs тремя различными способами: старшину склонить на свою сторону подарками; козаковъ добродѣтельныхъ (cnotliwych) и тѣхъ, которые имѣютъ дома и безпрестанно на нихъ оглядываются, ласкать словами, представляя имъ цѣлость отечества и обѣщая вольности не только служащимъ козакамъ, но и ихъ дѣтямъ; что же касается до «дикихъ бунтовщиковъ и голышей, которые живутъ только добычею, которые и вѣру, и благочестіе, и вольности свои, и женъ, и дѣтей утопили въ Днѣпрѣ», то есть всѣмъ рискнули изъ желанія пуститься по Днѣпру на Запорожье [55]), то этимъ просто грозить саблею.

Прежде всего онъ послалъ старшинѣ подарки подъ великою тайною (in summa confidentia), а чтобы прикрыть посольство свое и въ то же время подѣйствовать на бунтующую массу, вручилъ своему посланцу листъ къ козакамъ, растворенный, какъ онъ выразился, тѣми же ингредіентами: то есть обѣщаніями, ласками и угрозами. Старшина, получивъ малу толику отъ вельможнаго пана, обѣщала отсрочивать вызовъ козаковъ на генеральную раду, пока будетъ возможно, и тѣмъ отдалить на неопредѣленное время выходъ на Запорожье. Такимъ образомъ первый пунктъ былъ выполненъ съ успѣхомъ.

(55) Въ другомъ мѣстѣ Кисѣль выразился объ этихъ дикихъ бунтовщикахъ такъ: ,,ratio, pietas, religio, wolność, żony, dzieci—wszystko to w ich głowie z nimi po Dnieprze pływa.“

Чтобы подѣйствовать на людей *цнотливыхъ* и болѣе благоразумныхъ (lepszego rozsądku), Кисѣль обратился къ митрополиту Петру Могилѣ, и тотъ, по своему «благоутробію» (per viscera misericordiæ) послалъ къ козакамъ двухъ игуменовъ, людей, по словамъ Кисѣля, добрыхъ, расторопныхъ и вѣрныхъ, а Кисѣль наставилъ отъ себя этихъ вѣрныхъ и добрыхъ людей, что именно должны они внушать козакамъ lepszego rozsądku, то есть тѣмъ, которые больше заботились о своихъ домахъ и земляхъ, чѣмъ о дѣлахъ, всему товариству общихъ. «Если вы сыны церкви, для защиты которой предлагали проливать кровь свою, говорили почтенные игумены, если дорожите вашею вольностію, женами и дѣтками; то просимъ васъ—воздержитесь отъ нетерпѣнія, обождите еще денегъ, не оскорбляйте рѣчипосполитой: иначе—погибнете и сами, погубите и вольность вашу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самой церкви, вашей матери, причините руину.» Благоразумные и добродѣтельные люди внимали широкимъ разглагольствіямъ ([56]) вѣрныхъ панской республикѣ чернецовъ и, по видимому были тронуты ихъ представтеніями, что теперь уменьшилось гоненіе на благочестіе, что теперь храмы Божіи процвѣтаютъ, что вотъ и св. Софія кіевская, гдѣ еще недавно росли деревья и витали дикіи звѣри, обновися велелѣпно; а въ сущности помышляли о своихъ стадахъ и пасикахъ, о своихъ теплыхъ хатахъ, о своихъ угодливыхъ жінка́хъ и милыхъ дѣтяхъ. Когда же игумены, въ случаѣ упорства козаковъ, погрозили имъ неблагословеніемъ владыки митрополита,—тутъ они получили еще болѣе увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ и сильно начали что называется гальмува́ти коза́цьке завзяття. «На сколько можетъ

([56]) Кисѣль говоритъ м своемъ наставленіи чернецамъ: „Szcrocе per modum instructiey concipowało się to“

дѣйствовать на этихъ людей религія, писалъ Кисѣль къ коронному гетману,—она должна подѣйствовать.»

Оставалось исполнить «самую трудную задачу»—вселить страхъ въ ту сравнительно многолюдную часть войска, у которой, по мнѣнію Кисѣля, не было ничего священнаго (którzy nihil sacrum ducunt). Въ короткій срокъ, данный ему козаками, онъ не могъ получить отъ короннаго гетмана никакой новой бумаги, которая помогла бы ему удержать козаковъ отъ похода; а старшинѣ необходимо было имѣть какія нибудь основанія, чтобы урезонивать войсковую чернь, а то (говоритъ Кисѣль), она хоть бы и хотѣла, такъ не было чѣмъ заткнуть рты крикунамъ. Тутъ онъ вспомнилъ, какъ римскіе военачальники совершали nomine Jovis (именемъ Зевеса), то, чего не могли совершить личнымъ вліяніемъ, и сочинилъ королевскій отвѣтъ на свою реляцію, которая не успѣла еще дойти до короля. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ пану Каменецкому, онъ говоритъ: «Я выкинулъ еще лучшую штуку, чѣмъ подъ Сѣвскомъ; дай только, Господи Боже, чтобъ она была такъ же удачна, какъ и та.» Штука состояла въ томъ, что Кисѣль сочинилъ королевскій отвѣтъ на свою реляцію о пребываніи своемъ въ Каневщинѣ. Король, благодаря Кисѣля за исполненную имъ коммиссію, выражалъ свое неудовольствіе, что козаки такъ мало оказываютъ уваженія къ собственноручной его подписи. «Кто не вѣритъ королевской подписи, сказано было въ подложномъ письмѣ, тотъ не можетъ быть и вѣрнымъ подданнымъ. Усомнившись въ королевскомъ листѣ, открывъ чернецкую раду, постановивъ на ней идти на Запорожье, и назначивъ такой короткій и несообразный срокъ для доставленія денегъ, козаки явно обнаружили, что не деньги причиною ихъ бунта, а ихъ собственная измѣна.» Въ заключеніе, король велитъ Кисѣлю уговаривать ихъ и увѣрить королевскимъ словомъ,

что деньги будутъ имъ высланы; если же они не согласятся обождать денегъ, то грозитъ лишить ихъ козацкихъ правъ и двинуть на нихъ всѣ силы рѣчипосполитой. Копію съ вымышленнаго письма отправилъ Кисѣль къ козацкой старшинѣ, будто бы тайкомъ, и просилъ ее не выдавать своего стараго пріятеля. Пусть они подумаютъ надъ королевскимъ письмомъ; наказано было гонцу и поступять такъ, чтобъ не потерять и самаго имени запорожскаго войска; пусть выберутъ любое: или вѣрить королю и обождать еще немного, или же до конца пренебречь руку и слово его королевской милости и остаться ужъ явными измѣнниками. Гонецъ долженъ былъ сообщить козакамъ и самыя подробности полученія отъ короля письма: что оно отправлено изъ Гродно, что его привезъ королевскій татаринъ о дву-конь, что Кисѣль въ тотъ же день снялъ съ него копію и посылаетъ своимъ побратимамъ.

Зналъ Кисѣль, что старшина была расположена, получивъ деньги, сидѣть спокойно по своимъ домамъ; зналъ онъ, что на волю рвутся только обѣднѣвшіе реестровые козаки, увлекаемые сравнительно многочисленною массою выписчиковъ, и разсчитывалъ весьма основательно, что вымышленное королевское письмо или поселитъ между козаками рознь, или заставитъ ихъ принять другое, лучшее рѣшеніе, или же, наконецъ, всѣ они рискнутъ женами и дѣтьми, и тогда рѣчьпосполитая наступитъ на нихъ всѣми своими силами, уже какъ на прямыхъ измѣнниковъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ Кисѣль брался смягчить гнѣвъ его королевской милости, а въ послѣднемъ— какъ онъ выразился—ставилъ передъ ихъ глазами пекло, которое и безъ того представлялось уже ихъ воображенію. Въ самомъ дѣлѣ, самыя отчаянныя козацкія головы, принадлежа большею частію къ убогимъ скитальцамъ и живя вдали отъ правительственной среды, преувеличивали понятіе о ея средствахъ, такъ какъ

шляхта вообще любила что называется írописываться на последній грошъ и шумѣть о своемъ могуществѣ, да, наконецъ, играя общую свою роль изъ рода въ родъ и подавляя разрозненную массу козацкой черни, она и въ самомъ дѣлѣ пріобрѣла увѣренность въ своей силѣ. Отсюда, естественно, могло поселиться во многихъ, если не во всѣхъ, козакахъ убѣжденіе, что для богатой, надмѣнной и вѣчно повелительной шляхты очень возможно, какъ она часто грозила, уничтожить и самое имя козацкое, а берега Днѣпра обратить въ жилища дикихъ звѣрей. Къ тому жъ у Кисѣля была въ козацкомъ войскѣ своя партія (pewne konfidenty), посредствомъ которой онъ пускалъ въ ходъ между войсковою чернью такіе толки, какіе находилъ нужными по обстоятельствамъ. «Какъ бы то ни было, говоритъ въ своей перепискѣ Кисѣль, но три средства, употребленныя мною въ дѣло, болѣе или менѣе смутятъ козаковъ. Если же и этимъ не охладится ихъ горячка, то она ужъ неизлечима.»

Въ угрозахъ своихъ Кисѣль старался однакожъ соблюдать мѣру, чтобы не до конца раздражить козацкую чернь, или самимъ отчаяніемъ не подвинуть ее на крайнія мѣры. Ему хотѣлось только удержать ее въ нерѣшимости, пока уйдетъ время такъ называемаго *гостюванья* на Запорожьи, то есть пора года, удобная для похода на море. Отъ 21-го августа 1636 года Кисѣль увѣдомлялъ Конецпольскаго, что ничего вѣрнаго не можетъ еще сообщить ему о козакахъ. «Носится это море, писалъ онъ, то въ одну, то въ другую сторону и иногда закипаетъ бурею. На мои письма козаки не отвѣчаютъ, посланцамъ моимъ грозятъ, иныхъ вовсе не принимаютъ, другимъ отводятъ ночлеги у пушекъ. Что только могъ я придумать, все мною сдѣлано. Сказать правду, дѣла наши идутъ скрипя; но все же значительная часть козацкаго войска рѣшилась дожидаться

денегъ. бунтуютъ одни черкасцы да чигиринцы, о которыхъ можно сказать, что это—nulla fides pietasque viris (люди безъ всякой вѣры и благочестія). И староста калускій (панъ Каменецкій) и я имѣемъ ежедневныя извѣстія и знаемъ, что дѣлается въ каждомъ полку. Доходитъ у нихъ дѣло до бою за армату, которую одни хотятъ увезти на Запорожье, а другіе не даютъ. Но трудно предсказать, что будетъ съ этимъ войскомъ. Одно меня успокаиваетъ, что удалось мнѣ сдѣлать проволочку. Будучи слишкомъ заняты своими междоусобіями, козаки не разсылаютъ еще универсаловъ о радѣ. Авось-либо всѣхъ ихъ обратитъ Господь къ здравому смыслу. Я написалъ къ ихъ старшему извиняясь, что, по болѣзни моей, не могу еще явиться посреди ихъ, но что, лишь только поправится мое здоровье, обѣщаю къ нимъ пріѣхать и отдамъ самого себя въ залогъ, лишь бы отложили на сей разъ свое намѣреніе идти на Запорожье. Разсчитываю въ этомъ случаѣ на тѣхъ, которые отъ меня что нибудь получили: они не измѣнятъ своему слову.»

Обѣщая козакамъ явиться къ нимъ въ видѣ заложника, Кисѣль обманывалъ ихъ, по своему панскому обычаю. Черезъ три дня, онъ писалъ къ тому же Конецпольскому: «Если получу деньги, то, каково бы ни было состояніе моего здоровья, поѣду къ козакамъ и буду, сколько силъ моихъ, улаживать съ ними дѣло; но если не получу, то, не слишкомъ довѣряя моимъ побратимамъ, и предвидя походъ ихъ на Запорожье, я долженъ буду убраться за Десну, въ отдаленнѣйшее мое имѣніе.» Это значило, что одинъ слухъ о движеніи козаковъ на Запорожье, взволнуетъ рабочее населеніе Украины до такой степени, что паны должны будутъ спасаться бѣгствомъ изъ имѣній, въ которыхъ они на мѣсто громадской, древней, ввели шляхетскую, новую юрисдикцію, а вмѣстѣ съ нею и нена-

вистную народу откупную систему. Само собою разумѣется, что жиды, эти безпощадныя орудія шляхетскаго деспотизма, должны были бы также убираться вмѣстѣ съ своими достойными патронами.

П. Кулишъ.

(Продолженіе впредь).

БЫЛЪ ЛИ НЕСТОРЪ ЛѢТОПИСЕЦЪ

ПОЛЯКЪ и УНІЯТЪ?

Вопросъ этотъ способенъ произвесть взрывъ смѣха у нашихъ читателей. Къ сожалѣнію, не мало подобныхъ странныхъ вопросовъ задаетъ намъ досужая фантазія патріотовъ, бросающихся на всѣ средства для поддержанія нелѣпыхъ теорій своихъ о полонизмѣ юго-западной Руси. Къ числу такихъ средствъ принадлежитъ усиліе ихъ притягивать къ польской національности и католичеству всѣ древнія знаменитости русской исторіи, русской жизни. Безцеремонность, съ какою подбирается здѣсь чужая собственность поразительна и способна навесть на самыя грустныя мысли касательно состоянія тѣхъ, кто это дѣлаетъ. Часто нѣтъ возможности отвѣчать на выходки этихъ господъ. Надобно повторять имъ такія простыя вещи, такую азбуку исторіи, что кажется, будто имѣешъ дѣло съ совершенными невѣждами. Вотъ напр. иной изъ нихъ начнетъ съ важностію твердить вамъ: «Несторъ лѣтописецъ—нашъ; принадлежитъ онъ къ нашей національности, нашей церкви: это полякъ и уніятъ» [1]). Что станете отвѣчать—хоть на первую

---

[1]) Мысль эту, рядомъ съ другими доказательствами полонизма юго-западной Руси, горячо проповѣдуетъ извѣстный Духинскій. Ее проповѣдуютъ также и разные писаки заграничныхъ польскихъ газетъ, въ особенности львовская „Narodowa Gazeta" и львовскій „Dziennik Polski."

выходку? На эту странную, смѣха достойную выходку и отвѣчать не слѣдовало бы, но намъ она высказана печатно и притомъ же въ газетѣ, служащей органомъ для проведенія современныхъ польскихъ тенденцій въ массы, разумѣется мало знакомыя съ исторіею русскаго народа, готоваго повѣрить на слово всякой печатной бредни, то чтобъ и эта польская бредня не заслужила авторитета истины, мы рѣшили отвѣчать и отвѣчаемъ словами самого Нестора: «отъ него же (словѣнска) языка *и мы есмы—Русь.*» Не споримъ, возразятъ вамъ: Несторъ точно былъ русинъ, русскій, принадлежалъ къ Руси, но самая Русь-то что? Это, вѣдь, русская Польша, или лучше, это Русь польская, часть Польши: при этомъ разумѣютъ обыкновенно Русь при-днѣпровскую (обѣихъ половинъ Днѣпра), отличая се отъ Руси великой, одинаково будто бы чуждой и Польшѣ и Руси юго-западной. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, не сказалъ ли гдѣ-либо Несторъ въ своей лѣтописи, что Русь и Польша одно, не сказалъ ли онъ гдѣ-либо, что *мы—Ляхія*, также какъ сказалъ *мы—Русь*.

Сказалъ, говорятъ намъ находчивые оппоненты наши, сказалъ хоть непрямо, буквально, да за то ясно. Посмотрите, откуда онъ производитъ словянъ при-днѣпровскихъ: съ Вислы отъ ляховъ-полянъ или поляковъ. Приведемъ это знаменитое мѣсто: «По мнозихъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорская земля и Болгарска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдаше на которомъ мѣстѣ: Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава, и прозвашася Морави, а друзіи Чеси нарѣкошася, а се тиже Словѣни—Хровате Бѣліи, и Зеребѣ, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни, на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ ихъ. Словѣни же они пришедша сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тихъ

Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарѣкошася Поляне, а друзіи Древляне, за не сѣдоша въ лѣсѣхъ.... » и проч. [2]). При простомъ взглядѣ на складъ этого мѣста оказывается, что, говоря о разселеніи словянъ съ Дуная, лѣтописецъ указываетъ двѣ отрасли или вѣтви ихъ: одну моравовъ и чеховъ, другую хроватовъ бѣлыхъ, сербовъ и хорутанъ. Отъ первой производитъ ляховъ-полянъ или поляковъ, отъ второй—словянъ приднѣпровскихъ: полянъ, древлянъ, и проч. Таково прямѣйшее значеніе слѣд. выраженій, означеннаго мѣста лѣтописи: «*Словѣни же ови* (въ отношеніи къ первой отрасли словянъ) *пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове*... и проч.; *такоже и ти Словѣне*, (въ отношеніи къ второй отрасли) *пришедше сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне* и проч. [3]). За это *такоже и ти Словѣне* особенно хватаются польскіе изслѣдователи, говоря, что этимъ выраженіемъ Несторъ *настойчиво* хочетъ показать, что поляне, древляне и проч. суть тѣже словяне, которыхъ онъ предъ тѣмъ исчислилъ, т. е. ляхи-поляки [4]). Было бы слишкомъ долго, еслибъ мы стали

---

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 3.

[3]) Такъ понимаетъ это мѣсто и г. Соловьевъ, пріобрѣвшій нѣкоторый авторитетъ у польскихъ писателей, такъ что они любятъ находить у него подкрѣпленіе своихъ взглядовъ на нашу исторію.

[4]) Жаль, что такія толкованія дѣлаются и въ такомъ серіозномъ трудѣ какъ „Latopis Nestora, tłumaczona przez Julijana Kotkowskiego“ стр. 127, примѣч. 24. Позволяемъ себѣ замѣтить, что трудъ почтеннаго автора и помимо подобныхъ прибавокъ и натяжекъ, будетъ имѣть значеніе, котораго онъ заслуживаетъ. Можетъ быть намъ придется нарочито и обстоятельно поговорить о замѣчательномъ трудѣ г. Котковскаго.

приводить изъ лѣтописи рядъ выраженій, показывающихъ, какъ рисковно рѣшать историческіе вопросы толкованіями частицъ *ти, тѣ,* какъ это дѣлаютъ въ настоящемъ случаѣ поляки. На основаніи такихъ толкованій слѣдовало бы напр. счесть хорватовъ, сербовъ, хорутанъ моравами или чехами, потому что, сказавъ о послѣднихъ, Несторъ продолжаетъ: *а се тиже словѣни.* Если возможно другое толкованіе знаменитаго *такоже и ти Словѣне* то развѣ—придавая этому выраженію общее и простое значеніе: *также и эти словяне,* которыхъ т. е. начинаетъ исчислять теперь Несторъ. Столько же странно другое указаніе, которое выхватываютъ изъ Нестора въ пользу польскаго происхожденія словянъ приднѣпровскихъ. «Несторъ-же называетъ вислянскихъ ляховъ *полянами,* какъ называетъ онъ и кіевскихъ славянъ.» Такъ: но не закрывайте отъ себя, не промалчивайте того, какъ Несторъ объясняетъ происхожденіе этого названія для послѣднихъ: а онъ объясняетъ не тѣмъ, что они произошли отъ вислянскихъ полянъ, а тѣмъ, что сѣли въ поляхъ, подобно тому, какъ древляне назывались этимъ именемъ потому, что сѣли въ лѣсахъ. «А Словѣнескъ языкъ и русскій одинъ, отъ Ворягъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ, Поляни же прозвашася занеже въ полѣ сѣдяху, языкъ словѣньскый бѣ имъ единъ.» Какъ нарочно это объясненіе названія полянъ стоитъ рядомъ съ объясненіемъ позднѣйшаго названія—Русь и указаніемъ первѣйшаго и общаго—словяне: вислянскому полянству не нашлось здѣсь мѣста, а тутъ-то кажется бы и было ему мѣсто. Также просто объясняется и названіе *польская земля.* «Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ (Кіевѣ) и многи Варяги скутеста и начаста владѣти *Польскою землею.*» Простымъ комментаріемъ къ этому выраженію можетъ служить названіе

польской Украины, какое названіе придавалось у насъ съ XVI вѣка всей южной и юго-восточной полосѣ Россіи, представлявшей степи или поля, чрезъ которую проведена была извѣстная линія станицъ и сторожъ, для предупрежденія татарскихъ набѣговъ [5]). И такъ, оставя въ покоѣ полянъ и польскую землю, пусть лучше искатели польской крови у насъ удовольствуются тѣмъ яснымъ свидѣтельствомъ Нестора, что собственно радимичи и вятичи происходятъ отъ ляховъ. Странно, что польскіе толкователи Нестора не видятъ у него различія въ происхожденіи этихъ двухъ племенъ и полянъ приднѣпровскихъ и находятъ, что тѣхъ и другихъ онъ ведетъ одинаково отъ ляховъ вислянскихъ [6]). Вотъ что значитъ читать памятникъ съ предзанятыми теоріями: увидишь то, чего въ немъ нѣтъ, не досмотришь того, что есть. За то и Несторъ неу-

---

[5]) Г. Котковскій благоразумно удержался объяснять названіе „польская земля". вислянскимъ происхожденіемъ жителей ея полянъ. Но самое названіе полянъ кіевскихъ онъ непремѣнно ведетъ отъ полянъ вислянскихъ и, между прочимъ, указываетъ на названіе Кіева „взятое отъ Куявіи" польской. Въ такомъ случаѣ мы напомнимъ ему про городище Кіевецъ на Дунаѣ, который притомъ лѣтописецъ именно связываетъ съ именемъ Кія, основателя Кіева. Вспомнимъ кстати, что нетолько лѣтопись, но народная пѣсня наша знаетъ про Дунай.—„Дунай нашъ", тогда какъ не поетъ она про Вислу." Дѣло впрочемъ не въ звукахъ. Если напр. по звукамъ станемъ доискиваться родины *Руси*, то гдѣ мы не найдемъ ее, гдѣ даже не искали ее охотники до словопроизводствъ?

[6]) „Owo naleganie *także i ti Słowienie priszedsze i siedosza po Dniepru i narekoszasia Polane* aż nadto jasno tłumaczy, że to są Polanie od Polan nadwiślańskich początek biorący, tak samo, jak Radymiczanie i Wiatyczanie od lackich Radyma i Wiatki." Latopis Nestora, стр. 172.

молимъ къ толкователямъ: «Поляномъ же, говоритъ онъ, живущимъ особѣ, *суще отъ рода Словѣнска* и нарѣкошася Поляне, а Древляне *же отъ Словѣнъ же* и нарѣкошася Древляне; Радимичи *бо и Вятичи отъ Ляховъ*. Бѣста бо 2 брата въ Лясихъ, Радимъ, а другій Вятко...» и проч. Важно здѣсь самое сопоставленіе происхожденія полянъ и древлянъ съ одной стороны, радимичей и вятичей съ другой. Первые вообще—отъ рода словенска, вторые частнѣе отъ ляховъ..... Вятичи—отъ ляховъ: не угодно ли польскимъ патріотамъ объявить на этомъ основаніи свои притязанія на жителей орловской губерніи, потомковъ древнихъ вятичей? [7]).

---

[7]) Мы не разбираемъ здѣсь другихъ доказательствъ польскаго происхожденія Руси, отыскиваемыхъ внѣ лѣтописи Нестора. Ихъ наберется порядочная куча. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются самою безцеремонностью. Вотъ образчикъ: Духинскій, доказывая происхожденіе русскихъ славянъ отъ поляковъ съ Вислы, между прочимъ, ссылается на Богдана Хмѣльницкаго, который будто бы говоритъ объ этомъ въ своихъ универсалахъ. Дѣла этого дѣйствительно касается Хмѣльницкій въ своемъ универсалѣ отъ 29 Мая 1648 года изъ подъ Бѣлой-Церкви: но онъ говоритъ совершенно противное, т. е. что поляки происходятъ отъ Руси и отсюда перешли на Вислу. Вотъ это мѣсто: „они поляки, подлугъ ихъ же кроникаровъ польскихъ свидѣтельства, отъ насъ Савромановъ и Руссовъ уродившись и изшедши и за едино спочатку съ самовластною братію нашею Савроматами и Русами бувши, а несытой славы богатства душевредного себѣ ищущи, отъ сопребыванія съ предками нашими древнихъ оныхъ вѣковъ отдѣлились и иное именованіе, еже есть Ляхи и Поляки себѣ учинивши и за Вислу заволокшись, на чужихъ грунтахъ и земляхъ, тамъ, между знаменитыми рѣками, Одрою и Вислою, засѣли.“ Тутъ дѣло не въ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣніяхъ и показаніяхъ Хмѣльницкаго, а въ томъ какъ превратно передаетъ ихъ польскій изслѣдователь.

Но дѣло не въ одномъ происхожденіи, прерываютъ насъ названные братья Руси. Русь эта, сложившись изъ словянскихъ племенъ въ одно государство подъ властію Рюрикова дома, была и теперь одно съ Польшею, т. е. была въ постоянномъ союзѣ съ нею, тяготѣла къ полному слитію съ нею, котораго потомъ и достигла при Ягеллѣ; иные скажутъ болѣе, скажутъ, что она съ первыхъ поръ чувствовала, признавала надъ собой какое то преобладаніе Польши, какъ ея провинція. Несторъ, какъ русинъ, естественно окажется тутъ въ единеніи, союзѣ, подъ вліяніемъ Польши, словомъ, окажется русскимъ полякомъ. А его повѣсть: «откуда пошла есть русская земля?»—принадлежностію польской литературы. Ужели вы читали эту повѣсть? Спросилъ бы тутъ кто нибудь васъ, господа. Если читали, то ужели въ туже минуту забывали прочитанное? Припомните: повѣствуя о временахъ Рюрика, Олега, Игора, Ольги, Святослава, Несторъ вѣдь ни разу не упоминаетъ о какомъ либо единствѣ, союзѣ, сближеніи Руси съ Польшею. Даже ни разу не упомянулъ о дѣлахъ польской исторіи, тогда какъ неоднократно приводитъ факты изъ исторіи греческой, словянъ болгарскихъ, моравскихъ; не указывается ли здѣсь на то, какимъ союзомъ и сродствомъ болѣе интересуется лѣтописецъ, про какой союзъ онъ больше хотѣлъ знать и знаетъ. Но встрѣчаемся наконецъ въ его лѣтописи и съ ляхами. Первое извѣстіе о столкновеніи Руси съ ляхами относится ко временамъ Владиміра. Подъ 981 годомъ лѣтопись говоритъ: «иде Владиміръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего же подъ Русью.» Изъ различныхъ толкованій этого мѣста, намъ кажется вѣрнѣе мнѣніе г. Соловьева, (авторитета и у поляковъ), что это было не завоеваніе, а возвращеніе прежняго достоянія предшественниковъ Владиміра, занятаго ляхами во время смутъ послѣ Ярослава. По нѣкото-

рымъ спискамъ и въ 992 году Владиміръ воевалъ съ ляхами при Мечиславѣ «за многія противности его.» Зашли казалось и дружественныя сношенія съ ляхами послѣ того, какъ сынъ Владиміра Святополкъ женился на дочери Болеслава Храбраго, заключившаго предъ тѣмъ миръ съ Владиміромъ. Но и этотъ союзъ родственный повелъ къ новому раздору вслѣдствіе корыстныхъ видовъ Болеслава на Русь. Извѣстенъ разсказъ Дитмара объ этихъ обстоятельствахъ, далеко невыгодный для идеи извѣчнаго союза Руси съ Польшею; но мы не передаемъ его здѣсь, имѣя дѣло главнымъ образомъ съ лѣтописью Нестора. Довольно того, что первое извѣстіе о столкновеніи Руси съ Польшею говоритъ совсѣмъ не о единствѣ, слитіи; напротивъ, оно представляетъ Русь нетолько совершенно отдѣльною, самостоятельною по отношеніи къ Польшѣ, но и отражающею ея своекорыстныя вторженія и вмѣшательства въ дѣла и предѣлы Руси. Слѣдующее замѣчательное столкновеніе поляковъ съ Русью зашло по смерти Владиміра св., когда Болеславъ храбрый желалъ воспользоваться смутами Руси, да еще помочь зятю своему Святополку. Болеславъ взялъ верхъ надъ Ярославомъ и вступилъ съ Святополкомъ въ Кіевъ. И чтоже? При тайныхъ поощреніяхъ самого Святополка, русскіе вооружились и стали убивать поляковъ, послѣ чего Болеславъ долженъ былъ убраться изъ Кіева. Есть извѣстіе, что эту месть вызвали сами поляки своею неуживчивостію и дурнымъ обращеніемъ съ русскими (Татищ. II, 99), подобно тому, какъ недавно они вызвали подобное возстаніе противъ себя въ Чехіи. И такъ вотъ характеръ и другого столкновенія Руси съ поляками. О единствѣ, союзѣ, тяготѣніи къ слитію, мы ничего не встрѣтили; встрѣчаемъ напротивъ непріязнь, неуживчивость съ одной стороны, отбой—съ другой. Карая окаяннаго братоубійцу, лѣтопись согласно, конечно, съ народнымъ преданіемъ, заставляетъ

его и гибнуть въ предѣлахъ земли ляшской, въ землѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Буслаевъ—латинской и, прибавимъ, чужой. Пропасть на чужбинѣ иновѣрной—это считалось въ древности величайшимъ несчастіемъ, высшею карою.

Послѣ этихъ извѣстій лѣтопись упоминаетъ о ляшской землѣ уже подъ 1030 годомъ, когда по смерти Болеслава «бысть мятежъ въ землѣ ляхскѣ; вставше людіе избита епископы и попы и бояре своя и бысть въ нихъ мятежъ.» Замѣчателенъ этотъ холодный лаконизмъ лѣтописца, съ которымъ онъ не говорилъ бы о подобномъ событіи въ родной и любезной ему землѣ русской [8]). Между тѣмъ Русь спѣшитъ воспользоваться смутами въ землѣ ляшской. Въ слѣдующемъ же году Ярославъ съ храбрымъ братомъ своимъ Мстиславомъ пошли на нее и отняли червенскіе города, захваченные нѣкогда Болеславомъ при возвращеніи изъ Кіева; а также «многи Ляхи приведоста и раздѣлиста я; и посади Ярославъ своя по Роси, и суть до сего днє.» Предоставляемъ защитикамъ полонизма Руси найти въ этомъ «суть и до сего дне» новое доказательство любимой теоріи на ряду съ фактомъ выхода изъ Польши предковъ жителей орловской губерніи. А для насъ, приведенное мѣсто о походѣ Ярослава и Мстислава въ землю ляхскую имѣетъ тотъ простой смыслъ, что князья русской земли продолжаютъ возвращать, отстаивать свое достояніе отъ ляховъ и отодвигать чуждую имъ ляшскую землю въ ея собственные предѣлы. Спѣшимъ присовокупить, что при Ярославѣ, удовлетворенномъ въ отношеніи къ Польшѣ, были и союзы воинскіе и родственные

[8]) Вспомнимъ, что въ печерской обители, гдѣ жилъ и писалъ Несторъ, существовало преданіе, что этотъ мятежъ, какъ и самая внезапная смерть Болеслава, были явленіемъ гнѣва Божія за терзанія распутною ляхинею Моусея Угрина и гоненія Болеслава на черноризцевъ, заходившихъ въ Польшу съ востока.

съ Казиміромъ польскимъ, при чемъ Ярославъ благородно помогъ Казиміру въ борьбѣ его съ дикою и полуязыческою Мазовіею, а Казиміръ возвратилъ Ярославу плѣнниковъ, взятыхъ Болеславомъ. Но надобно большое напряженіе, чтобы отъ такихъ фактовъ сдѣлать скачекъ къ любимымъ польскимъ теоріямъ. Когда мы знаемъ, что напримѣръ у Владиміра были дружественныя сношенія съ венграми, съ чехами, что Ярославъ былъ въ родственныхъ союзахъ со многими владѣтельными домами въ Европѣ. Надобно же различать значеніе фактовъ. Только іезуиты имѣютъ отвагу отъ какихъ либо случайныхъ, безслѣдныхъ ссылокъ, сношеній Руси съ папами, заключать о единствѣ церкви русской съ папскою. Но пойдемъ далѣе. Въ 1067 году Изяславъ, изгнанный кіевлянами, бѣжалъ въ ляхи, а въ Кіевѣ сѣлъ Всеславъ. Въ слѣдующемъ году Изяславъ пришелъ на него съ сватомъ своимъ Болеславомъ и ляхами. Кіевляне такъ возстали противъ этого ляшскаго нашествія, что грозили сжечь городъ и уйти въ Грецію, если Изяславъ не отпуститъ отъ себя ляховъ, взявъ развѣ малую дружину изъ нихъ. По совѣту братьевъ, Изяславъ такъ и сдѣлалъ: вошелъ въ Кіевъ съ Болеславомъ и небольшимъ числомъ ляховъ, которыхъ распустилъ на покормъ. И что же? Русскіе и теперь, какъ при Святополкѣ, стали «тайно избивать ляховъ»: опять не могли они ужиться съ ними! Но и Изяславу пришлось испытать некрѣпкость ляшской дружбы. Въ 1073 году, поссорившись съ братьями, онъ ушелъ къ ляхамъ съ большимъ богатствомъ, говоря «съ этимъ найду воевъ.» Горько ошибся онъ. Ляхи обобрали его и указали ему путь отъ себя. Чувствуется, что съ горечью писалъ эти слова лѣтописецъ, довольно жаловавшій Изяслава, приписывавшій его промахи болѣе слабости, чѣмъ положительно дурному нраву.

Чтобы не утомлять читателя, мы охотно пропустимъ рядъ мелкихъ фактовъ, выражающихъ мирныя или враждебныя сношенія русскихъ князей съ поляками. Знакомые съ дѣломъ не заподозрятъ насъ въ намѣренной уклончивости. Скажемъ только, что въ ту пору, какъ во дни братолюбца и страдальца за землю русскую Владиміра Мономаха устроялись княжескіе родственно-федеративные съѣзды для взаимныхъ примиреній, соглашеній, когда послѣ сего князья совокупными силами ходили мстить за русскую землю степнымъ варварамъ, то въ этихъ общихъ дѣлахъ земли русской, ни разу не встрѣчаемъ мы совмѣстнаго дѣйствія съ ними ляховъ, земля которыхъ очевидно не была одною съ русскою, не составляла одной федераціи съ нею, а была отдѣльною, чуждою ей. Лѣтописецъ, который въ такихъ случаяхъ радовался за землю русскую, не могъ чувствовать ни единства земли русской съ ляшскою, ни своего собственнаго единства съ ляхами. Но не опустимъ факта, занесеннаго въ Несторову лѣтопись изъ лѣтописи волынской. Василько Теребовльскій, ослѣпленный въ 1097 году Давидомъ Игоревичемъ и еще находясь въ его рукахъ, неподалеку отъ Польши, особенно боялся, чтобы онъ не отдалъ его въ руки ляхамъ: «мало насытился онъ крови моей, хочетъ еще болѣе насытиться, отдать меня ляхамъ, которымъ я много зла сдѣлалъ и хотѣлъ еще сдѣлать, чтобы отмстить имъ за землю русскую .... Когда то (въ гордости) думалъ я: пойду на зиму на ляшскую землю и на лѣто возьму ляшскую землю, отомщу ей за землю русскую.» Такъ земля русская, какъ цѣлое, какъ особая земля, противополагается землѣ польской, какъ странѣ особой, даже непріязненной Руси. Доблестный князь русскій, княжившій въ сосѣдствѣ съ Польшею, вовсе не считаетъ ихъ чѣмъ нибудь однимъ на столько, на сколько былоединства между отдѣльными княжествами русскими, составлявшими одну

землю русскую. Кто же можетъ утверждать, что не такое же представленіе объ отношеніяхъ Руси къ Польшѣ имѣетъ и лѣтописецъ.» Здѣсь мы остановимся, потому что ведемъ вопросъ лишь въ предѣлахъ лѣтописи Нестора, прекращающейся по 1110 годъ.

Заключимъ указаніемъ сочинителямъ полонизма югозападной Руси на то начало нашего единства съ ними, которое дѣйствительно признаетъ и Несторъ. Это—общеславянское происхожденіе, это первобытное единство славянскаго народа, раздѣленнаго на многочисленныя племена. Любитъ говорить объ этомъ единствѣ Несторъ и выражаетъ эту любезную ему мысль при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ выражаетъ ее въ заключеніе своей рѣчи о разселеніи по землѣ народовъ, происшедшихъ отъ 4-хъ сыновей Ноя; также въ началѣ и концѣ своего описанія разселенія славянскихъ племенъ; выражаетъ ее, когда упоминатъ о древнѣйшихъ судьбахъ славянъ на своей общей родинѣ Дунаѣ и другихъ мѣстахъ; когда сообщаетъ преданіе о проповѣди Апостола Павла у славянъ въ Иллирикѣ, гдѣ «первѣе бяху Словени» и о апостольскомъ путешествіи св. Андрея даже до славянъ ильменскихъ, прозвавшихся общимъ именемъ—славянъ; выражаетъ наконецъ въ разсказѣ о переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ ни разу ни однимъ намёкомъ не выразилъ, чтобы въ этой семьѣ племенъ «единаго словенскаго языка» ляхи имѣли какое либо особенное значеніе, чтобы страна ихъ была первичнымъ, или главнымъ мѣстопребываніемъ славянъ, чтобы изъ нея были какія либо важныя выселенія славянскихъ племенъ (кромѣ вятичей и радимичей), или чтобы съ нею какъ либо особенно связаны были извѣстныя неляшскія племена, въ томъ числѣ и тѣ, которыя назвались потомъ Русью. Самое даже родовое названіе славяне или словѣне переходило, по Нестору, въ разныя мѣст-

ности, къ разнымъ вѣтвямъ славянъ, но совсѣмъ не переходило на ляхію и ляховъ. Словомъ, единство, сродство русскихъ славянъ съ ляхами у Нестора—еще скажемъ—общее единство славянской народности. «Бѣ единъ языкъ словѣнскъ: «Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угры, и Морова, Чехи и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь.» Русь принимается въ лѣтописи въ двоякомъ смыслѣ: въ смыслѣ всей земли руской и Руси—въ тѣсномъ смыслѣ приднѣпровскомъ, гдѣ главнымъ племенемъ были нѣкогда поляне съ своимъ городомъ Кіевомъ. Присмотритесь же какъ поставлена эта Русь по отношенію къ ляхамъ: она одно съ ними, по общему началу славянства—не болѣе.

И такъ, переставъ цѣпляться за слова и частицы, мечтать о своемъ первенствѣ, корыстно навязываться съ какимъ то ранимъ союзомъ Польши съ Русью, выражающемъ однакожъ преобладающее значеніе первой для послѣдней, переставъ игнорировать вещи самыя простыя и твердить небылицы—пусть лучше польскіе патріоты укрѣпляются въ томъ чувствѣ славянскаго единства съ нами, начало котораго указываетъ и Несторъ. Съ этой общей стороны знаменитый лѣтописецъ нашъ истый русинъ, рускій, придется сродни и полякамъ. И если для насъ его лѣтопись «*священная книга народа*», если для насъ онъ—*отецъ родной исторіи*, то уже по славянскому языку своей лѣтописи—родственъ онъ и полякамъ и, въ этомъ случаѣ, даже болѣе ихъ собственныхъ лѣтописцевъ, писавшихъ по латыни [9]). Онъ родственъ съ ними, какъ русскій славянинъ,

---

[9]) Къ удивленію, и языкъ Несторовой лѣтописи употребляютъ въ доказательство полонизма Нестора и Руси. На этотъ разъ мы освобождаемъ себя отъ спора. Скажемъ только, что какъ языкъ словяно-русскій, отрасль языка словянскаго, языкъ этотъ конечно имѣетъ сродство съ польскимъ, какъ вѣтвію словянскаго

а не какъ польскій русинъ, какимъ онъ никогда не сознавался и не называлъ себя.

Но не былъ ли Несторъ, по крайней мѣрѣ, уніятомъ? Многимъ изъ нашихъ читателей конечно извѣстно, что въ числѣ самыхъ старыхъ и капитальныхъ лжей, пущенныхъ когда-то іезуитами или ихъ учениками и доселѣ повторяемыхъ какъ іезуитами, такъ и рьяными папистами изъ поляковъ—принадлежитъ и та, будто всѣ святые первобытной церкви русской были въ уніи, т. е. въ единеніи съ церковію римскою и признавали главенство ея папы: иначе-де они и не моглибы быть святыми. Таковы напр. святые: Ольга, Владиміръ, Антоній и Өеодосій печерскіе, таковъ и преподобный Несторъ. Скажите, возможенъ ли серіозный споръ съ такими людьми? Сдѣлаемъ однакожъ два-три указанія изъ сочиненія Нестора, гдѣ самъ собою видѣнъ взглядъ его на латинянъ.

Въ разсказѣ о походахъ Аскольда и Дира на Царьградъ, Несторъ съ вѣрою передаетъ сказаніе о чудесномъ разсѣяніи лодокъ ихъ послѣ того, какъ царь съ патріархомъ Фотіемъ, всю ночь молившись въ церкви Влахернской Божіей-матери, омочили въ море ризу ея. Далъ-ли бы такое значеніе молитвѣ Фотія Несторъ, еслибы былъ въ союзѣ съ римскою церковію, гдѣ Фотій—проклятое и ненавистное лице. Припомнимъ еще разсказъ его объ обращеніи и крещеніи Владиміра. Пришли ко Владиміру послы отъ латинянъ (нѣмцевъ), съ предложеніемъ своей вѣры. «Идите опять, отвѣчалъ онъ имъ: отцы наши сего не пріяли суть.» Послѣ его, приходитъ къ нему греческій

языка—ничего болѣе. Впрочемъ сошлемся на Нестора, который говоритъ, что въ Руси языкъ словенскій, а не польскій, что у Руси общая грамота не съ поляками, а другими славянами. „Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.

философъ проповѣдникъ; Владимiръ долго и внимательно слушаетъ его, трогается его рѣчью, отпускаетъ съ дарами и великою честью. Потомъ, по совѣту своихъ бояръ и старцевъ, посылаетъ Владимiръ мудрыхъ мужей испытывать вѣру. Возвратились они изъ путешествiя. Владимiръ опять созываетъ бояръ и старцевъ и здѣсь послы говорятъ: «придохомъ въ Нѣмцы и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ ни косяяже; придохомъ же въ Греки и введоша ны идѣже служатъ Богу своему, и несвѣмы на небѣ ли есьмы были: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко ондѣ Богъ съ человѣки пребываетъ и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ... Отвѣщавше усе бояре рѣша: аще бы лихъ законъ греческiй, то не бы баба твоя прiяла Ольга, яже бѣ мудрѣйша отъ человѣкъ.» Во всемъ разсказѣ этомъ высказывается душа самаго лѣтописца, его симпатiи, его воззрѣнiя: восточное православiе было столько же выше, любезнѣе для него самаго, сколько и для тѣхъ, кому онъ, согласно съ преданiемъ, влагалъ въ уста приведенные отзывы. Еще: Несторъ приводитъ символъ исповѣданный Владимiромъ по крещенiи и принятый имъ въ руководство вѣры. Кромѣ того, что въ этомъ символѣ вѣры исповѣданiе православное, чуждое извѣстныхъ уже тогда прибавокъ латинскихъ, символъ заключается предостереженiемъ беречься папистовъ, которые отпали отъ единства церкви вселенской, «возмутиша всю Италiю, сѣюще ученiе свое разно: ихъ же блюстися ученiя: они прощаютъ грѣхи за дары, еже есть злѣе всего. Богъ да сохранитъ тя отъ сего.» Какъ! надобно бы предположить совершенное отсутствiе у св. лѣтописца нашего чувства надобности, искренности, полное равнодушiе религiозное, какое то лицемѣрiе, еслибы, сознавая себя въ союзѣ съ римскою церковiю, вѣря въ папу, онъ позволилъ себѣ занесть въ лѣтопись такой

отзывъ о латинахъ. Ясно, что онъ принималъ взглядъ, выраженный въ этомъ отзывѣ, хотя и не имѣлъ нужды разбирать и повѣрять его. Наконецъ вспомнимъ, что говоритъ Несторъ и въ лѣтописи и въ житіи Θеодосія; какъ о печерской обители вообще, такъ и о ея основателяхъ. Откуда, по нему, Антоній проситъ благословенія на основаніе иночества въ новообращенной землѣ русской: съ востока,—съ Аѳона. Откуда Θеодосій заимствовалъ уставъ? Съ востока—изъ студійской обители. Несторъ не могъ иначе смотрѣть на латинянъ, какъ смотрѣлъ великій наставникъ печерскихъ иноковъ Θеодосій, къ которому онъ чувствовалъ глубочайшее уваженіе, благоговѣніе. А извѣстно, что препод. Θеодосій, въ посланіи къ князю Изяславу о вѣрѣ латинской (варяжской) внушалъ всячески беречься, оберегать другихъ отъ соблазновъ латиновъ и не вѣрить тѣмъ, которые скажутъ, что возможно держать двѣ вѣры (разумѣется православную и латинскую), ибо сказано: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе [10]). Изъ сказаній печерскихъ извѣстно даже, что преподобный Θеодосій заботился и объ обращеніи къ православію латинянъ. Такъ извѣстный Симонъ варягъ, воспитанный въ римской вѣрѣ, но потомъ наставленный въ Кіевѣ преподобнымъ Θеодосіемъ, видя прославленіе своего учителя и его сподвижника Антонія, оставилъ «латинскую буесть» и принялъ православіе со всею дружиною и своими іереями. Взглядъ выражающійся въ разсказѣ объ этомъ фактѣ, есть взглядъ и Нестора: иначе и быть не можетъ.

---

[10]) Этимъ если не двувѣріемъ, то двуисповѣданіемъ, хотѣли и послѣ обольстить паписты-іезуиты русскихъ православныхъ, сочинивъ для нихъ пресловутую унію, въ той надеждѣ, какъ сами сознавались про себя, что русскіе не ударятся на такую нескладную комбинацію и перейдутъ прямо въ латинство.

Но гдѣ же, скажите теперь, Несторъ хоть разъ въ своихъ сочиненіяхъ выразилъ сознаніе своего единенія съ римскою церковію, тогда какъ единеніе свое съ церковію греческою онъ выражаетъ такъ ясно и столько разъ, что было бы слишкомъ долго приводить всѣ эти мѣста. Единственный фактъ, за который съ нѣкоторымъ приличіемъ могутъ ухватиться, это разсказъ Нестора о переводѣ книгъ священныхъ на славянскій языкъ. Нѣкоторые, говоритъ Несторъ, стали хулить славянскія книги, «се же слышавъ папежъ римскій похули тѣхъ, иже ропщутъ на книги славянскія, река: да ся непомнитъ книжное слово, яко восхвалятъ Бога вси языцы и проч. Вы не чада Божія послушайте ученія и не отринете наказанія церковнаго, якоже наказалъ Меѳодій учитель вашъ». Здѣсь небольше какъ передается фактъ дѣйствительно рекомендующій папу, показывающій его власть надъ тѣми, кому онъ пригрозилъ, покровительство его славянской грамотѣ, которое, какъ извѣстно, условливалось обстоятельствами и, къ несчастію, длилось не долго и скоро смѣнилось гоненіемъ славянской церкви. Но главное— какъ отсюда вытянете уніятство русской церкви и Нестора? Впрочемъ упорные защитники этого уніятства чувствуютъ, что прямыми путями его доказать нельзя. Вотъ они бросаются въ пути косвенные, въ разныя извилины, лазейки. Схоластики, казуистики находятъ здѣсь блестящее примѣненіе себѣ. Съ помощію ихъ то хотятъ оморочить, отуманить здравый смыслъ, какъ будто расчитывая на какое-то дурачество людское, какую-то невѣроятную наивность, скудность познаній и толку у тѣхъ, на кого мѣтятъ. Можно ли такъ нагло и сознательно оскорблять истину и людей? Есть ли даже въ этомъ пріемѣ какое нибудь искуство, дальновидность? Обмануть того или другого, особенно сторонняго можно; но всѣхъ невозможно. Рано или поздо придется сознать грозную правду пословицы: *мучи свѣтъ*

пройдешь, да не вернешься. Обращаясь къ уніятству Нестора, Антонія, Өеодосія, Владиміра, скажемъ однакожъ, что, отвергая это уніятство, мы не думаемъ приписывать имъ и вообще тогдашнимъ христіанамъ русскимъ той сильной ненависти къ латинству, какая, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи развилась было въ древней Руси, благодаря тѣмъ оскорбленіямъ, какія испытало православіе отъ папизма и іезуитства. Нѣтъ этой ненависти и у современныхъ православныхъ: у нихъ вѣротерпимость и наклонность къ миру въ дѣлѣ вѣры. Могутъ ли сказать это о себѣ польскіе или какіе либо чужесторонніе католики, которымъ нестерпимо, что въ православной церкви были люди высокой жизни, несомнѣнной святости, и которые хотятъ ихъ теперь присоединить къ своей церкви, съ помощію всякаго рода насилій исторіи, здравому смыслу, истинѣ? Если они способны это дѣлать со святыми и давно жившими,— то мы, люди простые и живущіе теперь, едвали можемъ думать, что они оставили бы насъ въ покоѣ, еслибъ имъ пришлось размахнуться въ жизни такъ широко, какъ размахиваются они на бумагѣ [11]). Безъ уніи не признаютъ они насъ братьями. Да уніятовъ считали братьями до поры до времени, въ надеждѣ на полное латинство ихъ, которое одно давало полное право на братство. Будемъ же лучше стараться быть братіями безъ папы и уніи, а просто братьями во Христѣ.

---

[11]) Припомнимъ здѣсь отвѣтъ данный однимъ возсоединеннымъ изъ уніи православнымъ священникомъ католическому ксендзу, укорявшему православныхъ въ мнимомъ гоненіи католиковъ. «Какое же гоненіе? сказалъ священникъ: скажите по совѣсти, что дѣлали бы вы, еслибъ были на нашемъ мѣстѣ, а мы на вашемъ?.....»

Печатано въ Типографіи И. и А. Давиденко

XII.

ОБРАЗЧИКЪ

МЕЖДУНАРОДНАГО МИРОЛЮБІЯ И ПРАВДОЛЮБІЯ ПОЛЯКОВЪ.

(Отвѣтъ львовской Nародовой газетѣ).

(Окончаніе).

Къ рекламѣ, обращенной къ русинамъ (обличенной въ предыдущей книжкѣ Вѣстника), пріютился достойный ея фельетонъ *. Затѣя его—въ гармоніи съ рекламой; разница между ними только въ томъ, что пріемъ логическій фельетона заимствованъ *a contrario*. Поводомъ къ этому фельетону послужилъ памятникъ тысящелѣтію Россіи, а темою просвѣтители славянъ Кириллъ и Меѳодій. Главное положеніе, изъ котораго, съ обычною запальчивости и невѣжеству непослѣдовательностію и нелѣпостями, развивается эта тема,—есть мысль, что Кириллъ и Меѳодій увѣковѣчены на памятникѣ неумѣстно,—для заявленія только предъ лицемъ Европы вообще и славянскихъ племенъ вчастности единоплеменности велико-русцевъ со всѣми югозападными и западными славянами. Начавъ съ этого дикаго предположенія, „Народная Газета“ выкидываетъ потомъ такія штуки, которыя закрасили бы сочиненіе: „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай.“ Заклеймивъ презрительнымъ молчаніемъ мелкія вспышки безсильной

---

* Этотъ наглый до безстыдства фельетонъ растянутъ на 10 №№ Народовой Газеты. Считаемъ долгомъ поговорить о немъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Вѣстника.

злости и гнусной клеветы, которыми обезсмертилъ себя фельетонъ 4 № Народной Газеты, обратимъ мимолетный взглядъ на кое-что по-крупнѣе.

1. „Памятникъ тысящелѣтію Россіи, говоритъ Народная Газета, приспособленъ къ видамъ Царя (*carata*), а не намѣреніямъ народа.

2. Между москалями (великороссами) и русинами нѣтъ ничего общаго. Первые бродяги и разбойники (włóczęgi, rabusie) *, послѣдніе-земледѣльцы. Первые какіе-то Тураны, отуречившіеся (!) татары, не любящіе отчизны, не имѣющіе даже въ своей рѣчи этого слова, а послѣдніе — чистые славяне, любящіе свою родину. Что въ разговорѣ москалей слышится языкъ славянскій, это произошло отъ того, что бродя между племенами славянскими и занимаясь разбоемъ, они приучились къ ихъ говору, а по характеру и доселѣ остались тѣми же туранами. Доказательствомъ всему этому служатъ прошлогоднія цытки и казни въ Литвѣ и Польшѣ, борьба русиновъ съ схизматицкими (православными) попами и москалями........, а особенно избіеніе, во время постройки дворца въ петербургѣ 100,000 юношей за то только, что они остались вѣрными католицизму и отказались принять православіе.

3. Россія существуетъ только съ 1772 года. Входящія въ составъ ея національности имѣютъ каждая свою отдѣльную исторію.

4. Русины постоянно находились въ столкновеніяхъ съ москалями и суздальцами. Владиміръ даже великій, красующійся на памятникѣ, какъ прежній ханъ татарскій, или какъ императоръ русскій, сражался съ предками нынѣшнихъ москалей, какъ съ народомъ враждебнымъ русинамъ и иноплеменнымъ“ и проч.

Полемизировать съ этими бреднями—стыдно: бредни горячечнаго — внѣ условій критики; молчать не приходится: легковѣрные ** сочтутъ, пожалуй, „молчаніе наше

* Rabuś собственно значитъ грабитель, но этому грабителю Народ. Газета усвояетъ такое занятіе, каково mordy—мука, убійство.

** Безчисленные опыты доказали, что Европа имѣетъ о Россіи самое сбивчивое и не полное понятіе. Но Народная Газета нестолько разсчитывала въ настоящемъ

знакомъ согласія;“ изберемъ средину между этими крайностями.

1. Въ инициіативѣ и исполненіи памятника тысящелѣтію Россіи народъ принималъ участія, быть можетъ, нѣсколько больше, чѣмъ сколько то слѣдовало бы въ государствѣ самодержавномъ. Могла незнать этого Народная Газета; но въ такомъ разѣ она погрѣшила противъ самаго простаго положенія здраваго смысла: „не говори о томъ, чего не знаешь.“

2. Что Русь сѣверовосточная и югозападная—члены одной семьи славянской, на это такъ много доказательствъ, что мы затрудняемся ихъ выборомъ. Исторія уже застала и ту и другую полосу настоящей Россіи, болѣе или менѣе густо заселенною вѣтвями одного славянскаго народа, съ одною религіею, языкомъ, бытовымъ складомъ, однимъ владѣтельнымъ родомъ, въ одно время, однимъ св. Владиміромъ, просвѣщеннаго христіанствомъ. Невѣжда только, или врагъ Россіи можетъ думать иначе, можетъ, подобно Народной Газетѣ, искажать предметы и названія. Названіе великорусскаго народа москалемъ, тѣмъ болѣе какимъ-то тураномъ, а только однихъ южно-и западно-русскихъ славянъ—русинами—названіе злонамѣренное и лишенное смысла. Ни въ какомъ историческомъ документѣ нельзя найдти названія: „народъ московскій, суздальскій,“ тогда какъ, на оборотъ, названіе его русскимъ есть такое древнее и собственное его названіе, котораго не отрицалъ у него доселѣ никто, сколько нибудь знакомый хоть съ популярными историческими данными. Называть русскій народъ московскимъ также можно, какъ французскій парижскимъ и польскій варшавскимъ и т. п. Можно сказать: вѣнскій дворъ, или кабинетъ, но нелѣпо было бы выразиться: вѣнскій народъ, въ смыслѣ, т. е., австрійскаго, или нѣмецкаго народа. Нельзя даже сказать: московскій народъ, разумѣя подъ нимъ жителей одной только Москвы; потому что и это названіе будетъ

разѣ на невѣжество Европы, но и необразованныхъ русиновъ и поляковъ. Ихъ то мы имѣли въ виду, полемизируя съ Народною Газетой; иначе бредни ея были бы оставлены безъ вниманія.

натяжное и не употребительное. Поэтому даже князья удѣльнаго, русскаго княжества московскаго до тѣхъ только поръ титуловались князьями лишь московскими, пока оно не выходило изъ предѣловъ удѣльнаго княжества; а лишь только княжество московское начало влiять на судьбы другихъ удѣльныхъ княжествъ, какъ только сiи послѣднiя начали относиться къ Москвѣ, какъ радiусы къ центру, Iоанъ III присоединилъ къ удѣльному титулу князей московскихъ названiе князя всея Россiи. Съ тѣхъ поръ этотъ титулъ неизмѣнно прилагался къ имени князей московскихъ во всѣхъ историческихъ документахъ, во всѣхъ дипломатическихъ сношенiяхъ Россiи съ различными дворами, нацiями, во всѣхъ трактатахъ, прессахъ. Если поляки, для краткости въ выговорѣ, или по другимъ причинамъ, и сочинили слово (нисколько, впрочемъ, не безчестящее русскаго) *москаль;* то русскiе нисколько въ томъ невиноваты. Вольно же полякамъ называть вещи чужимъ именемъ. Пройдите вдоль и поперегъ всю Россiю, спросите какого угодно ея жителя: ты москаль? онъ, или непойметъ васъ или скажетъ: я русскiй, или, подумавъ, что вы спрашиваете не москвичь ли онъ, отвѣтитъ: я володимiрецъ, рязанецъ, ярославецъ и т. п. Да и житель Москвы отвѣтитъ на подобный вопросъ или словами: я москвичь, или скажетъ: я русскiй. И могло ли дать названiе всему народу имя славянской деревеньки, первой разъ упоминаемой лѣтописцемъ подъ 1147 г.? Какъ же этотъ народъ назывался до того времени, когда эта незамѣтная деревенька, красотою своею мѣстоположенiя, обратила на себя вниманiе великаго князя владимiрскаго и суздальскаго Юрiя Долгорукаго, была куплена имъ у наслѣдниковъ владѣльца ея, *славянскаго,* * боярина Кучки, сначала была любимымъ мѣстомъ лѣтней его резиденцiи, а потомъ похитила у Владимiра на Клязмѣ честь великокняжеской столицы? Не уральцами ли или суздальцами,

---

* Прислушайтесь только, г. авторъ фельетона Народной Газеты, къ этимъ словамъ: Юрiй Долгорукiй, Кучка, Владимiръ (городъ), Суздаль, Новгородъ и безчисленнымъ другимъ названiямъ древнихъ лицъ, урочищъ и мѣстъ великорусскихъ, и вы сами будете краснѣть за свое отчужденiе великоросса отъ семьи славянской.

какъ мерещется Народной Газетѣ? Но такимъ образомъ у Россіи слишкомъ много было бы названій. Ужъ не пригоднѣе ли было бы назвать русскій народъ кіевскимъ, владимірскимъ, новгородскимъ? Это названіе было бы, по крайней мѣрѣ древнѣе московскаго. Что касается уральскаго, это названіе немножко делеконько для жителей Суздаля, особенно Кіева и Львова.

Названіе великорусскаго народа татарскимъ есть одна изъ самыхъ популярныхъ выходокъ злости или невѣжества современныхъ намъ поляковъ. Но популярность этой лжи не дѣлаетъ ее извинительнѣе. Эту этнографическую нелѣпость можно понимать въ двоякомъ смыслѣ,—или такъ: во время порабощенія Россіи татарами, элементъ славяно-русскій совершенно въ ней выродился и ее населили татары,—или такъ: сіи послѣдніе позаботились объ уничтоженіи русской народности и отатарили Россію. Эта дилемма въ обѣихъ своихъ посылкахъ равно несостоятельна. Татары никогда не селились встарину въ предѣлахъ Россіи. Осѣдлость была не въ ихъ природѣ. Для дикаго жителя степи, кочевье — жизнь, осѣдлость—смерть. Ханы владѣли Россіею издали, довольствовались только повиновеніемъ себѣ русскихъ князей, *карачемъ* (данью), который отбирали ежегодно ихъ *баскаки* и до того не любили разставаться съ дикими удовольствіями своихъ ордъ и широкимъ привольемъ кочевой жизни, что, по самымъ важнымъ дѣламъ, вызывали къ себѣ русскихъ князей—на судъ, для оправданій, или совѣщаній. Еще менѣе заботились монголы о подавленіи русской (и чьей бы то ни было) народности. Едвали какіе нибудь завоеватели сдѣлали въ этомъ отношеніи такъ мало зла покореннымъ народамъ, какъ татары. Они нетолько презирали всякую пропаганду—политическую или религіозную, но и, напротивъ, старались иногда закрѣпить и разширить преждесуществовавшія права и отношенія сословныя, поддержать и защитить народную религію, оставляли въ покоѣ народный языкъ, управу, нравы и обычаи. Они, выразимся яснѣе, не навязывали русскимъ ни своего алфавита, ни своей религіи, ни судопроизводства, ни народности. Множество уцѣлѣвшихъ

по сіе время *ярлыковъ* (указовъ) ханскихъ, данныхъ на имя различныхъ митрополитовъ *всероссійскихъ* (прислушайтесь, г. авторъ фельетона Народной Газеты, къ этому слову въ устахъ даже татарина!), показываютъ высокую степень ихъ уваженія къ моральному достоянію покореннаго народа вообще и религіи его въ особенности. Въ этихъ ярлыкахъ, подъ опасеніемъ смертной казни, они запрещаютъ оскорблять народную религію. они называютъ митрополитовъ русскихъ своими *богомольцами,* укрѣпляютъ ихъ привилегіи, надѣляютъ ихъ различными новыми угодіями, оброками, селами и проч. Можно сказать мимоходомъ, что, въ порабощеніи Россіи татарами, Провидѣніе мудро сочетало гнѣвъ свой съ милостію. Наказавъ Россію долголѣтнимъ порабощеніемъ, за междоусобныя кровопролитія, во времена удѣловъ, за честолюбіе ея князей, *за возстаніе брата на брата, чадъ на родителей,* Оно, въ тоже время, избрало для ихъ обузданія и вразумленія такихъ поработителей, которые прекратили бы ихъ междоусобицы, заставили бы ихъ подумать о братскомъ единодушіи, какъ единственномъ средствѣ къ сверженію чужеземнаго ига, и въ тоже время сберегли бы вполнѣ неприкосновеннымъ—нравственное богатство избраннаго Имъ народа. Изъ-подъ ига татарскаго Россія вышла тѣмъ богатыремъ муромскимъ, который сдѣлался только сильнѣе, проспавъ сотни лѣтъ сномъ богатырскимъ. Нѣсколько татарскихъ словъ, отъ частаго употребленія въ быту житейскомъ *, получившихъ право гражданства въ языкѣ славяно-русскомъ, нѣсколько подражательности модѣ баскаковъ въ костюмѣ бояръ, около десятка татарскихъ князей, *послѣ порабощенія* татарскаго обоярившихся на Руси,—вотъ и все татарское, навремя, или навсегда, прилипшее къ русскому.

Далеко нетакъ безслѣдно прошло порабощеніе другой половины русскихъ славянъ поляками! Много было

* Весьма немногіе слова эти суть названія, изъ нѣкоторыхъ предметовъ мужеской одежды, лошадиной сбруи, самой лошади, (неизгнавшей, впрочемъ, изъ употребленія и славянскаго коня) и нѣкоторыхъ другихъ вещей, названія которыхъ чаще слышали русскіе въ устахъ татаръ, при обоюдныхъ сношеніяхъ ихъ между собою.

писано объ этомъ предметѣ, кое-что сказано уже и нами, и будетъ сказано еще больше; довольно, поэтому, будетъ повторить въ настоящемъ разѣ только то, что Польша всегда поставляла главною задачею преобладанія своего надъ чуждыми народами—подавленіе ихъ народности, религіи, языка, судопроизводства, погашеніе просвѣщенія и вообще всѣхъ вспышекъ народной жизни. Слѣды этихъ насилій слишкомъ явственно виднѣются и доселѣ въ церковной обрядности югозападныхъ и западныхъ славяноруссовъ, ихъ языкѣ, бытовомъ складѣ, ихъ невѣжествѣ, бѣдности и напуганности, въ современномъ намъ посягательствѣ на подавленіе русской народности и православія.

Въ ихъ языкѣ сказали мы. Да едвали что либо въ западной и югозападной Россіи такъ съузилось и обезобразилось подъ гнетомъ польскимъ, какъ языкъ. Изгнанный изъ школъ и присутственныхъ мѣстъ, преслѣдуемый не только въ прессахъ, но и быту житейскомъ,—онъ до того исказился, обѣднѣлъ, переполнился полонизмами и романизмами, что многія сочиненія и документы историческіе XVI и XVII вѣка, при переводѣ ихъ на современный русскій языкъ, требуютъ препобѣжденія такихъ трудностей, съ какими долженъ бороться переводчикъ іероглифовъ и клинообразныхъ надписей *. Не такова судьба языка сѣверовосточныхъ славяно-руссовъ! Надъ ихъ языкомъ пролетѣли вѣка, не задѣвъ, можно сказать, его своимъ разрушительнымъ крыломъ. Слово о полку Игоревомъ и другіе не многіе уцѣлѣвшіе памятники древней письменности нашей наглядно убѣждаютъ насъ въ этой филологической истинѣ. Если и произошла порча въ языкѣ велико-русскомъ **, то произошла не раньше XVII вѣка, и притомъ не въ языкѣ народа, а въ языкѣ книжномъ, и произошла отъ тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ пострадало

* Чтобы недалеко ходить за образчиками подобнаго краснорѣчія, можно полюбоваться двумя изъ нихъ въ предыдущей книжкѣ Вѣстника. Мы разумѣемъ здѣсь письмо Іосафата Кунцевича къ митрополиту Іосифу Рутскому и рѣчь каштеляна смоленскаго, произнесенную на варшавскомъ сеймѣ 1589 г. Замѣчательно, въ историко-филологическомъ отношеніи, что первый изъ этихъ документовъ, какъ позднѣйшій, написанъ болѣе испорченнымъ языкомъ, нежели послѣдній.

** Все равно — древле-русскомъ.

русское слово и на юго-западѣ Россіи, отъ вліянія, то есть, на нашу письменность (но отнюдь, повторимъ снова, не на языкъ народа) ученыхъ мужей, воспитавшихся въ древней кіевской академіи, говорившихъ и писавшихъ туземнымъ языкомъ и стоявшихъ въ главѣ представителей духовнаго и свѣтскаго сословій. Все это сказано для того лишь, чтобы рельефнѣй обрисовать уродливость выдумки Народной Газеты, будто, языкъ древнеславянскій есть тотъ самый, который слышится и теперь на берегахъ Вислы, будто самъ Несторъ подтверждаетъ это сходство, будто „москали и суздальцы, бродя и занимаясь разбоемъ по землямъ славянскимъ, пріучились къ говору славянъ.“ Можно ли сочинить болѣе уродливую клевету на Нестора, на языкъ славянскій, на велико-руссовъ! Только въ бѣшенствѣ водобоязни, или въ бреду бѣлой горячки, можно созерцать подобныя видѣнія, можно такъ группировать лица и понятія,—бредить, что огромное большинство переняло языкъ меньшинства, мало похожій на говоръ сего послѣдняго; только съ пѣною во рту можно говорить, что велико-россъ не земледѣлецъ, а бродяга и разбойникъ. велико-россъ славянинъ, по примѣтамъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Подобно всякому славянину, онъ существо, по преимуществу, осѣдлое; коренное занятіе его—земледѣліе. Наши губерніи: курская, орловская, нижегородская, саратовская, вологодская, симбирская, костромская и другія, раскинутыя по берегамъ Волги на неизмѣримое пространство земли, изобилующей лучшимъ въ мірѣ черноземомъ, производятъ хлѣба, далеко больше, нежели вся Европа. Нужно не имѣть никакого понятія о нашей заграничной торговлѣ хлѣбомъ, о статистикѣ Россіи, чтобы незнать, какія огромныя массы земледѣльческихъ продуктовъ переходятъ изъ Россіи на всѣ рынки Европы. Рыбинскъ и Нижній-Новгородъ едвали не важнѣйшіе въ Европѣ базары хлѣбной торговли. Великороссія неразъ спасала отъ голодной смерти Европу. Правда, по случаю развитія фабричности и меркантильности, да по случаю увеличивающагося народонаселенія, въ послѣднее время, оказалось въ великой Россіи слишкомъ много лишнихъ для земледѣлія рукъ, такъ что эти лиш-

нія руки, чтобы не быть въ тягость себѣ и семьѣ своей, ищутъ себѣ другихъ занятій, въ другихъ мѣстахъ, занимаются извозомъ, различными ремеслами, преимущественно плотническимъ, штукатурнымъ, кровельнымъ, —вообще строительнымъ; но это уклоненіе нѣкоторыхъ членовъ семейства отъ земледѣлія нисколько не вліяетъ на упадокъ сего послѣдняго и даже способствуетъ его процвѣтанію и довольству семьи. Труженики, раставшіеся на время съ родиной, къ зимѣ возвращаются въ свой теплый пріютъ, въ объятія любящей и любимой семьи, приносятъ съ собою средства заплатить оброкъ барину и тѣмъ поставить ее въ независимое отъ него положеніе, дать возможность остающимся дома членамъ семейства сосредоточить свои силы на своемъ только хозяйствѣ, пріобрѣсти нужныя въ быту земледѣльца предметы, принанять, если то нужно, *батрака* (работника), вообще поставить на лучшую ногу свой складъ житейскій и отложить нѣсколько рублевиковъ *про черный день*. И эти, незначительные, въ сравненіи съ населеніемъ Россіи, труженики суть жители нѣсколькихъ лишь губерній, особенно ярославской, калужской, владимірской, смоленской и другихъ немногихъ—подстоличныхъ, представляющихъ мало выгодъ отъ земледѣлія и наоборотъ, весьма много отъ фабричности, ремесленности и городской услуги. Вотъ каковы въ дѣйствительности тѣ велико-россы, которые причудились злостному мечтателю Народной Газеты бродягами и грабителями, привыкшими къ легкому способу промышлять и наживаться разбоемъ и грабительствомъ.

На счетъ любви къ отечеству не полякамъ бы говорить, не намъ бы слушать. Они надоѣли всѣмъ своимъ запоздалымъ резонерствомъ объ ojczyznie, а что принесли они ей въ жертву, кромѣ звонкихъ фразъ? Они ни однажды не возвысились до жертвоприношенія ей самаго мелкаго интереса панскаго, самой дикой идеи шляхетской. Они торговали Польшей, какъ товаромъ, они какъ бы нарочно усиливались, наперерывъ другъ предъ другомъ, изобрѣсти болѣе удачныя средства къ ея погибели. Говорить здѣсь о тѣхъ безчисленныхъ фактахъ, на которыхъ опирается общность высказанной здѣсь истори-

ческой правды значило бы злоупотреблять терпѣніемъ читателя. А мы, хоть нетакъ громко, нетакъ часто кричимъ объ отчизнѣ, за то въ любви по ней поспоримъ съ кѣмъ угодно и любовь эту докажемъ когда угодно на дѣлѣ. Мы уже и доказали ее—и полякамъ и всему свѣту. Не она ли одна была причиною политическихъ чудесъ, изумившихъ міръ въ 1612 и въ 1812 годахъ? Не она ли одна была причиною того, что Европа должна была въ теченіи 11 мѣсяцевъ истощать всѣ свои средства, чтобы овладѣть однимъ пограничнымъ *городкомъ?* Правда, въ нашемъ древне-русскомъ говорѣ не слышно слова: ojczyzna (отчизна), но въ немъ слишкомъ давно красуется слово: отечество, еще давнѣе—слова: родина, святая Русь и другія названія—не понятія отвлеченнаго, фантастическаго (какъ у поляковъ, у которыхъ никогда не было отечества, потому что никогда не было народа, а была только польская территорія, какъ арена панскаго самоволія, донкихотской удали, шляхетской спѣси, борьбы со всѣмъ, что составляетъ основу общественнаго порядка, существо отечества), а предмета милаго, роднаго, недалекаго отъ боготворенія,—предмета, который восторгаетъ душу поэта электрической струей, потрясаетъ на полѣ брани сердце воина, любовь къ которому вошла въ плоть и кровь всякаго *сына отечества,* утѣшаетъ его въ разлукѣ съ родиной, составляетъ догматическое убѣжденіе русскаго народа. Мы неможемъ здѣсь удержаться отъ повторенія словъ русскаго поэта:

О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ!
Тебя благословляя.

Вы хотите новыхъ фактическихъ доказательствъ любви нашей къ отечеству? Опасное желаніе! Вѣдь „вы (невольно повторимъ опять слова поэта) храбры на словахъ,“ подобно тому, какъ и любовь ваша къ ojczyznie не простирается далѣе органовъ произношенія, ничего не потрясаетъ, кромѣ воздуха. И теперь вы распинаетесь не изъ любви къ отчизнѣ, а изъ любви къ смутамъ и самимъ себѣ. Вамъ хочется возврата неблагоустроеннаго

общества, а шляхетской разнузданности XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Вы капризничаете отъ того только, что вамъ не позволяютъ своевольничать, давить холопа, стрѣлять въ кого попало. Въ порывѣ ребяческаго увлеченія, вы даже не видите, что всѣ эти археологическіе отрывки средневѣковаго рицарства или азіатской удали составляютъ во второй половинѣ XIX вѣка, въ разумной и серьезной Европѣ, анахронизмъ, недалекій отъ умопомѣшательства.

О сближеніи, которымъ Народная Газета усиливается объяснить способъ перенятія, 50 миліонами (какъ они говорятъ) москалей языка 10 миліоновъ русиновъ, мы ничего нескажемъ, потому что говорить о немъ стыдно. Стоитъ только для любопытныхъ намекнуть на это сближеніе, чтобъ они поняли причину нашего умолчанія. Вотъ это сближеніе: „москали такъ научились говору русиновъ, какъ научился бы итальянскому польскій юноша, прожившій много (kilkanaście) лѣтъ въ Италіи.“ Ну, можно ли, не краснѣя, полемизировать съ подобными сближеніями? Кто невидитъ, что онѣ ниже всякой критики!

Еще менѣе мы имѣемъ охоты и побужденій опровергать слѣдующія бредни Народной Газеты: „Великороссы неизмѣнили отъ сосѣдства съ славянами своего разбойничьяго, татарскаго характера. Это подтверждаютъ прошлогодніа убійства въ Польшѣ и Литвѣ, борьба съ москалями и схизматскими попами на Волыни, большія тысячи (tysięcy a tysięcy) сосланныхъ въ Сибирь и наконецъ, груда труповъ изъ 100,000 юношей, которые были замучены во время постройки новаго дворца въ Петербургѣ за то только, что отказались принять православную вѣру.“ Не будь эти галлюцинаціи въ сродствѣ съ идеями польскаго пропагандиста, мы бы не поняли даже психическаго ихъ происхожденія. Такъ онѣ далеки отъ условій здраваго пониманія и дѣйствительности и такъ близки къ возрѣніямъ католика-поляка на православіе и средства къ подавленію его, какими прославились его предки *.

---

* Чтобъ еще сильнѣе убѣдиться въ ненормальномъ состояніи мозга фелье-

3. Къ разряду тѣхъ же галлюцинацій относится и та историческая новость, что государство Россійское существуетъ только съ 1772 года. Вы потребуете отъ Народной Газеты подтвержденій этой нелѣпости? Но можетъ ли нелѣпость имѣть доказательства? Народная Газета отвѣтитъ вамъ только, что Россія такъ начала называться съ 1772 г. и что всѣ ея области имѣютъ свою отдѣльную исторію. Первое изъ этихъ quasi доказательствъ есть ложь (какъ доказано выше), помноженная на ложь, послѣднее не имѣетъ никакой связи съ своею темой. Изъ того, что Лифляндія, Кавказъ и другія мелкія оконечности Россіи имѣютъ свою исторію, слѣдуетъ ли заключить что Россія существуетъ только съ 1772 г.? Вѣдь и всякая губернія и всякій городъ и всякій даже домъ русскій имѣетъ свою исторію,—ужелижъ отъ того онъ менѣе русскій и ужели это служитъ доказательствомъ существованія Россіи только съ 1772 года?

4. Сюда же относятся и тѣ битвы, какія будто бы постоянно вели югозападные славяне съ велико-россами, какъ съ народомъ враждебнымъ и иноплеменнымъ. Жалкій фельетонистъ Народной Газеты не умѣлъ, или не хотѣлъ даже отличить междоусобныхъ столкновеній отъ битвъ между-народныхъ, ссоры *родныхъ* изъ за обладанія великокняжескимъ престоломъ, или богатымъ удѣломъ отъ сраженій съ иноплеменниками. По этой логикѣ конфедераты, бившіеся со сторонниками послѣдняго короля польскаго, были иноплеменными полякамъ. По этой логикѣ и св. Владиміръ путешествовалъ съ епископами и дворомъ своимъ въ подвластныя ему княжества: суздальское и владимірское не для просвѣщенія своихъ подданныхъ свѣтомъ ученія Христова, а для битвы съ народомъ иноплеменнымъ, (какъ утверждаетъ Народная Газета). Но мы снова раскаеваемся, что сказали кое-что въ обличеніе лживаго фельетониста Народной Газеты. Голова, въ которой роятся поцитованные недавно галлюцинаціи,

---

тониста Народной Газеты, пужно прочитать въ 3 № сонъ русскаго Царя, побудившій его къ устройству памятника тысящелѣтію Россіи и бредни фельетониста о средствахъ и пріемахъ къ его осуществленію, употребленныхъ будто бы Царемъ.

имѣетъ нужду не въ критикѣ, а въ обливаніи холодною водою и даже пьявкахъ. Если бы мы сказали, что поляки вышли изъ Японіи, населили степи африканскія, вели постоянныя войны съ Испаніей, жили въ неизмѣнной дружбѣ съ Россіей; если бы мы сказали, что Польша существуетъ только съ 1796 года, что въ Варшавѣ убито русскихъ въ прошломъ году 300,000, мы не сказали бы нелѣпости ни безумнѣе, не безсовѣстнѣе той, какою Народная Газета хотѣла обмануть Европу, унизить Россію и увеличить число сочувствующихъ *воскресенію* мертвой Польши.

Сообразивъ все выше сказанное, невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ объяснить психически явленіе тѣхъ бредней, которыми сейчасъ мы приводили въ изумленіе читателей? Невѣжествомъ? Но оно породило бы безразличные для Польши и Россіи промахи статистическіе, археологическіе. Оптическимъ обманомъ? Но въ его миражахъ ужъ равно ничего не было бы дѣйствительнаго. Чѣмъ же объяснить, повторимъ снова, появленіе бредней народной Газеты? Выше было замѣчено, что мозгъ, въ которомъ зароились онѣ, находится въ ненормальномъ состояніи; развитіе этого замѣчанія, быть можетъ, послужитъ для насъ ключемъ къ отысканію иниціативы нелѣпостей Народной газеты.

Часто бываетъ, что чувство слабѣйшее подавляется въ духѣ чувствомъ сильнѣйшимъ. Еще чаще бываетъ, что самая благородная мысль напрасно борется съ низкимъ пожеланіемъ, самый логическій разсудокъ вотще противится капризнымъ увлеченіямъ сердца и воображенія. Какъ часто мы оправдываемъ на дѣлѣ ту высокую истину слова Божія, что человѣкъ дѣлаетъ не то, чего хочетъ! Какъ часто сильныя страсти отвергаютъ и внушенія добраго друга, и вопли нашей совѣсти, и убѣжденія разсудка! Эту побѣду надъ истиной всего чаще, всего удобнѣй одерживаютъ страсти бурныя, плотяныя, неукротимыя. Въ ряду этихъ сильныхъ ощущеній—безконтрольнѣе другихъ ощущенія отрицательныя,—проявленія чувства ненависти. Въ злости иногда человѣкъ убиваетъ лучшаго друга, въ зависти строитъ сатанинскія ковы

достойнѣйшему изъ своихъ собратій, въ отчаяніи изрыгаетъ хулы на самаго Бога. Народная Газета находится подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ проявленій ненависти; ея сердце терзаютъ, всѣ эти три фуріи (винимся предъ читателями за это устарѣлое сближеніе) живыхъ людей. Она въ отчаяніи, при видѣ трупа полуистлѣвшей Польши, она скрежещетъ зубами отъ широты и крѣпости Россіи и православія; она дрожитъ отъ злости, видя физическую невозможность впиться зубами въ тѣло врага своего. Она кричитъ, бѣснуется, болтаетъ, что померещится больному мозгу и воображенію, хватается съ бѣшенствомъ за всякое оружіе, которымъ *мечтаетъ* нанести рану своему противнику,—за сплетню, клевету, низость, нелѣпость, даже за азбуку, и (о чудо!) за панибратство съ жидомъ и холопомъ, за родство съ славянами (объ немъ будетъ сказано ниже). Больно смотрѣть на эти судороги самомученія, на этотъ пароксизмъ умоиступленія!

Но всякое ощущеніе, прежде—чѣмъ успѣетъ сдѣлаться сильнѣйшимъ, должно пережить низшую степень своего развитія. На этой первичной степени, оно еще не такъ капризно и неудержимо, какъ въ высшемъ пароксизмѣ своего проявленія. Оно даже зарождается подъ вліяніемъ сознанія, только лишь парадоксально, или вовсе фальшиво примѣненнаго къ предмету желанія, или нежеланія. И злость Народной Газеты, прежде чѣмъ достигла высшей степени своего бѣшенства, пережила, конечно, низшую степень нелюбви къ Россіи и сѣтованія но отчизнѣ и *сочинила* себѣ quasi основанія этихъ ощущеній. Какіяжъ это основанія? Съ одной стороны нелѣпое воображеніе въ Россіи врага Польши, съ другой преувеличенное понятіе о злополучіи сей послѣдней. Но то и другое основаніе въ разладѣ съ дѣйствительностію, то и другое—миражъ,—созданіе больной фантазіи. Пусть прослѣдитъ Польша—свои историческія отношенія къ Россіи,—только, если можетъ, безпристрастно,—и она сама увидитъ, что Россія не только никогда не сдѣлала, даже не желала ей зла, но, напротивъ, смотря по средствамъ и отношеніямъ своимъ къ Польшѣ, старалась сдѣлать ей возможное добро. Она установила въ ней нор-

мальныя отношенія пана къ холопу, усилила ея бѣдныя средства къ безбѣдному существованію, защитила ее отъ опасностей внѣшнихъ и водворила въ ней, невиданный въ теченіи многихъ вѣковъ, порядокъ и спокойствіе благоустроеннаго общества. Короче: здравомыслящій и безпристрастный наблюдатель не представитъ болѣе отраднаго періода польской исторіи, какъ тотъ, который она пережила подъ протекторствомъ Россіи. А Польша? Польша, главнымъ образомъ и проявляла свою жизнь враждебными отношеніями къ Россіи и православію. Ни одного смутнаго обстоятельства Россіи не пропустила она безъ того, чтобы не прибавить и своей доли участія въ несчастіи невинной сосѣдки. Явится въ Польшѣ коварный іезуитъ, она не упуститъ случая командировать его въ Росію. Не стало въ сей послѣдней законнаго наслѣдника, она навяжетъ ей (конечно вмѣстѣ съ желаніемъ навязать ей и католицизмъ) своего королевича, или, за недостаткомъ его, ловкаго бродягу. Тяготѣетъ надъ Россіею иго чужеземное, и сосѣдка воспользуется ея несчастіемъ и безсиліемъ,—позаботится о присвоеніи себѣ ея собственности. Явится у Россіи врагъ внѣшній, и Польша тайно или явно очутится его союзницею. И теперь Польша находится въ такихъ же отношеніяхъ къ Россіи, какъ и прежде, какъ и всегда. Не имѣя возможности вредить ей физически, она выбивается изъ послѣднихъ силъ, чтобы повредить ей морально: интригуетъ противъ нея у сильныхъ земли, клевещетъ на нее предъ Европой, подличаетъ предъ авантюристами и творцами революцій, старается перессорить членовъ единой семьи русской, подорвать ея любовь и довѣріе къ отцу, обѣими руками сѣетъ зародыши анархіи, смутъ и всевозможныхъ страстей.

Невольно спросишь съ удивленіемъ: откуда такое ожесточеніе у Польши противъ Россіи, что заставляетъ ее страдать разлитіемъ желчи всякій разъ какъ только она смотритъ, какъ только она даже думаетъ о своей сосѣдкѣ? Какъ—что? А конецъ XVIII вѣка, а 1831 г.? Но вѣдь и до конца XVIII вѣка Польша не была дружелюбнѣе къ Россіи, и причиною судебъ, совершившихъ-

ся надъ Польшею въ это время была не Россія, а Европа, или точнѣе—сама Польша или еще точнѣе—Тотъ, рукою Котораго царства воздвигаются и падаютъ. А 1831 годъ скорѣе смѣемъ вспомнить съ укоромъ негодованія мы, чѣмъ поляки. Да, всему свѣту извѣстно, что не Россія врагъ Польши, а Польша врагъ Россіи, и врагъ коварный, безразсудный и безпричинный, способный стрѣлять въ представителей, даже въ роднаго брата своего великодушнаго повелителя, на другой день послѣ пріѣзда этого брата въ столицу смутъ и безразсудста, когда еще неуспѣли даже уясниться отношенія его къ краю, ввѣренному его попеченію. Вотъ кого нужно называть по праву разбойниками!

Изъ предыдущаго видно уже, что и другая причина—вражды къ Россіи Польши,—quasi злополучіе сей послѣдней, есть причина воображаемая. Если виновники смутъ, затѣйщики революцій и страдаютъ нѣсколько въ Россіи, то гдѣ же обходятся съ ними гуманнѣе? Мы знаемъ многія общества, въ которыхъ повѣсили бы за то, за что въ Россіи подвергаютъ теперь полугодичному аресту, отдачѣ на нѣсколько лѣтъ въ солдаты, освѣженію горячихъ головъ въ болѣе прохладномъ климатѣ.“ Намъ нестаетъ свободы,“ закричатъ паны? Неточно выражаетесь, г.г. паны: вамъ недостаетъ своеволія, а всѣмъ, что составляетъ существо свободы, вы наслаждаетесь съ избыткомъ. Вамъ угодно за-границу? Всѣ двери Россіи для васъ на распашку. Вамъ угодно выбирать изъ многихъ благъ лучшее (это основной характеръ свободы)? Никто немѣшаетъ этому выбору. Вы пожалуетесь на стѣсненіе вашей народности, вашей религіи, языка? Но вы будете слишкомъ (какъ бы тутъ деликатнѣе выразиться) недобросовѣстны, ежели не перестанете распространять въ Европѣ эту низкую клевету. Россія никогда не навязывала ни своей народности, ни своего языка, ни религіи, ни одному изъ подвластныхъ ей народовъ: пропаганда не въ ея характерѣ. Въ ней свободно говорятъ всѣ своимъ природнимъ языкомъ, но живутъ, развиваются и благоденствуютъ всѣ національности, безвозбранно славятъ по своему Бога въ кирхахъ, костелахъ, синагогахъ, мече-

тяхъ, даже кумирняхъ. Россія платитъ, въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, жалованье законоучителямъ инословныхъ исповѣданій и преподавателямъ разныхъ языковъ, на которыхъ говорятъ ея подданные. Даже въ столицѣ ея есть нѣсколько костеловъ, есть высшее духовно-учебное заведеніе католическое, тогда какъ въ столицѣ европейской цивилизаціи, въ прошломъ только году осуществилась церковь православная, хотя самое православіе осталось по прежнему внѣ покровительства законовъ. Россія, по крайней своей возможности, на сколько то совмѣстимо съ единствомъ гражданскихъ членовъ одного общества, старается удержать въ инородныхъ областяхъ своихъ преобладаніе туземной управы, законодательства, сословныхъ правъ и отношеній, свободу языка въ школѣ и юрисдикціи. Можно ли было видѣть въ Польшѣ, замѣтимъ мимоходомъ, хоть что либо похожее въ эпоху тяготѣнія ея надъ русскими областями? Правда, Россія не позволяетъ никому совращать своихъ подданныхъ съ пути православія—ни путемъ брачныхъ узъ, ни уловками пропаганды; но это отъ того, что она зорко сторожитъ благо своихъ сыновъ, что она понимаетъ божественность и преимущество своей вѣры предъ всякою другою, сознаетъ важность религіознаго единенія своей семьи, видитъ въ немъ душу единства племеннаго и политическаго. Относясь гуманно и почтительно къ другимъ религіямъ, она хочетъ, чтобъ и къ ея религіи относились также; не любя совращать, она не любитъ, чтобъ и ее совращали.

„Но, что вы себѣ ни толкуйте мы не хочемъ Россіи," завопитъ невнимающій ни воплямъ разума, ни сердца, ни исторіи, полякъ. Мы нисколько неудивимся этому воплю. Неразъ намъ случалось видѣть капризное дитя: которому что ни толкуйте, а оно стоитъ на своемъ. Неразъ намъ случалось видѣть, что упрямый и безразсудный ребенокъ, наперекоръ самымъ разумнымъ сдерживаньямъ руководителей, хватается судорожно за то, что для него вредно и опасно, и, если вы успѣете удержать его отъ опаснаго шага, выхватить изъ рукъ вредный предметъ, онъ вопитъ во все горло, валяется по полу, и т. п. Не похожи ли на этихъ дѣтей современные намъ

поляки *? Кажется, весьма похожи. Они до того измѣлчали, до того отжили свой вѣкъ, что *одътинъли*, какъ выражаются бѣлорусцы, дошли, то есть, отъ старости до младенческаго состоянія. Ибо что такое заявили они въ недавнее время предъ лицемъ Россіи и Европы, какъ не дѣтскіе капризы и увлеченія? Это легковѣріе ко всякой сплетнѣ, эта страсть къ баснословнымъ выдумкамъ, къ картонному героизму, это ребяческое самохвальство, эта дѣтская вѣра въ сочувствіе затѣямъ поляковъ Европы, эта чернота женщинъ, маскарадъ мущинъ, политическія шалости и кривлянья въ домѣ даже Божіемъ, кощунственное превращеніе задавленныхъ во время смутъ уличныхъ агитаторовъ въ мучениковъ **, кошачья музыка, кршижы и кршижики и разныя галантарейныя игрушки,—какъ все это удивительно вѣрно воспроизводитъ въ нашей памяти дѣтскую удаль, легковѣріе, слабосиліе, неразсудительность, какъ все это похоже на ребяческую страсть къ игрушкамъ, затѣямъ, переодѣваньямъ,—игры въ воланъ, мячъ, жгутъ, въ кошачью музыку,—гонку кубарей по тротуарамъ, вой волковъ деревянныхъ и т. п. развлеченія!

„Это видите," заговорятъ паны, „мы заявляемъ нашу къ вамъ ненависть и хочемъ побудить васъ отказаться отъ обладанія Польшею." Что касается вашей къ намъ ненависти, напрасно вы изволили безпокоиться ея заявленіемъ: мы вѣрили и вѣримъ ей такъ задушевно и неизмѣнно, что ваши ребяческіе манифестаціи ничего немогутъ прибавить къ этой вѣрѣ. Что касается средствъ, употребляемыхъ вами къ возврату самостоятельности Польшѣ, вы слишкомъ по дѣтски разсчитали отношеніе средствъ къ цѣли: средства—дѣтскія шалости, а цѣль—самостоятельность Польши! уморительно! Да это чисто желаніе произвести чудо еще удивительнѣе того, какое выра-

* Стоитъ замѣтить, что и въ числѣ поляковъ есть много людей здравомыслящихъ, ненаходящихъ причинъ и побужденій раздѣлять утопіи и запальчивость своихъ безразсудныхъ и безпокойныхъ собратій.

** Мучениками называются люди, пострадавшіе за вѣру Христову (такихъ мучениковъ было весьма много между православными во времена деспотизма надъ нами Польши), а не бунтовщики, погибшіе во время *безоруженнаго* подавленія уличныхъ смятеній.

жается поговоркою: „гора родила мышь." Тутъ дѣло идетъ наоборотъ: поляки хотѣли, чтобы мышь родила гору.

За то и сами поляки, хоть поздо, поняли, что дѣтскими капризами и гонкою кубарей сдѣлаютъ немного Россіи зла и пользы своимъ затѣямъ: они перестали ребячиться и вмѣсто уличныхъ шалостей, занялись шалостями литературными. Правда, они и прежде своихъ маскарадовъ и крывлянія, и современно имъ, не стѣснялись ни искаженіемъ русской исторіи, ни бросаніемъ камней въ Россію; но это дѣлалось все какъ-то сдержаннѣе, бросалось изъ *за угла*, издали, трусливо и мимо: а теперь эти благородныя занятія сдѣлались популярнѣе, наглѣе и опаснѣе; теперь удары сдѣлались чаще, камни бросаются на близкомъ разстояніи и попадаютъ иногда въ цѣль. Теперь уже тенденціи рьяныхъ патріотовъ несуществующей ojczyzny выросли до отторженія отъ Россіи тѣхъ областей, которыя когда-то временно принадлежали Польшѣ; теперь они повели борьбу болѣе скрытую и ожесточенную. Какіяжъ употребляютъ поляки средства къ осуществленію этихъ тенденцій и оружіе въ этой битвѣ? Средства эти можно подвести подъ двѣ рубрики: а., привлечь на свою сторону руссиновъ (жителей западной и югозападной Россіи) и б., поселить въ нихъ отчужденіе отъ великой Россіи. Для осуществленія первой мысли, польскіе публицисти, заговорщики междоусобицъ пустили въ ходъ—и на словахъ и на бумагѣ—множество льстивыхъ обѣщаній, приспособенныхъ ко вкусу нашего простолюдья, начали увѣрять русиновъ въ своей любви, напрашиваться къ нимъ въ родство, доказывать, что они всегда жили съ русинами въ неразрывной дружбѣ, что сіи послѣдніе наслаждались подъ правленіемъ Польши полноправствомъ и свободой, ну—словомъ, „катались, что называется, какъ сыръ въ маслѣ." На сколько стоятъ вѣры и вниманія эти обѣщанія, эти изъясненія въ любви, прошедшей и настоящей, на сколько повѣрили имъ русины, это отчасти показано въ предидущей книжкѣ „Вѣстника." Теперь остается только рѣшить, въ какой степени родства состоятъ поляки съ ру-

синами. Всѣ прежніе лѣтописцы и историки польскіе * единогласно утверждаютъ, что родоначальниками поляковъ были сарматы, народъ азіатскій, проникнувшій моремъ и сушей изъ закавказья въ мирныя осѣдлища славянъ, раскинутыя въ прекрасныхъ околицахъ Вислы, Буга и Днѣстра, безъ особыхъ усилій и пожертвованій покорившіе подъ власть свою кроткихъ земледѣльцевъ, сдѣлавшіе ихъ своими рабами и, естественно, принявшіе современемъ языкъ огромнаго большенства. Эта генеалогія поляковъ такъ правдива и очевидна, что, небудь даже польскихъ лѣтописцовъ и историковъ, мы бы нашли ее путемъ психилогическимъ и физіологическимъ. Въ потомкахъ дикихъ сарматовъ такъ мало славянскаго, въ физіономіи ихъ—внутренней и внѣшней—такъ много сбереглось примѣтъ ихъ предковъ, что не нужно быть ни Длугошемъ, ни Лафатеромъ, чтобы видѣть въ нихъ отродье безпокойныхъ искателей приключеній азіатскихъ. И донкихотское zuchwalstwo, и чувственность, и тщеславіе, и преобладаніе воображенія надъ другими способностями духа, и презрительное отношеніе азіатскаго сатрапа къ рабу—все—все въ очевидной гармоніи съ сарматскою генеалогіею поляковъ. Не будь они сарматы, будь они славяне, ихъ никогда не раздѣляла бы съ народомъ славянскимъ та сословная пропасть, какая изпоконъ-вѣку зіяетъ между паномъ и холопомъ, или точнѣе—между повелителемъ и рабомъ, дикимъ побѣдителемъ и безмолвнымъ побѣжденнымъ. Не будь они сарматы, они бы не относились такъ враждебно ко всему славянскому, не имѣли бы причинъ и побужденій трактовать подобныхъ себѣ славянъ наравнѣ съ животнымъ или вещью, укрѣпить за собою азіатское право надъ ихъ жизнію, презирать ихъ, давить, какъ народъ чуждый, враждебный. Будь они славяне, они бы не были тѣмъ, чѣмъ были, въ нихъ, хоть однажды заговорилобы чувство крови, имъ хоть изрѣдка напомнили бы сами славяне о своемъ съ ними родствѣ,

* *Матеей* герба Холева, *Богухвалъ*, *Длугошъ*, *Мѣховита*, *Кадлубекъ*, *Стрійковскій*, *Гвагнинъ*—Sarmatia Europea, и другіе. Изъ историковъ *Нарушевичъ*, *Лелевелъ*, *Морачевскій* *Мацѣевскій*, Pierwotne dzieje Polski i Litwy и мн. другіе.

о своей равноправности, они бы не съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ содрогались при одной мысли о родствѣ нравственномъ, или физическомъ съ холопомъ. Будь они славяне, не будь они сарматы, не откуда бы было взяться ни панамъ, ни холопамъ. Эта отрѣшенность отъ всего холопскаго—или точнѣе—славянскаго и служила доселѣ главною, родовою примѣтою истаго шляхтича; это презрительное высокомѣріе, съ какимъ относился католикъ—сарматъ ко всему не панскому, не сарматскому и составляло доселѣ душу всѣхъ его дѣяній,—логическое начало его исторіи. Полякъ кричалъ предъ всѣми, что онъ сарматъ, гордился своею генеалогіею—и вдругъ—о, чудо!—сарматъ отрекается своего рода и племени, начинаетъ вопить на весь міръ, что онъ славянинъ, съ изъясненіемъ въ любви—бросается въ объятія русина, называетъ св. Нестора, православно-русскаго угодника кіево-печерскаго, своимъ лѣтописцемъ, славянскихъ апостоловъ Кvрилла и Меѳодія—своими просвѣтителями,—славянъ (сѣверо-восточныхъ) не славянами! Что это за мистификація? Когда и какъ произошелъ съ сарматомъ этотъ метаморфозъ? На первый вопросъ (когда?) мы можемъ отвѣтить одною фразою: около двухъ лѣтъ тому назадъ; на второй вопросъ (какъ?) мы не можемъ отвѣтить такъ коротко. Вотъ этотъ отвѣтъ.

Польша заболѣла еще со временъ Баторія — или яснѣе—Поссевина. Вмѣсто того, чтобы позаботиться объ удаленіи причины болѣзни, польскіе паны и ксендзы усилили ее. Они такъ плохо знали политическую гигіенну и патологію народную, что рецепты ихъ сообщили опасный характеръ болѣзни, сначала легкой. Въ религію вкралась нетерпимость, въ сословныя отношенія ненависть и реакція, всѣ паны захотѣли быть королями надъ народомъ, иноплеменнымъ, ненавидѣвшимъ ихъ отъ всей души, во всѣхъ членахъ политическаго тѣла обнаружилось разъединеніе и, послѣ продолжительнаго судорожнаго движенія, Польша скончалась во второй половинѣ XVIII вѣка. Но такъ какъ разложеніе трупа общества совершается не такъ быстро, какъ разложеніе трупа человѣческаго; то и разложеніе трупа Польши de fact со-

вершилось только въ послѣднее годы XVIII столѣтія. Но такъ какъ, съ другой стороны, трупъ общества не можетъ разложиться на такія микроскопическія частицы, какъ трупъ одного человѣка, то и отъ трупа Польши остались довольно замѣтные отрывки, менѣе искаженные въ его центрѣ, нежели оконечностяхъ. Въ этихъ отрывкахъ, какъ будто проявлялись нѣкоторые признаки своей отдѣльной, индувидуальной жизни, подобно тому, какъ они проявляются иногда въ судорожныхъ движеніяхъ давно умершаго тѣла какого либо животнаго. Эту отрывочную жизнь Польши хотѣли по временамъ любители покойницы сгрупировать въ одномъ живомъ тѣлѣ, хотѣли силою искуства и разныхъ вольтовыхъ столбовъ вдохнуть жизнь въ полуистлѣвшій трупъ; но попытки ихъ, конечно, оказались безуспѣшны, мертвыхъ воскрешаетъ только Богъ. Не говоримъ—развивая далѣе нить нашего сближенія—чтобъ изъ этихъ отрывковъ Польши ничего уже не могло составиться; а только утверждаемъ, что изъ нихъ не можетъ составиться прежняя Польша, съ прежними проявленіями своей жизни; можетъ составиться что либо другое, положимъ, хоть бы то, что составилось, но не прежняя Польша. Такъ, изъ трупа человѣческаго, разложившагося на составные элементы, не выродится тотъ же трупъ, а развѣ червь, цвѣтокъ, бабочка, какая нибудь соль и кое-что иное.

Оставляемъ въ сторонѣ сближенія и обращаемся къ фактамъ и соображеніямъ. Обманутые миражемъ жизни Польши, или увлеченные мечтою ея воскресенія, польскіе патріоты, сперва примкнули къ побѣдной колесницѣ величайшаго изъ завоевателей, потомъ заревомъ факела погребальнаго освѣтили могилу Польши—или точнѣе—послѣднею вспышкою угасающей лампы проявили ея жизнь въ 1830 году; потомъ предлагали свои отрывочныя услуги тому, либо другому народу, въ надеждѣ получить отъ него политическую милостыню для Польши. Весь міръ видѣлъ жалкую несостоятельность этихъ попытокъ,—утлость этихъ судорожныхъ движеній противъ опредѣленій рока.

Сами поляки убѣдились наконецъ, что они слишкомъ

слабы и ничтожны для того, чтобы собственными физическими средствами достигнуть цѣли. Они метнулись сюда—туда, съ жалобами, протестами, мольбой и театральными слезами. Въ этихъ роляхъ ихъ видѣла Франція, Англія, Италія. Немногіе дослушали до конца ихъ претензіи, нѣкоторые высказали имъ такую же почти горькую правду, какую говоримъ теперь мы, иные пожимали плечами, любуясь ихъ театральными экзальтаціями, слушая ихъ ложь и утопіи, а всѣ единодушно сказали имъ: у насъ довольно и своего дѣла для того, чтобы не заниматься пустяками. Но жалко же разстаться съ любимою мечтою, трудно вытѣснить изъ головы возстановленіе Польши, когда такъ близко, такъ недавно возстановлена Италія. Вотъ эта-то Италія и закружила головы польскихъ патріотовъ, до того, что въ этихъ головахъ „зашелъ, какъ говоритъ русская пословица, умъ за разумъ." Въ пылу легкомыслія, они не съумѣли даже составить порядочнаго сближенія: они не поняли, что Россія не Австрія, Италія не Польша, что отношенія первой къ Австріи далеко не похожи на отношенія послѣдней къ Россіи, что связь Піемонта съ другими представителями народности италіанской далеко неравносильна связи Польши съ областями русскими, временно стонавшими подъ ея гнетомъ, что Варшава не Туринъ, Неаполь не Кіевъ, Могилевъ на Днѣпрѣ не Флоренція, Вильно не Генуа, что отдѣльныя области Италіи суть члены одного тѣла, дѣти одного народа, отъ временъ до-историческихъ— составлявшаго одно цѣлое, населявшаго одну территорію, исповѣдующаго одну религію, говорящаго однимъ языкомъ.

Какъ бы то ни было, только патріоты польскіе, увлеченные неудачнымъ сближеніемъ судьбы Италіи съ судьбою Польши, возмечтали найти въ освободителѣ Италіи освободителя и Польши. Но геній этого освободителя лучше ихъ понялъ различіе Польши отъ Италіи,—капризъ и утопію ихъ тенденцій, и мечтатели, по прежнему, остались одни. Обманутые вдали, они начали искать друзей поближе. Вообразивъ, что возлѣ Варшавы могутъ также сгруппироваться области славянскія, какъ возлѣ Піемонта.

италіанскія, поляки задумали въ подвластныхъ имъ нѣкогда славянахъ найти себѣ союзниковъ противъ великой Россіи и сторонниковъ Польши. Вотъ ключь къ истолкованію тѣхъ затѣй, тѣхъ метаморфозовъ, которыми въ послѣднее время занимаются поляки. Вотъ причина тѣхъ объясненій въ любви, тѣхъ обѣтовъ, того желанія породниться (хоть на время) съ русинами, которымъ надоѣли и надоѣдаютъ они симъ послѣднимъ. Вотъ чѣмъ объясняется обмѣнъ чувствъ, даже религіозныхъ предметовъ, бискупа съ раввиномъ, братанье шляхтича съ презираемымъ имъ доселѣ евреемъ, сочиненіе первымъ для послѣдняго почетнаго имени: „чтитель стараго (или Моѵсеева) закона.“ Вотъ отъ чего польскіе паны такъ ухаживаютъ за своими крестьянами, дѣлаютъ имъ всевозможныя льготы, пожертвованія, заводятъ школы и проч. *. Что же сіи послѣдніе? Не такъ скоро забывается закрѣпленная вѣками племенная вражда народовъ: русины говорятъ: „приде часъ коли мы на ляхахъ будемо возитъ воду.“

Но привлечь на свою сторону югозападныхъ славянъ неиначе можно, какъ оттолкнувъ ихъ отъ сѣверовосточныхъ. Поляки и выбиваются изъ силъ, чтобы произвести это племенное разъединеніе. Прославляя и ублажая первыхъ, они осыпаютъ дикими клеветами, укоризнами и ругательствами послѣднихъ. Льстя и подличая предъ русинами, они задыхаются отъ бѣшенства, при заявленіи своей ненависти великороссу и при навязываніи этого не христіанскаго чувства русинамъ. Они стараются доказать симъ послѣднимъ, что „москаль“ всегда былъ и будетъ его врагомъ и тираномъ, что въ немъ—ни кровинки славянской, что только въ мѣнѣ Россіи на Польшу русинъ найдетъ свободу, довольство и счастіе. Чтоже на это русинъ? Русинъ твердитъ свое: „зъ ляхомъ братайся, камень держи за пазухою. Паны любятъ чужими руками жаръ загребать.“

---

* Все это, видите, политическія демонстрація противъ Россіи. Разсуждая о польскихъ панахъ, мы не дѣлаемъ различія пановъ собственно польскихъ, отъ

Не можемъ послѣ сказаннаго не обратиться къ Народной Газетѣ съ нѣкоторыми желаніями и выводами. Народная Газета низко и подло пользуется свободою своего слова въ отношеніи къ Россіи. Безопасность и отдаленность почвы, на которой раздаются ея выстрѣлы, не дѣлаетъ этихъ выстрѣловъ опаснѣе для тѣхъ, въ кого они направлены, и храбрѣе тѣхъ, которые въ нихъ упражняются. Запальчивость, съ которой она лаетъ на Россію, доводитъ ее до забвенія всякой правды, всякаго приличія. Въ порывѣ этого умоизступленія, ей мерещатся такія явленія, она сочиняетъ такія бредни, отъ которыхъ должна краснѣть бумага, на которой онѣ осуществляются. Будучи главнымъ органомъ самыхъ рьяныхъ утопистовъ и агитаторовъ польскихъ, она не стѣсняется никакою недобросовѣстностію, никакимъ искаженіемъ исторіи и существа текущихъ событій, не брезгаетъ никакою ложью, и клеветою на Россію, получаемою отъ достойныхъ ея корреспондентовъ, хотя бы извѣстія ихъ противорѣчили не только дѣйствительности, но и условіямъ здраваго смысла *,—короче: Народная Газета—явленіе не литературное, а стокъ нечистоты, изрыгаемой на Россію клеветниками ея, а исчадіе безсильной злости злонамѣренныхъ польскихъ публицистовъ и демагоговъ, мѣтящихъ на произведеніе революціи, нарушеніе спокойствія Европы и желающихъ въ омутѣ смутъ и свалкѣ международныхъ кровопролитій, выработать что нибудь согласное съ уродливою фантазіей эгоистической шляхты.

А вамъ, г. г. польскіе агитаторы, мы желаемъ отъ души больше добросовѣстности, спокойнаго самообладанія, меньше ребяческихъ увлеченій, страсти къ утопіямъ и преувеличенностямъ, къ которымъ такъ способно ваше азіатское воображеніе. Мы бы вамъ совѣтовали не искать враговъ тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало, и друзей тамъ,

---

тѣхъ, которые какъ нибудь оцанились въ областяхъ рускихъ. Это потому, что, при всемъ ихъ родовомъ различіи они похожи другъ на друга въ дѣлѣ манифестацій своихъ противъ Россіи.

* Особенно въ этомъ родѣ замѣчательная передовая статья № 8 и слѣдующая за нею: „Sprawy polskie,“ осужденная даже австрійскимъ правительствомъ.

гдѣ вы ихъ не найдете. Подъ вліянеімъ только чувства зависти и ненависти вамъ могло померещиться, что Россія вамъ врагъ; въ пылу только ребяческихъ увлеченій вообразили себѣ вы найти въ безмолвныхъ русинахъ сторонниковъ Польши. Вы находитесь въ состояніи утопающаго, который хватается за бритву. Россія спокойно и величаво относилась и относится къ вамъ: то какъ гумманый опекунъ, то какъ великодушный отецъ, то какъ снисходительный судья. Русины менѣе могутъ сочувствовать интересамъ Польши, нежели сербы и болгары интерессамъ Турціи. Молчанія ихъ не считайте знакомъ согласія. У нихъ есть память, есть и сердце. Вы можете разчитывать на матеріальныя со стороны ихъ пожертвованія, но гдѣ дѣло коснется духа народности, моральнаго достоянія русскаго, тамъ вы не ожидайте отъ нихъ ни уступокъ, ни дѣлежа, ни измѣны. Попробовали вы заговорить о своемъ полонизмѣ, католицизмѣ русинамъ галиційскимъ, и они показали вамъ зубы. Наши русины васъ не видятъ еще, не слышатъ; а лишь только замѣтятъ, услышатъ, и они сдѣлаютъ тоже. Быть можетъ они сначала не поймутъ, въ простотѣ своего сердца, о какомъ это единеніи съ ними вы хлопочете, и скажутъ: „развѣ мы теперь разрозненны! Вѣдь мы живемъ въ одномъ государствѣ, подъ властію одного великодушнаго Повелителя, управляемся одними законами, пользуемся одинаковыми правами, какогожъ вы хотите единства? Быть можетъ, для болѣе тѣснаго единенія, намъ недостаетъ единства религіи; быть можетъ, для отпущенія грѣховъ вашихъ предковъ, вы желаете возвратиться въ объятія той церкви, отъ которой многіе изъ нихъ отторглись или были отторгнуты? Въ такомъ случаѣ да поможетъ вамъ Богъ тѣснѣе породниться съ нами!“ Такъ отвѣтятъ вамъ русины наши, пока непоймутъ васъ—и будутъ правы; потому что, для искренняго единенія вашего съ нами, исторія, дѣйствительно, не представляла болѣе удачнаго момента. Еслижъ они проникнутъ въ смыслъ вашихъ затѣй, увидятъ, что вы хотите *объединить, а не объединиться, слить, но не слиться,*—отторгнуть ихъ отъ родной семьи православной, чтобъ ополячить и окатоличить, въ та-

комъ разѣ мы навѣрно не знаемъ, что они вамъ скажутъ. Благо, если они только отвергнутся отъ васъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ—и скажутъ: кто васъ проситъ заботиться о насъ? Хлопочите о себѣ, а насъ, однажды навсегда, увольте отъ вашей опеки. Мы въ ней нисколько ненуждаемся. Благодаря Бога, у насъ много средствъ и силъ для саморазвитія. Мы счастливы нашимъ настоящимъ; мы скоро будемъ еще счастливѣе въ недалекомъ будущемъ. Мы уже предвкушаемъ блаженство существъ свободныхъ; родное правительство уже исхитило насъ отъ узъ вашего порабощенія и деспотизма; въ связи съ добрымъ нашимъ духовенствомъ, оно разгоняетъ мракъ невѣжества, которымъ оковали вы умы наши. Мы уже наслаждаемся самоуправленіемъ, довольство и покой вокругъ насъ. Намъ остается только молить Провидѣніе, чтобъ Оно продлило жизнь и множило благоденствіе нашего Освободителя, имя котораго дороже и незабвеннѣе для насъ имени Моисеева для израильтянъ, благословеніе котораго переживетъ и нашихъ потомковъ и исторію. Чувства наши къ Нему недалеки отъ боготворенія; мы готовы на всѣ жертвы для Его благополучія; мы готовы собственными руками растерзать нарушителей Его спокойствія. Предъ всемъ свѣтомъ клянемся, что это не громкія фразы, а единогласный вопль всего существа нашего. Что касается васъ, г. г. шляхта, мы очень хорошо знаемъ, съ которыхъ поръ и для чего вы сдѣлались сговорчивѣй и гуманнѣе. Вы насъ не обманете запоздалымъ угодничествомъ. Мы видимъ въ васъ ту лисицу, которая не знала какъ и выразить любовь свою и состраданіе къ птенцамъ—сироткамъ, сулила имъ море счастья подъ своей опекой; но лишь только, довѣрчивые, безразсудные, убаюканные ласками и обѣщаніями коварной лисы, птенцы бросились въ ея объятія,—

Лиса ихъ съѣла
И пѣсни не допѣла *(баснь Крылова)*.

„Въ вашихъ льстивыхъ обѣщаніяхъ, въ вашихъ предъ нами подличаньяхъ мы столько же видимъ искренности и правды, сколько ихъ есть въ вашемъ:“ do nóg padam,

całuję nóżki. Въ вашихъ клеветахъ на нашу братью, мы получаемъ кровную нашу обиду. Насъ научилъ опытъ считать васъ постоянными и вѣковѣчными врагами своими, не вѣрить вамъ ни въ чемъ, видѣть въ настоящихъ заискиваньяхъ вашихъ предательство, въ коварной, весьма недавней дружбѣ *поневолѣ*-овечью кожу на волкѣ,—желаніе завлечь насъ въ западню, отбить овцу отъ стада, чтобъ удобнѣе растерзать ее.“ Такъ скажутъ русины наши, когда поймутъ васъ, и снова будутъ правы.

Быть можетъ, въ порывѣ праведнаго негодованія, фраза наша зазвучала кое-гдѣ слишкомъ рѣзко; быть можетъ, защищаясь, мы нанесли кое-кому несовсѣмъ деликатную рану; но мы несчитаемъ нужнымъ даже извиняться въ этой невѣжливости. Можно ли удержаться въ предѣлахъ хладнокровія, говоря съ газетою, которая называетъ насъ бродягами и разбойниками? Самый кроткій и благовоспитанный человѣкъ можетъ быть поставленъ иногда въ необходимости бить и даже убить. Прикасаяйся смолѣ, очернится; а можно ли было въ настоящемъ разѣ уклониться отъ этого прикосновенія. Кто кусаетъ, того бьютъ, а не ласкаютъ.

Русскій.

Примѣчаніе. Въ первую половину этой статьи (помѣщенной въ предыдущей книжкѣ) вкрались весьма важные погрѣшности, исказившія не только мысль, но и смыслъ. На страницѣ 36, строкѣ 3, фраза: »въ территоріальномъ отношеніи,« перенесена сюда съ 18 строки—совершенно напрасно. На этой послѣдней строкѣ она должда быть поставлена такъ: даже Польши мы не называемъ (въ территоріальномъ отношеніи) своею.

Послѣ 23 строки страницы 39, пропущена строка: нападеніемъ на домы и церкви православныхъ. На 42 стран. строк. 12, вмѣсто: захилясь, нужно читать: закинъ (пока). На 43 стран. строк. 6, нужно, вмѣсто: карту, поставить: норму. На 44 стран., послѣ словъ: небачили

вражого ляха, пропущена цѣлая тирада: не изъ любви ли, во время уманской рѣзни, козаки повѣсили на стѣнѣ костела пана, жида и собаку и написали подъ ними: жидъ, ляхъ, собака усе віра еднака? Тирада эта совершенно неумѣстно перенесена въ средину 45 стран. На этой 45 страницѣ, строкѣ 15, вмѣсто но, нужно читать: то. На 20 строкѣ 46 стран. нужно, вмѣсто: попытки, читать: потомки. На 21 строк. тойже стран., вмѣсто старины, когда, нужно читать: старины. Когда. На послѣдней строкѣ тойже страницы, вмѣсто: не налагаемъ, нужно поставить: не нападаемъ. На 7 строкѣ 47 стран., вмѣсто отношенія, нужно читать: положенія. На строк 13 тойже страницы нужно замѣнить слово: почтительныя словомъ: интимныя.

Опечатки, неизмѣняющія мысли, оставлены безъ вниманія.

IV.

БРАТЬЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА, СЛУЖАЩІЙ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ПЕРВОМУ ОТРЫВКУ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ »ВСТРѢЧА.«

Глубокая зима лежала въ Сѣверіи. Глядя на черныя вѣтви деревъ, побѣленныя навалившимся снѣгомъ, какъ-то не вѣрилось, что молчаливая лѣсная пустыня опять зашумитъ этимъ упоительнымъ шумомъ благоухающей листвы, которой такъ хорошо сливаетъ въ одинъ стройный хоръ разнообразные голоса птицъ. Глядя на сугробистыя равнины между бурою, дымчатою синевою лѣсной глубины, мудрено было воображать эти бѣлыя, теряющіяся вдали извилины прозрачными зеркалами, надъ которыми столько цвѣтовъ распускалось весною, въ мирномъ соперничаньи съ великанскими папоротниками и нагинавшимися въ воду ивами.

Но нигдѣ царство зимы не казалось такимъ вѣчнымъ, какъ въ Черныхъ Лозахъ, въ удаленномъ отъ всего міра хуторѣ Прокла Прокловича. Расчищенное пространство передъ его низкимъ, какъ-будто потупившимся въ землю домикомъ обнаруживало глубину снѣга, который неутомимые вѣтры несли столько мѣсяцевъ черезъ его неисходимые лѣса и сѣяли на эту высокую крышу съ голубятниками, на эти присѣнки, округлившіеся сверху точно какою-то огромною бѣлою шапкою, и на пасичные толстые пни, между садовыми деревьями, утонувшіе въ снѣгу до половины и точно накрытые сверху бѣлыми чалмами. Куры, гуси, индѣйки толпятся какъ-то слишкомъ безпокойно у рѣшетки, за которою сыплется имъ кормъ, и готовы драться между

собой за всякое зернышко. Впечатлѣніе нескончаемой зимы еще усиливаетъ семейство аистовъ, которое пробралось въ самые присѣнки, гдѣ уже чувствуется комнатная теплота, и дожидалось подачки изъ человѣческихъ рукъ. Сдѣлались аисты ручными не хуже журавлей, которые постоянно расхаживали передъ домикомъ Прокла Прокловича, позабывъ свободу, которой лишены были еще въ дѣтствѣ. Голуби высыпали на крышу густою толпою и безпрестанно поворачивались къ солнышку. Солнце золотило пушистую, закругленную вершину дома; но за то внизу вокругъ него воздухъ дѣлался еще болѣе синеватымъ и еще сильнѣе давалъ чувствовать воображенію присутствіе безконечной зимы. Прочій говоръ раздавался въ немъ рѣзко, какъ-будто ни одинъ звукъ не хотѣлъ слиться съ другимъ; а скрипящій снѣгъ подъ ногами людей еще больше нарушалъ согласіе унылыхъ звуковъ.

Но все это само по себѣ не производило еще вполнѣ безотраднаго впечатлѣнія. Господствовавшую черту въ этой холодной картинѣ составлялъ самъ Прокло Прокловичъ, сидѣвшій на скамейкѣ у своихъ присѣнковъ. Каждому, кто видѣлъ его однажды, были памятны его сѣдые, никогда неподстригаемые волосы, смѣшивавшіе свою желтизну съ бѣлою длинною до самаго пояса бородою. Какое-бъ ни было веселое выраженіе на его лицѣ, выглядывавшемъ изъ-подъ бобровой, наклоненной впередъ шапки, оно не могло разсѣять того смѣшаннаго съ почтительностію страха, который забирался въ душу отъ созерцанія его необыкновенной, почти сверхъ-естественной старости. Но теперь длинныя брови его надвинулись ему на глаза, точно снѣговой наносъ, и все лицо его нагнулось къ землѣ, какъ древесная вершина, отягощенная непомѣрнымъ множествомъ насѣвшаго на нее снѣгу. И борода и волосы, слегка всклоченные отъ старческаго недосмотра за самимъ собой, висѣли съ его наклоненной головы какъ-то особенно печально и безнадежно, закрывая руки, сложенныя на посохѣ. Неподвижность столѣтняго старца посреди окованной холодомъ и занесенной снѣгомъ природы наводила на свѣжаго зрителя какое-то суевѣрное расположеніе духа, и не доставало немногаго, чтобы вообразить себя въ вѣчномъ царствѣ зимы, предъ лицемъ царя морозовъ и снѣговъ, равнодушнаго ко всему живому. Между тѣмъ, всѣ знали, что Прокло Прокловичъ былъ нѣженъ до ребячества ко всѣмъ существамъ, наполнявшимъ его хуторъ, — отъ людей до послѣдняго изъ безсловесныхъ. Вотъ и теперь любимый его голубокъ, соскучась смотрѣть на солнышко, не согрѣвавшее его своими золотистыми лучами, порхнулъ къ нему на плечо, началъ перебирать клювомъ его серебристые волосы и прятаться отъ морозу подъ его густую бороду. Прокло Прокловичъ оставался недвижимъ и не обращалъ никакого вниманія на своего избалованнаго голубка.

Въ это время заскрипѣли по снѣгу шаги охотниковъ Прокла Прокловича. Они приблизились почтительно къ своему престарѣлому патріарху и положили передъ нимъ добычу.

Прокло Проклoвичъ не перемѣнилъ своего положенія и какъ-будто не видѣлъ прекраснаго круторогаго козла, застрѣленнаго очень искусно — подъ самое сердце.

— Пане нашъ и батьку! сказалъ тотъ, котораго спутникъ его называлъ дядькомъ Харитономъ: — немного принесли мы тебѣ добычи, но много добыли всякихъ вѣстей.

Молчалъ Прокло Прокловичъ, не спрашивалъ, какія вѣсти?

Переглянулись охотники и грустно покачали головою. Уже во всемъ заболотномъ царствѣ чувствовалось безпокойство на счетъ угасанія жизни патріархальнаго дѣдича и отчича этого тихаго лѣснаго захолустья. Онъ ужъ давно не ходилъ по зимнимъ тырламъ, гдѣ знали его всѣ рогатыя и безрогія животныя. Даже и домашнія птицы перестали занимать его. Жизнь въ немъ не то, что угасала, а останавливалась, какъ живая вода, оковываемая морозомъ.

— Царька козацкаго разбили царскіе ратные люди, продолжалъ дядько Харитонъ. — Бѣжалъ царекъ на подстрѣленномъ конѣ отъ Добрыничъ и неизвѣстно, живъ ли, нѣтъ ли. Мы видѣли его запорожцевъ. Бѣжали и тѣ куда попало; теперь голодные козаки разъѣзжаютъ вокругъ нашихъ затоповъ и ищутъ битой дороги въ города.

Прокло Прокловичъ молчалъ и на это.

— Ляхи также всѣ разбѣжались. Слыхали мы отъ бобровниковъ, что вся царькова пѣхота пропала подъ Добрыничами, и пушки тамъ остались и хоругви, что надарили паны литовскіе самозванцу. Много захвачено въ плѣнъ, а шесть тысячъ легло на полѣ.

— Горе отцамъ и матерямъ ихъ! проговорилъ Прокло Прокловичъ. — Восплачутъ ихъ жены и дѣти отъ востокъ до западъ солнца.

Обрадовавшись, что слышатъ голосъ оледенѣлаго своего владыки, усердные слуги разсказали ему, что отрядъ Ляховъ, человѣкъ въ двадцать, бьется безъ дороги по глубокому снѣгу и оставленъ ими на краю затона, который окончательно преградилъ имъ путь. Ляхи, какъ видно, богатые: на коняхъ чепраки дорогіе и везутъ съ собой крытые сани, но не скоро они выберутся изъ безлюднаго лѣсу. — А мы, говорилъ дядько Харитонъ: — не смѣли вывести ихъ на путивльскую сакму, не освѣстивъ сперва твою милость. Въ саняхъ у нихъ двѣ женщины. Просили насъ Ляхи хоть ради женщинъ вывести ихъ на дорогу, чтобъ не замерзли отъ стужи. Но мы, знаючи твою ласку ко всѣмъ Божьимъ созданіямъ, прибѣжали сперва спросить тебя. Можетъ быть, обогрѣешь ихъ въ Черныхъ Лозахъ. Дорога имъ далекая до городовъ; а они всю ночь бѣжали и запутались въ лѣсу.

— Тяжкія времена! сказалъ тихимъ голосомъ Прокло Прокловичъ.— Смятошася и подвигошася языцы. Сто лѣтъ хранилъ Господь мое жилище отъ всякихъ бурь и напастей. Почто же смущается душа моя въ послѣдній день мой?

Ловчіе, выслушавъ это размышленіе вслухъ, молчали. Знали они всѣ привычки, весь обычай престарѣлаго патріарха Черныхъ Лозъ и терпѣливо ждали отъ него для себя слова.

— На бойницахъ у насъ мало людей. Не скоро еще отпуститъ воевода моихъ даточныхъ. Но бояться намъ этихъ Ляховъ не подобаетъ. Помостите мостки, переведите ихъ и сани ихъ перевезите. Блажени милостивые.

И, тихо простерши руку свою съ посохомъ, вручилъ его Прокло Прокловичъ дядьку Харитону.

Тотъ съ поклономъ принялъ знакъ власти и отправился къ затинщикамъ съ повелѣніемъ.

Его товарищъ, поднявъ на плеча дикаго козла, сказалъ:

— Благослови, пане и батьку, нашу добычу на ядеміе.

— Господь да благословитъ васъ дѣти мои и да пропитаетъ во вся дни живота вашего, тихо проговорилъ старецъ.

Съ низкимъ поклономъ удалился ловчій.

Тутъ подошелъ къ Проклу Прокловичу, такъ называемый въ Черныхъ Лозахъ, батько Потапъ, второе лицо послѣ господина, по предоставленной ему власти, и ближайшее къ его особѣ, по довѣренности, которой удостоивалъ его Прокло Прокловичъ. Онъ подсѣлъ къ нему съ видомъ нѣжнаго участія къ его здоровью, хотя на видъ самъ былъ почти такой же глубокій старикъ.

— Не пора ли тебѣ, пане и отче, сказалъ онъ, — вкусить пищи? Я приготовилъ скляницу меду стараго, живительнаго. Укрѣпи тѣло, батько нашъ и пане, — ободрится и духъ твой, и вся скорбь твоя разсѣется, аки сонъ.

Едва замѣтно качнулъ головой Прокло Прокловичъ и отвѣчалъ:

— Не вкушати уже мнѣ пищи временной. Духъ мой алчетъ трапезы, ведущія въ жизнь вѣчную. Но увы намъ, батько Потапе! не послалъ намъ Господь служителя Христова на мѣсто упокоившагося въ Бозѣ отца Петра!

— Не смущайся объ этомъ сердцемъ, сказалъ батько Потапъ, наклонясь къ нему немного съ любовью, которая въ старикѣ къ другому старику особенно трогательна. — Если не сегодня, то завтра будетъ изъ Путивля къ намъ служитель Христовъ, пастырь душъ, умудренный лѣтами и многимъ чтеніемъ.

Замѣтно было, что оба они долго питались одною и тою же духовною пищею, что Библія и Четьи Минеи были для нихъ источни-

комъ разума и вкуса: они выражались, какъ монахи, отрозненные отъ обычныхъ житейскихъ дѣлъ и соображающіе всѣ свои дѣла и слова съ образцами, указанными церковію.

Тихій, но глубокій вздохъ излетѣлъ изъ обветшавшаго, древняго тѣла Прокла Прокловича. Его наперсникъ тоже вздохнулъ, совершенно зная предметъ сокрушенія своего господина и друга.

— Оба мнѣ снились, батько Потапе, говорилъ Прокло Прокловичъ, какъ-будто продолжая прерванную бесѣду. — Обоихъ милыхъ сыновей моихъ видѣлъ я во снѣ цвѣтущими юношами, въ самомъ наусіи. Недоумѣваю, зачѣмъ Господь далъ мнѣ узрѣть красоту лицъ ихъ и поразилъ меня такимъ страшнымъ видѣніемъ? Видно, приближается конецъ всему живущему; видно, далъ онъ мнѣ знаменіе, что возстанетъ братъ на брата во всей вселенной. Милыя дѣти мои! продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ, какъ-будто видя своихъ давно отсутствующихъ сыновей передъ собою: — зачѣмъ вы пролили кровь другъ друга передъ моими очами?

— Отгони отъ себя сонное мечтаніе, отче мой и пане милый! говорилъ батько Потапъ. — Испій хотя мало отъ меда и вкуси пищи.

— Нѣтъ, батько Потапе! говорилъ старецъ, клоня къ землѣ скорбную, безотрадную голову, — конецъ приближается. Вижу передъ собой отверстыми врата вѣчности. Не предлагай мнѣ питанія, а веди меня въ мою храмину временную, омой грѣшное тѣло мое, облеки меня въ чистую одежду смертную, вложи въ гробъ и твори надо мной молитвы святыя, да отыду къ отцу моему и Богу моему, внимая словесамъ святымъ на землѣ, пока мой слухъ не услышитъ иныхъ гласовъ, иныхъ славословій.

Слезы покатились изъ глазъ батька Потапа. Онъ зналъ, что Прокло Прокловичъ не молвитъ такого слова напрасно. Онъ во всемъ привыкъ слушаться его, какъ святого, былъ убѣжденъ, заранѣе, что Господь откроетъ ему кончину его, подобно тому, какъ она была открываема другимъ праведникамъ, о которыхъ они вмѣстѣ читали въ Четьихъ Минеяхъ. Тихія слова Прокла Прокловича были для него полнымъ удостовѣреніемъ, что въ самомъ дѣлѣ наступилъ конецъ драгоцѣнной для его жизни, которая давно уже была для него святымъ чудомъ. Старецъ поднялся съ своего мѣста и, поддерживаемый безмолвно плачущимъ слугою и другомъ своимъ, скрылся изъ виду въ своемъ домикѣ, такомъ же древнемъ, какъ и онъ самъ. Отходя на вѣчный покой не взглянулъ онъ на своихъ птицъ, которыхъ изъ году въ годъ, изо дня въ день лелѣялъ съ дѣтскою къ нимъ привязанностію; и неприласканный имъ ручной голубокъ печально воротился къ своимъ товарищамъ, сіявшимъ въ солнечномъ свѣтѣ на блѣдно-голубомъ зимнемъ небѣ. Еще синѣе казался теперь воздухъ внизу, на затѣненномъ снѣгѣ.

Еще печальнѣе раздавались въ немъ голоса птицъ, толпившихся у рѣшетки.

Но скоро эти звуки начали уступать глухому шуму множества людскихъ голосовъ. Вѣсть о близкой кончинѣ Прокла Прокловича подняла все населеніе хутора. Старики и старухи, женщины и дѣти шли къ нему за послѣднимъ благословеніемъ, какъ идутъ дѣти къ умирающему отцу. Давно уже батько Потапъ ходилъ по хутору съ поникшею головой и выражалъ опасеніе общаго всѣмъ имъ несчастія; но лишиться Прокла Прокловича казалось въ Черныхъ Лозахъ дѣломъ неестественнымъ. Уже не было между хуторянами ни одного человѣка, который бы помнилъ его иначе, какъ съ этой длинною сѣдою бородою. Всеобщее довольство и спокойствіе приписывали его святости. Обходя каждый день хуторъ, онъ—казалось—охранялъ его какою-то таинственною силою отъ тѣхъ золъ, о которыхъ доносились туда вѣсти изъ отдаленнаго сосѣдства. Но вотъ нѣсколько дней уже онъ могъ только сидѣть у себя на скамейкѣ. Его отсутствіе чувствовалось тяжело хуторянами; всѣ были приготовлены къ вѣсти о его близкой кончинѣ, и однакожъ эта вѣсть поразила теперь всѣ души, точно какъ-будто никто и не ожидалъ ее. И вотъ обычная тишина, царствовавшая вокругъ ветхаго осѣвшаго домика смѣнилась плачемъ и стонами и жалобными рѣчами. Все очищенное отъ снѣга пространство, на которомъ Прокло Прокловичъ до сихъ поръ кормилъ своихъ пернатыхъ, покрылось молодымъ и старымъ народомъ. На скамейкѣ, гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ, помѣстились теперь двое престарѣлыхъ тіуновъ съ длинными посохами. Они дѣлили народъ на небольшія купы, начиная съ старѣйшихъ семей, и впускали поочередно въ покои Прокла Прокловича.

Тамъ на столѣ стоялъ гробъ, который батько Потапъ много лѣтъ уже показывалъ своимъ сверстникамъ въ одномъ изъ амбаровъ. По обычаю всѣхъ старосвѣтскихъ людей, Прокло Прокловичъ заготовилъ себѣ этотъ, какъ называлъ онъ, *вѣчный домъ*. Кипарисныя доски для него вывезены были откуда-то издалека. Работалъ этотъ домъ собственными руками Прокло Прокловичъ, и всѣ хуторскія женщины хранили отъ него душистыя стружки въ своихъ скрыняхъ съ благоговѣніемъ. Стоялъ вѣчный домъ Прокла Прокловича въ амбарѣ, полный самой чистой, мытой пшеницы. Эту пшеницу ежегодно раздавали убогимъ людямъ, когда молотили новую и, воздавъ Богу благодареніе за продолженіе жизни своего дѣдича, насыпали *домовину* новою пшеницею. Теперь домовина стояла въ свѣтлицѣ и вмѣсто чистыхъ, мытыхъ зеренъ, въ ней лежалъ самъ ея создатель, въ чистой сорочкѣ, съ восковымъ крестикомъ въ рукахъ и съ глазами, закрытыми для всего земнаго. Съ благоговѣніемъ и съ какимъ-то тихимъ страхомъ, подходили къ нему его, какъ онъ называлъ, чада, между тѣмъ какъ

батько. Потапъ измѣнившимся голосомъ читалъ напутственныя молитвы у его изголовья. Двѣ большія свѣчи спорили съ дневнымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь тусклыя, такъ называемыя свертяковыя стекла небольшихъ оконъ свѣтлицы. Ихъ слабый свѣтъ, падая на спокойное, скорбно задумавшееся лицо умирающаго, распространялъ вокругъ него какъ это казалось любящимъ его взорамъ — святое сіяніе. Еслибъ не чтеніе батька Потапа, много бы здѣсь раздалось печальныхъ рѣчей, и похоронный плачъ предупредилъ бы кончину Прокла Прокловича; но святыя словеса, произносимыя благоговѣйно старѣйшимъ и почетнѣйшимъ изъ хуторянъ, превращали для каждаго свѣтлицу въ храмъ, и всѣ приходившіе, сдерживая всхлипыванья, останавливались у гроба въ безмолвіи. На лицѣ Прокла Прокловича написана была какая-то священная тайна, не позволявшая прервать его созерцаніе; но когда батько Потапъ умолкалъ на минуту, онъ открывалъ глаза, и каждому чувствовалось въ его взорѣ что-то такое, какъ-будто онъ проникнулся уже видѣніями иной, вѣчной жизни. Тихо говорили, почти шептали старики, ведя за собой женъ и дѣтей:

— Батько нашъ и пане! благослови насъ и дѣтей нашихъ. И Прокло Прокловичъ простиралъ дрожащую руку надъ головами преклонявшихся передъ нимъ хуторянъ своихъ, и еще тише слышались его слова:

— Господь да благословитъ васъ, чада мои. Живите въ мирѣ и любви, какъ я училъ васъ.

И рука возвращалась къ символу спасенія, какъ бы пугаясь, что на мгновеніе оставила его. И когда наклонялись хуторяне надъ гробомъ, чтобы поцѣловать ее въ послѣдній разъ, рыданія съ неудержимою силою вырывались у стариковъ и молодыхъ. Но батько Потапъ давалъ рукою знакъ удалиться и, возвысивъ голосъ, продолжалъ чтеніе. Святыя словеса опять наполняли свѣтлицу какою-то ужасающею таинственностію и какъ-будто очищали ее отъ всякаго земного звука. Каждая семья набирала мисочку пшеницы, которая еще недавно наполняла кипарисную домовину, а теперь стояла у ногъ Прокла Прокловича въ плетенной изъ соломы стуккѣ,—набирала и тихо удалялась, давая мѣсто другимъ хуторскимъ семьямъ.

Между тѣмъ, какъ въ ветхомъ домикѣ, покрытомъ горбами снѣга съ сіяющими на немъ голубями, совершалось таинство смерти, а хуторяне наполняли все его преддверіе,—на дворѣ появилась группа людей, одѣтыхъ такъ странно, что всѣ обратили на нихъ глаза и каждый спрашивалъ у своего сосѣда, что это за люди?

— Ляхи! Ляхи! слышалось въ толпѣ.— Это Ляхи, что заблудились въ лѣсу и утонули было совсѣмъ въ снѣгу на протокахъ.

А Ляхи между тѣмъ приближались. Ихъ было болѣе десяти че-

ловѣкъ, въ дорогихъ шубахъ, но съ обнаженными головами. Головы были обнажены, не смотря на холодъ, по той причинѣ, что впереди шелъ человѣкъ весь въ черномъ, съ рогатой черной скуфьей на головѣ, и несъ въ рукахъ что-то подобное обыкновенной церковной чашѣ. Слышенъ былъ издали еще колокольчикъ, звякавшій отъ времени до времени какъ-то повелительно. Двое усатыхъ рослыхъ людей, съ обнаженными саблями, шли за черною скуфьею въ видѣ тѣлохранителей. Народъ невольно растулился передъ этою труппою.

— На колѣни! на колѣни, мотлохъ! раздался грозный голосъ одного изъ Ляховъ, казавшагося старшимъ.

Но никто изъ хуторянъ не понялъ, зачѣмъ надобно становиться на колѣни.

— Развѣ не видите, слѣпые схизматики, продолжалъ тотъ же голосъ.— Самъ Езусъ грядетъ въ лицѣ своего служителя!

Имя Езуса не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія, и двое тіуновъ преградили католической процессіи путь, скрестивъ передъ нею свои длинные посохи.

— Люди добрые! сказали они, нашъ панъ и батько вступаетъ на Божію дорогу. — Мы васъ угостимъ и обогрѣемъ въ другомъ мѣстѣ, а ему дайте покой отойти мирно къ отцу своему и Богу своему.

Вмѣсто отвѣта, двѣ обнаженныя сабли пересѣкли скрещенные посохи. Все онѣмѣло отъ ужаса и изумленія. Но тотчасъ поднялся глухой ропотъ, и нѣсколько человѣкъ побѣжало за оружіемъ.

Процессія между тѣмъ продожала свое шествіе ровнымъ, торжественнымъ шагомъ, какъ-будто не произошло ничего особеннаго. Тотъ, кто шелъ впереди, съ лицомъ, немного наклоненнымъ къ чашѣ, какъ бы въ глубокомъ созерцаніи тѣла Христова, имъ несомаго, отличался благородствомъ наружности отъ всѣхъ прочихъ. Правильныя черты немного блѣднаго лица его всѣ были видны, такъ какъ онъ не имѣлъ ни бороды, ни усовъ, а черная одежда еще больше заставляла выступить ихъ строгую и вмѣстѣ задумчивую выразительность. Багровыя физіономіи его спутниковъ, съ длинными усами, побѣленными изморозью, казались, въ сравненіи съ нимъ, чѣмъ-то болѣе низкимъ и какъ-бы служилымъ, хотя въ кругу ихъ старикъ, съ высокою лысиною и съ мужественными чертами лица, отличался такимъ повелительнымъ выраженіемъ, какъ-будто вокругъ него не десятокъ, а много тысячъ подчиненныхъ ему товарищей.

Когда религіозная процессія вступила въ сѣни, духовная особа— очевидно походный капланъ—обратилась къ воинственному старику и сказала попольски:

— Сынъ мой! Господь сего дня даруетъ тебѣ двойную радость: ты узришь своего отца послѣ долгой разлуки, и узришь его возвращен-

нымъ на лоно единой истинной церкви. Покорись, мой сынъ, Христу, какъ ты и прежде всегда и во всемъ ему покорялся: не предупреждай его прихода къ умирающему и не дерзай входить къ нему на ряду съ Богомъ жизни.

Сложивъ на груди ладони и тихо наклонивъ передъ чашею голову, остался сынъ безмолвно ожидать въ сѣняхъ, пока духовный отецъ позволитъ ему увидѣть отца роднаго.

Между тѣмъ къ дверямъ сѣней прибѣжало нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ протазанами.

Старикъ, покрывъ свою голову высокой собольей шапкой съ перомъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу и остановился на порогѣ съ обнаженною саблею. У всѣхъ его спутниковъ также были сабли наголо.

— Люди неразумные! сказалъ онъ,—люди, сидящіе во тмѣ и сѣни смертной! противъ кого это вы вооружаетесь? Неужели сорокъ лѣтъ изгладили въ васъ всякую память о наслѣдникѣ послѣ вашего дѣдича? Батько Антоній! батько Игнатій! обратился онъ къ тіунамъ, которые были впереди мстителей за оскорбленіе гостепріимнаго дома своего патріарха. — Вглядитесь въ мое лицо: я тотъ Владимірко, который, сорокъ лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Харлампіемъ, оставилъ отеческій домъ для подвиговъ христіанскихъ, воинскихъ.

У тіуновъ опустились руки. Въ самомъ дѣлѣ было что-то знакомое въ его лицѣ, и это лицо напоминало даже наружность Прокла Прокловича въ менѣе старые годы его. Но, точно сквозь сонъ, слушали тіуны слова Владимірка. Явись онъ къ нимъ не въ сопутствіи Ляховъ и ихъ священника, — они бы не посмотрѣли ни на его чужеземную одежду, ни на его бритый подбородокъ, по модѣ, которая тогда распространялась уже изъ Европы въ польскомъ рыцарствѣ а равно и между Запорожцами, не отстававшими отъ рыцарскихъ обычаевъ заграничныхъ. Но такимъ же воображали они возвращеніе сына Прокла Прокловича? Онъ явился защитникомъ чужой вѣры и обнажилъ за нее саблю противъ домочадцевъ отца своего. Усвоенныя ими по преданію понятія о вѣрѣ Христовой исключали идею какого бы то ни было боя и насилія за его слово. Они взросли подъ вліяніемъ евангельскаго ученія, которое предавалъ имъ миролюбивый Прокло Прокловичъ. Имъ и въ голову не приходило, что слово Христово у завоевательныхъ народовъ давно уже соединено съ кликами битвы и что во имя великаго учителя любви и милосердія одни народы подавлены другими. Нѣтъ, не вѣрится имъ, чтобъ это въ самомъ дѣлѣ былъ сынъ Прокла Прокловича, — тотъ Владимірко, котораго они воспитали во всякомъ благочестіи, преподаннымъ имъ жизнію ихъ отчича и дѣдича!

— Колибъ ты былъ сынъ нашего дѣдича, сказалъ одинъ изъ тіуновъ,—то не ходилъ бы ты въ походъ съ чужою вѣрою.

— Головы темныя! отвѣчалъ имъ на это Владимірко, уже сѣдой, уже изчерченный морщинами и сабельными рубцами. — Не только свѣту, что въ окнѣ: больше его на дворѣ. Вы свѣковали вѣкъ свой въ Черныхъ Лозахъ, и вамъ сдается, что весь міръ у васъ долженъ всему учиться. А я, милостію Божіею, прошелъ многія земли и моря, и научился истинѣ у ея источника.

Дивились его словамъ тіуны; дивился и весь народъ, стоявшій густой стѣной вокругъ прысѣнокъ низкаго, высококровельнаго домика. Но не легко было преодолѣть сомнѣніе людей, воспитанныхъ только обычаемъ и преданіемъ. Не допускали они мысли, чтобы гдѣ бы-то ни было на землѣ больше было правды Божіей, чѣмъ подъ кровомъ ихъ патріарха, а вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрили и въ то, чтобы передъ ними стоялъ наслѣдникъ Черныхъ Лозъ. Ничего для нихъ не могло бы быть радостнѣе, какъ возвращеніе одного изъ сыновей Прокла Прокловича въ такую минуту. Но уже одно то обстоятельство, что сынъ не бросился къ умирающему отцу, давало имъ чувствовать, что онъ не тотъ, за кого выдаетъ себя; и не будь они такъ долго подчинены кроткому и терпѣливому обычаю своего патріарха, не стали бы они больше слушать странныхъ рѣчей страннаго Ляха.

Между тѣмъ, какъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ необычайностію случая, держали толпу въ оцѣпенѣніи, преобразившійся въ теченіе сорока лѣтъ Владимірко продолжалъ рѣчь свою, поставивъ поперекъ двери саблю, остріемъ къ служителямъ. Въ этой позиціи, онъ являлся достойнымъ поборникомъ католичества, на которое, какъ видно, промѣнялъ вѣру отцовъ своихъ, — того католичества, которое въ это время начало уже обходить кругомъ шаръ земной, открывая путь разумѣнію Евангелія не столько проповѣдью, сколько огнемъ и желѣзомъ.

— Люди вы, малымъ чѣмъ возвышенные надъ слѣпыми язычниками! такъ говорилъ онъ. — Господь посылаетъ къ вамъ свѣтъ истины послѣ долгихъ вѣковъ заблужденія, и потому внимайте словамъ моимъ, разумѣйте волю Божію и покоряйтесь тому, съ кѣмъ Богъ и его сила. Вышелъ я изподъ этого крова такимъ же, какъ и вы, темнымъ невѣждою и, промысломъ Всевышняго, очутился въ братствѣ Запорожскомъ, которое воюетъ съ врагами святого креста на сушѣ и на морѣ. Но это братство — слѣпая сила, созданная только на то, чтобы служить силѣ разумной — польскому рыцарству. Не разумѣлъ я этого въ началѣ, какъ и оно не разумѣетъ; но Господь вразумилъ меня дивнымъ путемъ своимъ. Скоро я очутился въ плѣну у невѣрныхъ Турокъ; и посадили меня Турки въ башню съ польскими великими рыцарями; и, во время сидѣнія нашего въ неволѣ, вразумили меня эти истинно-христіянскіе воины въ истинное ученіе вѣры; и одинъ изъ нихъ полюбилъ меня, какъ родного сына, и, выкупаясь на волю

у Турокъ, выкупилъ и меня съ собою; и былъ я съ нимъ въ Римѣ, гдѣ сидитъ на престолѣ глава всего христіянства, святѣйшій отецъ вселенскій, и изъ Рима повелѣваетъ всѣми земными царями. Отъ моря до моря, отъ предѣловъ до предѣловъ вселенныя, все покорится ему, всѣ цари и народы творятъ волю его. Не покоряется только султанъ цареградскій, да самодержецъ московскій; и за то Господь караетъ ихъ земли войнами кровавыми, гладомъ великимъ и смертоносными повѣтріями. Но воздвигъ уже Господь вождя для покоренія этихъ владыкъ строптивыхъ подъ ноги святѣйшаго отца. Сохранилъ онъ дивнымъ промысломъ сына московскаго самодержца Іоанна и ввѣрилъ его охраненію и защитѣ великаго короля польскаго. Уже Димитрій поклоняется истинному христіянскому Богу, какъ всѣ великіе цари на югѣ и на западѣ, и ведетъ польское рыцарство на обманщика и тирана Бориса. И скоро настанетъ время, когда въ Москвѣ возсіяетъ свѣтъ правой вѣры католической, и двинется Москва вмѣстѣ съ другими народами на невѣрныхъ Турокъ и погаситъ до конца тьму невѣрія. Тогда на всей землѣ будетъ единъ пастырь и едино стадо. Вотъ съ какою вѣстію воротился къ вамъ наслѣдникъ Черныхъ Лозъ; а вы, неразумные, темные люди заставили его обнажить саблю подъ родительскимъ кровомъ. Узнавъ, что мой отецъ умираетъ безъ спасительнаго напутствія, я прежде всего позаботился объ его душѣ и привелъ къ нему служителя Христова съ святыми тайнами; а вы, неразумные рабы, заградили къ своему господину путь самому Христу.

Не извѣстно, что отвѣчали бы на это тіуны, а за ними и весь народъ, еслибъ имъ не помѣшали вопли, раздавшіеся въ свѣтлицѣ. То былъ старческій плачъ батька Потапа, возвѣстившій кончину Прокла Прокловича. Все пришло въ смятеніе. Владимірко машинально вложилъ въ ножны саблю. Мимо него началъ толпиться въ свѣтлицу народъ, и долго онъ стоялъ съ своими ляхами, оттѣсненый въ уголъ родительскихъ сѣней, въ которыхъ ничто не измѣнилось въ теченіе сорока лѣтъ, кромѣ развѣ того, что они сдѣлались ниже и замѣтно обветшали. Не возможно было и думать протѣсниться въ свѣтлицу. Только, превосходя всѣхъ ростомъ, Владимірко видѣлъ черезъ головы, горѣвшія тамъ свѣчи и въ углу оттѣсненнаго такъ же, какъ и онъ, походнаго каплана, передъ которымъ сверкали двѣ сабельныя полосы. Надобно было переждать первый порывъ общаго горя и тогда ужъ думать о своихъ сыновнихъ и наслѣдственныхъ правахъ. Но тяжело было ему оставаться въ разлукѣ съ отцомъ подъ роднымъ кровомъ. Собственный народъ, собственные подданные отдѣляли его отъ родительскаго гроба. Забылъ онъ въ это время и о томъ, что отецъ его не принятъ на лоно истинной, по его убѣжденію, церкви, и о томъ, что въ лицѣ каплана, едва дышащаго въ углу свѣтлицы, оскорблена

религія, которой онъ былъ преданъ съ ревностью новообращеннаго. Имъ овладѣло глубокое природное чувство: онъ жаждалъ поклониться отеческому гробу и поцѣловать святыя для него мощи. Возвыся голосъ и покрывъ общій плачъ, онъ закричалъ какимъ-то и повелительнымъ и молящимъ голосомъ:

— Добрые люди! пропустите сына! пропустите сына къ отцу!

Эти слова поразили всѣхъ; всѣ глаза обратились въ ту сторону, откуда летѣли многозначительные въ такую минуту звуки, и ни одна душа не усомнилась въ правахъ Владимірка. Остановилась давка; отхлынулъ народъ изъ сѣней; очистилась дорога въ свѣтлицѣ. Переступя черезъ порогъ, Владимірко упалъ на полъ, будучи подавленъ наитіемъ или воскресеніемъ чувствъ, которыя родились и вкоренились въ его сердцѣ посреди этого народа, въ этихъ самихъ стѣнахъ на отеческомъ лонѣ. Онъ всталъ, и его мужественное лицо было облито крупными слезами. Да, не напрасно кто-то сказалъ, что если бы и камень возвратить на его родное мѣсто черезъ много лѣтъ послѣ пребыванія на чужбинѣ, то и камень заплакалъ бы человѣческими слезами. Когда увидѣли тіуны, да и самъ батько Потапъ, какъ эти слезы омываютъ неподвижныя руки Прокла Прокловича, — они признали пришельца своего Владимірка и, подойдя къ нему, поклонились ему до земли. Повернувшись отъ отца къ его вѣрнымъ слугамъ, онъ поднялъ ихъ ласково и позволилъ имъ поцѣловать свою руку.

Надгробное рыданіе смѣшалось въ народѣ съ говоромъ о странной новости; но въ этомъ говорѣ не было слышно ничего радостнаго. Сами тіуны, отдавъ долгъ подданства новому дѣдичу, тутъ же объявили хуторянамъ, что панъ Владимірко — »не наша вѣра.« Эти слова заставили всѣхъ на минуту умолкнуть, а послѣ молчанія поднялся еще болѣе громкій плачъ о покойномъ.

На самого Владимірка они произвели странное дѣйствіе. Горесть его уступила мѣсто тайной досадѣ и какой-то злобѣ, — на кого и за что, онъ покамѣсть не отдавалъ себѣ отчета, но глаза его инстинктивно обратились къ прелату.

Тотъ не сводилъ съ него глазъ и слѣдилъ за всѣми его движеніями. »Оставь мертвымъ погребсти своя мертвецы и гряди вслѣдъ до мнѣ«, сказалъ онъ ему полатынѣ.

Наслѣдникъ Черныхъ Лозъ сдѣлалъ повелительный жестъ; ему дали дорогу. Онъ подошелъ къ своему походному каплану и преклонилъ предъ нимъ колѣно.

Капланъ величественно поднялъ надъ нимъ чашу обѣими руками и проговорилъ какъ въ церкви: Te Deum laudamus.

Поняли всѣ католики торжество каплана, который увидѣлъ своего патрона неоспариваемымъ обладателемъ имѣнія въ госу-

царствѣ, долженствующемъ увеличить могущество всемірной папской имперіи, и въ одинъ голосъ запѣли Te Deum laudamus.

Все отступило отъ нихъ въ безсознательномъ страхѣ. Побѣдоносно выступилъ впередъ служитель алтаря, въ сопровожденіи двухъ обнаженныхъ сабель; за нимъ двинулся новый дѣдичъ съ своими неотступными спутниками, и всѣ вышли изъ свѣтлицы въ другую комнату.

Тамъ капланъ поставилъ чашу на столѣ и преклонилъ передъ нею колѣно. Всѣ провожавшіе его опустились также на колѣни, кромѣ двухъ усачей съ обнаженными саблями, которые остановились одинъ противъ другаго по обѣ стороны стола. Капланъ началъ служить короткую походную мшу. Усердно вторили ему предстоящіе, и молитвы ихъ сопровождались знаками глубокаго благоговѣнія. Но голоса священника и его клира заглушалъ надгробный плачъ и причитанья въ сосѣдней комнатѣ. Въ этихъ причитаньяхъ вспоминались добрыя дѣла усопшаго и выражалось безпокойство объ участи осиротѣвшихъ его дѣтокъ, какъ называли себя всѣ обитатели Черныхъ Лозъ. »Вернулся къ тебѣ сынъ твой, слышно было между причитаньями, но привезъ чужую вѣру и польскій обычай. А ни съ нимъ Богу молиться, а ни съ нимъ хлѣбомъ-солью дѣлиться. Хочетъ онъ всю нашу землю православную запродать неправедному королю польскому, да окаянному папѣ римскому. Погубилъ онъ свою душу, и насъ приведетъ къ вѣчной погибели.«

Эти слова были разслушаны католиками явственно, по окончаніи мши, и капланъ, въ видѣ проповѣди, сказалъ:

— Слышишь ли, вельможный панъ, хулу нечестивой схизмы противъ святѣйшаго отца и правой вѣры? Воспріими власть, данную тебѣ Богомъ въ родительскомъ домѣ, и очисти его отъ всякаго нечестія. Пусть лучше царствуетъ въ немъ безмолвіе смерти, чѣмъ допускать полуязыческую тризну въ присутствіи служителя единой истинной вѣры и ея воинственныхъ защитниковъ.

Уже пересозданный въ чужихъ краяхъ Владимірко перешагнулъ черезъ порогъ, чтобы исполнить внушеніе духовнаго своего пастыря; но на другомъ порогѣ свѣтлицы появился извѣстный намъ запорожскій атаманъ Дожени-Каторга, и онъ узналъ въ немъ своего меньшаго брата.

Запорожецъ, казалось, не видѣлъ его и такъ же, какъ и онъ, палъ на лицо свое передъ гробомъ отца; но когда поднялся, глаза его были сухи. Не умѣлъ степной рыцарь ни плакать, ни выражать горесть какими бы то ни было движеніями и трогательными словами. Онъ подошелъ къ покойнику, склонился надъ нимъ и смотрѣлъ на него съ любовью, какъ на спящаго.

— Добридень, тату, тобі въ хату! сказалъ онъ тихо и поцѣловалъ отца въ руку и въ уста. — Не скоро вернулся къ тебѣ сынокъ твой,

ю, слава Богу, увидѣлъ твое лицо святое. Блаженную кончину далъ тебѣ Господь: въ тишинѣ и долгоденствіи успокоился ты. А я, тату, носился по житейскому морю и натерпѣлся всякихъ напастей. Искупилъ я свою вину передъ тобою. Теперь Господь меня помиловалъ и вернулъ подъ родную крышу. Почивай же панотченьку праведнымъ сномъ, да и меня поджидай къ себѣ на покой вѣчный.

Послѣ этого онъ поклонился на три стороны и сказалъ:

— Здорові бувайте батьки мої Потапе, Харитоне, Антоне, Игнате, Сидоре! Бувайте здорові и ви, мої братья рідні! Привелъ меня Господь видѣть и привѣтствовать васъ въ отцовскомъ домѣ.

Во все это время присутсвовавшіе хранили глубокое молчаніе, будучи поражены необычайнымъ явленіемъ запорожскаго рыцаря, въ которомъ старые люди видѣли что-то родное, но не рѣшались предаться своей радости. И вдругъ все собраніе заволновалось. Батьки Черныхъ Лозъ признали въ новомъ гостѣ меньшаго сына Прокла Прокловича и зарыдали, какъ малыя дѣти, бросившись въ его объятія. Прочіе тѣснились вокругъ него и старались поцѣловать хоть край его одежды.

Но не расчувствовался ни мало козацкій отаманъ, и на порывъ радости, выражавшійся слезами, смотрѣлъ съ видимымъ неудовольствіемъ. У нихъ въ Сѣчѣ не такъ привѣтствовали бы дорогого гостя, хотя бы то былъ и самъ гетманъ Кішка Самійло, который пятьдесятъ лѣтъ погибалъ въ турецкой каторгѣ и вдругъ появился среди братчиковъ съ войсковою корогвою, которую онъ сберегъ въ своей неволѣ. У нихъ въ Сѣчѣ слѣдовало бы принять его такъ, какъ будто онъ пробылъ въ отсутствіи только мѣсяцъ; у нихъ самыя сильныя чувства слѣдовало выражать самымъ спокойнымъ тономъ. Поэтому онъ позволилъ обнимать себя хуторянамъ батькамъ и плакать на своихъ плечахъ и рукахъ только одну минуту; потомъ встрепенулся и такъ сказать стряхнулъ ихъ съ себя, какъ сухія листья.

— Годі! вскричалъ онъ громовымъ голосомъ, очищая передъ собой пространство обѣими руками.— Годі плакать, батьки! не томите дѣтскимъ плачемъ души усопшаго! О чемъ плачете? Посѣяли зерно пшеничное, чистое, драгоцѣнное передъ Господомъ, да и расплакались! А зерно процвѣтетъ пышнымъ колосомъ на небесахъ и возвеселитъ всѣхъ ангеловъ. Всѣ мы на то живемъ, чтобъ умирать, да не всѣ умремъ такъ непорочно и свято, какъ мой панотецъ. Радоваться надо, а не плакать надъ его домовиною. Перестаньте всхлипывать, кто хочетъ видѣть и слышать меня! Не терпитъ моя душа бабьихъ слезъ и воздыханій!

Поражены были всѣ хуторяне страннымъ въ ихъ глазахъ поведеніемъ меньшого сына своего Прокла Прокловича, и стояли передъ нимъ батьки хуторскіе, какъ неразумныя дѣти. А онъ, расправивъ усъ

и, закинувъ за ухо растрепавшуюся сѣдую чуприну, положилъ лѣвую руку на саблю, а правую простеръ къ слушателямъ и, точно посреди своего сѣчеваго товариства, началъ ораторствовать громовымъ голосомъ:

— Честная громадо! Сто и двадцать лѣтъ прожилъ блаженный мой отецъ въ страхѣ Божіемъ и во всякомъ благочестіи. Воспиталъ онъ двоихъ сыновей въ законѣ Господнемъ, въ святой восточной вѣрѣ. Открылъ ему Господь въ писаніи своемъ многія тайны житія человѣческаго, но одной не открылъ; одну тайну предположилъ онъ явить намъ, дѣтямъ его. Дивнымъ своимъ промысломъ извелъ онъ насъ изъ этой тихой пустыни, невѣдомой многомятежному свѣту и, самый грѣхъ непокорности волѣ родительской обратилъ намъ въ побужденіе къ святымъ подвигамъ. Были мы на морѣ,—духомъ бурнымъ искушалъ онъ и загартовывалъ наши сердца. Воевали мы на землѣ,—огнемъ и блестящимъ передъ глазами оружіемъ утверждалъ онъ помышленія наши. Готовилъ онъ насъ къ великому дѣлу всѣми путями. Потомъ предалъ насъ въ неволю народу невѣрному, чтобъ основать нашу жизнь на камнѣ вѣры незыблемомъ. То была послѣдняя проба, и выдержалъ ее до конца только одинъ братъ. Другого совратили лукавые римляне, искусили панствомъ великимъ, прельстили обладаніемъ земли и людей, на ней живущихъ; мужественный духъ его направили не къ утвержденію святого православія, а къ подпорѣ лукавого латинства...

Но тутъ онъ былъ прерванъ голосомъ старшаго брата. Во все время, какъ онъ привѣтствовалъ усопшаго отца, здоровался съ хуторянами и держалъ рѣчь къ нимъ, Владимірко стоялъ неподвижно у дверей, точно очарованный могущественнымъ видомъ своего брата и его оригинальными словами; но когда коснулся онъ различія вѣроисповѣданій, невольныя судорги подергивали прозелита-католика. За нимъ стоялъ капланъ и всѣ его спутники, дивуясь неожиданному появленію Запорожца въ новомъ шляхетскомъ владѣніи. При словахъ *лукавые римляне*, рука Владимірка тяжело опустилась на эфесъ сабли и произвела звукъ, который заставилъ всѣхъ хуторянъ посмотрѣть въ ту сторону. Запорожецъ не шевельнулъ и бровью на этотъ угрожающій знакъ и продолжалъ свою энергическую рѣчь самымъ покойнымъ голосомъ, безъ всякихъ ораторскихъ тѣлодвиженій, какъ-будто говорилъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Еще нѣсколько словъ—и Владимірко сдѣлалъ шагъ впередъ, но что-то его останавливало... Тогда прелатъ, наклонясь немного къ его уху, проговорилъ полатыни въ полголоса: «проклятъ, проклятъ человѣкъ, слышащій хулу церкви апостольской и боящійся омочить мечъ въ крови нечестивыхъ!»

Какъ электричество, потрясли эти слова Владимірка. Онъ сдѣлалъ еще одинъ такъ называемый у поляковъ марсовскій шагъ, и повелительнымъ голосомъ закричалъ:

— Остановись, или погибнешь отъ руки защитника той церкви, которую ты осмѣливаешься порицать въ присутствіи вѣрующихъ!

Спокойно повернулъ къ нему голову запорожскій рыцарь и отвѣчалъ голосомъ, ниже того, которымъ онъ говорилъ къ хуторянамъ. Точно огромная труба ронотала, и было что-то болѣе грозное въ его пониженномъ цѣлою октавою басѣ, чѣмъ въ фанатическомъ крикѣ его брата.

— Знаю и вижу, что ты здѣсь, отступникъ вѣры отца своего. Знаю, что ты, во имя своей церкви, готовъ пролить кровь брата надъ отеческимъ гробомъ. Зналъ я обо всемъ, что ты дѣлаешь здѣсь съ своими ляхами, лишь только перешелъ черезъ затокъ. Одинъ я перешелъ, оставивши братчиковъ по ту сторону, но не воротился къ нимъ за подмогою. Моя подмога — всѣ хуторяне. Махну рукою — и какъ вихремъ снесутъ васъ всѣхъ съ лица земли. Но не такъ поступаетъ въ отеческомъ домѣ запорожскій рыцарь. А вы, ляхи, поступайте по своимъ ляцкимъ обычаямъ. Я никому не велю защищать меня. Одинъ стану противъ всѣхъ васъ. Нападайте! (и онъ обнажилъ саблю и отступилъ къ стѣнѣ.) Нападайте! чего испугались? Если суждено мнѣ пасть, значитъ—не суждено мнѣ исполнить великое дѣло, для котораго я вывелъ изъ славной Сѣчи свое товариство; а умирать—равно мнѣ умирать, когда бы то ни было, лишь бы умереть честно, за вѣру отцовъ своихъ и за святую правду казацкую. Послѣднее слово мое будетъ всегда одно и тоже: что вы, ляхи, живете лукавствомъ, и вѣра ваша лукавая и церковь ваша держится обманомъ.

— Пользуйся дорогимъ мгновеніемъ! проговорилъ полатынѣ прелатъ. — Иначе — потеряешь достояніе свое на родинѣ и дашь нечестивому фанатику силу вредить апостольскому дѣлу христіанской шляхты польской.

— Съ нами Богъ и благословеніе намѣстника Христова! воскликнулъ Владиміръ, сверкнувъ саблею. — Панове, заслоните тылъ.

Въ одно мгновеніе воинственная шляхта построилась въ боевой порядокъ, и еслибы хуторяне напали на нее съ своими протазанами, луками и рогатинами, то и тогда бой оставался бы долго сомнительнымъ. У каждаго черезъ плечо висѣлъ мушкетъ; каждый обвѣшанъ былъ пистолетами; изподъ шубъ сверкали дорогія кольчуги. Посреди грознаго отряда помѣстился прелатъ и, поднявъ кверху крусификсъ, возопилъ громкимъ голосомъ полатынѣ: «Кто любитъ отца или мать или брата или сестру паче мене, нѣсть мене достоинъ!»

Вслѣдъ за этими великими и святыми словами, звякнули братнія сабли.

Запорожецъ стоялъ, какъ сражающаяся машина. На лицѣ его выразилось такое грозное, никѣмъ невиданное спокойствіе, которое для

человѣка обыкновеннаго было бы страшнѣе всякой ярости. Но Владимірко былъ воинъ необыкновенный и одушевляемый фанатизмомъ, ничего не видѣлъ передъ собой, кромѣ могущественной сабли, которая осыпала искрами обоихъ сражающихся. Не одинъ онъ сражался противъ брата. Три сабли разомъ падали на Запорожца, какъ три молота на наковальню. Но эти молоты, можно сказать, ковали молнію: точно молнія, извивалась подъ ударами турецкая, добытая въ Дамаскѣ сабля, и вдругъ одинъ клинокъ звеня полетѣлъ черезъ головы нападавшихъ. Обезоруженный, казалось, могъ бы выхватить изъ-за пояса пистолетъ и послать пулю въ лобъ Запорожцу; но рыцарскія правила шляхты были для нея священны, какъ и сама религія. Тяжелый чеканъ замѣнилъ саблю; но и чеканъ скользилъ по воздуху, какъ будто запорожскаго рыцаря защищала непроницаемая ледяная глыба.

— Щожъ васъ тілько трое! крикнулъ онъ:—прибавьте четвертого! Не защищайте боковъ и тылу; никто не тронетъ васъ.

И въ самомъ дѣлѣ зрители какъ-будто окаменѣли. Быстрота дѣйствія, необычайность случая и дивная, какъ-бы сверхъ-естественная сила запорожскаго рыцаря всѣхъ ошеломили. Но уже въ тылу видны ему черезъ головы противниковъ махающіе бердыши.

— Не мѣшайтесь, не мѣшайтесь въ судъ Божій! закричалъ Запорожецъ, и эти слова, или, можетъ быть, пистолетныя дула и угроза открыть пальбу, остановили защитниковъ.

— Да поразитъ виновного Божія правда! прогремѣлъ еще разъ голосъ отамана Дожени-Каторга, и вмѣстѣ съ голосомъ полетѣлъ ударъ, отъ котораго точно колосъ отъ вѣтра, отклонилась всторону сильная сабля въ рукѣ Владимірка и рука повисла, едва удерживая рукоятку. Брызнула кровь и залила его сосѣда, надъ которымъ уже вилась молніею дамаская сталь. Раненный отступилъ въ то же мгновеніе, и его мѣсто занялъ другой.

— Остановитесь! закричалъ Владимірко.— Не честно нападать въ тремъ на одного, и Господь вооружилъ его руку тройною силою. Пощадимъ шляхетскую кровь для лучшаго дѣла. Наше дѣло предводительствовать войскомъ, а не сражаться рукопашнымъ боемъ. Гоноръ выше всего.

— Гоноръ выше всего! загремѣли голоса шляхты, и она отступила, какъ одно тѣло, стройно движущееся всѣми своими членами.

— Церковь выше гонора! возопилъ прелатъ, поднявъ надъ головой круцификсъ. — Отступимъ, чтобы остановить дорогую для насъ кровь вельможнаго нашего пана и милостиваго добродѣя, но будемъ готовы во всякое время дня и ночи поднять оружіе за достоинство единой истинной вѣры.

— О нечестивый языкъ! говорилъ въ отвѣтъ на это побѣдитель,

отирая полою кровавую саблю. — Слово твое пролило братнюю кровь рукою брата. А сколько-жъ крови разлилось по Украинѣ черезъ такихъ ядовитыхъ обманщиковъ!

При этихъ словахъ Дожени-Каторка поникнулъ головою, такъ что его бѣлые усы легли на богатырскую грудь.

— И долго, долго еще будетъ она литься продолжалъ онъ, — пока вы всѣ не утонете въ кровавомъ морѣ!

Опершись обѣими руками на обнаженную саблю, онъ проводилъ глазами отступавшихъ въ другую комнату ляховъ, потомъ вложилъ саблю въ ножны и затворяя за ними дверь, сказалъ:

— Сидите-жъ теперь, ляхи, смирно, а то мои братчики въ одну минуту разнесутъ васъ по суставамъ!... Батько Потапе! поди проводи въ хуторъ мое товарищество. Возьми мой знакъ. (Онъ снялъ съ себя турецкій поясъ.) Пускай панове молодці идутъ на похороны къ моему панотцу. Сдѣлаемъ ему честные рыцарскіе похороны, съ казацкими играми, стрѣльбою и жалобными пѣснями.

Когда батько Потапъ удалился, запорожскій отаманъ велѣлъ подать себѣ Псалтирь, помѣстился у изголовья отца своего и началъ заупокойное чтеніе посреди народа, который не могъ еще опомниться послѣ того, чему онъ былъ свидѣтелемъ въ тихихъ, до сихъ поръ безмятежныхъ Черныхъ Лозахъ.

П. Кулишъ.

29 іюля, 1862.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ: СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО

ВОЛОДИМІРА.

I.

МАТЕРЬ СОЛНЦА.

Настала четвертая недѣля изока и третій день той недѣли кончался.

Вечерніе лучи солнца, пуками золотыхъ стрѣлъ, пронзали темно-зеленую густоту сосноваго бора, покрывавшаго вершину Щековицы и упивались въ мрачную высокую могилу Вѣщаго, чернѣвшуюся въ густотѣ бора. Длинная тѣнь отъ Щековицы падала, сумрачнымъ покровомъ, на лежавшія внизу ея *болонье* и *подоліе*, усѣянныя озерцами и покрытыя яркою зеленью ситняча и тростника. Вдали отъ могилы Вѣщаго, лучи солнца безпрепятственно уже стремились въ голубомъ небесномъ пространствѣ, упивались въ возвышенность Ольжина града и заливали его золотисто-пурпурнымъ свѣтомъ. На пространствѣ, между градомъ и до высотъ Кіевскихъ, извивались р. Днѣпръ и Ручай, какъ развернутые куски цареградской серебристо-золотой паволоки.

Пожаромъ горѣли стекольчатыя рамы въ каменномъ теремѣ великой княгини и стѣна самого терема, обращенная къ заходу, вполнѣ освѣщалась, а другая, составлявшая съ освѣщенною уголъ, чернѣлась и заслонялась потемнѣвшими отъ времени низенькими, кое-какъ сколоченными строеніями града, прятавшимися за окружавшую ихъ черную земляную насыпь, по гребню которой торчалъ, сплошными рядами, высокій частоколъ.

За каменнымъ теремомъ лучи солнца падали на деревяннаго болвана, окрашеннаго красною краскою, возвышавшагося надъ горою, у Боричева спуска. Отъ Боричева на полдень, и до аскольдовой могилы и далѣе, лучи солнца падали на безпредѣльное пространство дремучаго бора, покрывавшаго высоты и яруги и освѣщали ихъ кудрявыя зеленыя вершины. На восточномъ откосѣ горы Кія, извивавшееся путище Боричевъ и отдѣльныя деревеньки *Паслинча-бесѣда* и *Коvары* были уже объяты вечернимъ сумракомъ, который обливалъ и едва замѣтную отъ пристани, чернѣвшуюся ветхую, деревянную церковь св. Иліи, или какъ язычники говорили — христіанскаго перуна, отражавшуюся въ спокойномъ зеркалѣ водъ Ручая.

У пристани, на Ручаю и за нею вдоль всего берега и по опушкѣ бора, до высоты аскольдовой могилы, замѣтна была необычайная суета молодаго люда, а въ особенности красныхъ дѣвицъ, коихъ многія сотни тащились по берегу и разсыпались въ лѣсной чащѣ. Всѣ онѣ были съ распущенными косами, въ вѣнкахъ изъ зелени и цвѣтовъ. Видно было, что предстояло совершеніе какого-то особо чтимаго народомъ идольскаго требища.

Вдоль по берегу Ручая и далѣе Днѣпра, челядины старательно готовили большіе клади. Въ толпѣ видѣлись старики, мужи и разныхъ должностей люди, *чадь* и *мечники* и *гридни* и *пасынки* и *отроки* и *дѣтскіе* и *юноши*. Былъ здѣсь Иворъ, подписавшій миръ съ греками, былъ Улебъ, Володиславль, Простѣнъ и Якунъ, Улебъ и

Свянъ и много другихъ мужей. Почти не было женъ и матерей. Мущины были въ праздничныхъ портахъ. Многія дѣвицы безъ эонничцъ, въ холстинныхъ срачицахъ, а которыя побѣднѣе — въ крапивныхъ. Почти у всѣхъ дѣвицъ подницы были праздничныя и красиво поднятыя къ поясу, такъ что обнаженныя ноги ихъ, видны были выше колѣнъ. Золотыя и серебряныя серги въ ушахъ, у многихъ же на рукахъ выше локтей и на ногахъ ниже колѣнъ, были надѣты крученые металическіе и стекляные обручики, представлявшіе видъ змѣекъ.

Длинные лучи солнца, мало по малу сокращались, рѣдѣли и потомъ совершенно исчезли. Золотистая заря разлилась по западу и то не надолго. Упоительная вечерняя прохлада, а съ нею и сумракъ— увеличивались. Уже ближайшія окрестности терялись во мглѣ. Лѣса на вершинахъ холмовъ казались громадными, черными стѣнами вѣковой твердыни. Въ сумракѣ, по берегу, раздавались громкіе восторженные крики и говоръ тысячи голосовъ юношей и дѣвицъ. По временамъ, въ чащѣ лѣса, проносился отрывистый звукъ *сопѣлы* или звонкой напѣвъ обрядной пѣсни. Звуки эти разносились въ бору, эхо имъ вторило и замирали они на водахъ уснувшаго Днѣпра и Ручая. Вдругъ, вдоль всего берега запылали сотни кладей и освѣтились ближайшія къ нимъ группы вѣковыхъ сосенъ и густая зелень ихъ пушистыхъ вѣтвей. Освѣтились огнями золотисто-пещаные берега Почайны и Днѣпра. Шумъ, крикъ, говоръ и смѣхъ усилились. Толпы дѣвицъ группировались вокругъ огней и расходясь по чащѣ лѣса, исчезали въ темнотѣ и густотѣ.

Дѣвичій голосъ, — голосъ звонкій, чистый, пріятный раздался среди чащи бора и пронеслась пѣснь въ честь *Лады* и красныя дѣвицы и юноши засуетились, быстро сбѣжались къ кострамъ и взявшись за руки въ кругъ, начали, подъ пѣсни, неистово плясать въ честь богини *Лады*. То кружились они въ одну сторону, то въ другую, то выбѣгали дѣвицы изъ круга и юноши ихъ догоняли, то обратно дѣвицы догоняли юношей. Во время пляски, двое юношей вынесли изъ чащи лѣса уродливое чучело. Дѣвицы, распаленныя плясками, увидѣвъ его, въ неистовомъ восторгѣ закричали: *Марà*, неумолкаемо хохотали и плескали въ ладоши. Пляски ихъ были порывисты и сладострастны.

Сотни юношей присоединилось къ принесшимъ *Мáру*, и, поднявъ чучело вверхъ, толпа эта, торжествуя, понесла его вдоль берега. Съ криками восторга и громкими припѣвами останавливались они у каждаго кладня. Плясавшія дѣвицы, издали еще завидѣвъ чучело, приходили въ неистовый восторгъ. Съ громкимъ крикомъ слово: *марà, марà, марà*, повторялись тысячи разъ. Хохотъ, хлопаніе въ ладоши и сладострастныя позы въ пляскахъ, казалось не имѣли предѣла.

Сопровождавшіе чучело *Мару*, держали въ рукахъ большія древесныя вѣтви.

Въ то время, когда совершалось торжественное несеніе чучела вдоль берега, челядины начали приносить огромныя куфы, наполненныя медомъ. Челядины же приносили судины и турьи рога, и, вмѣстѣ съ куфами, клали ихъ у корней деревъ, близъ того мѣста, у котораго Ручай, впадая въ Днѣпръ, образовывалъ пространную пещаную косу.

Безъ устали пляшутъ и поютъ красны дѣвицы и юноши, а въ чащѣ бора, за пнями вѣковыхъ сосенъ, собралось множество пожилыхъ людей, кои по своимъ лѣтамъ стыдились принимать особое участіе въ любимомъ народномъ праздненствѣ. Потухавшіе отъ старости, но еще раскаленные сладострастными движеніями полуобнаженныхъ красныхъ дѣвъ—взоры старцевъ упивались въ нихъ, и прельщали ихъ полныя плечи, и груди и тонкіе станы и стройныя руки и полуобнаженныя ноги, изъ приподнятыхъ къ самымъ поясамъ поднйцъ.....

Обнесши чучело вокругъ каждаго и всѣхъ кладей, юноши возвратились съ нимъ на пещаное пространное прибережье. Въ мигъ сбѣжался къ чучелу весь торжественный людъ, всѣ дѣвицы плясавшія у костровъ. Дѣвицы бѣжали даже вслѣдъ несшихъ *Мару* и припѣвали:

Ладо лели, дада Ладо!

Поставили чучело среди пещаной отмѣли, на высокое, заранѣе приготовленное *стояло*, украшенное зелеными вѣтвями и вѣнками и пучками цвѣтовъ. И составился вокругъ чучела огромный хороводный кругъ дѣвицъ и юношей. Занѣли пѣсни, пошатываясь то въ одну, то въ другую сторону, но стоя на своемъ мѣстѣ, участвовавшіе въ кругу, потомъ быстро всѣ закрутились въ лѣвую сторону, потомъ въ правую; не только что съ громкими припѣвами, но съ сильнымъ крикомъ, насмѣшливо коверкаясь и сладострастно приплясывая, желая высказать какое отвращеніе и пренебреженіе къ чучелу. — Того требовало идольское вѣрованіе.

Челядины не жалѣли бросать въ костры большое количество сухихъ вѣтвей и огни ярко пылали. Картина мѣстности и праздненства, по истинѣ была вполнѣ языческая — упоительно сладострастная.

— Алла, схватимъ Мару! — произнесла дѣва, у которой русая коса волнисто ниспадала до колѣнъ. Лебединая ея шея, прекрасныя полныя руки, и стройныя ноги, обнаженныя до колѣнъ, представляли пластическую красоту. Приподнятая къ верху, вишневаго цвѣту, наволочная поднйца, протканная золотыми нитями, на головѣ роскошный вѣнокъ изъ зеленаго барвинка, съ бѣлыми, какъ бы жемчужными, ягодами, въ ушахъ витыя длинныя золотыя серги, а выше

локтей и на голеняхъ золотыя обручи, составляли нарядъ этой дѣвы. Олель была восхитительно хороша: росту довольно большаго, лицо овальное, казавшееся отъ огня и усиленныхъ движеній смугловатымъ, оно было исполнено страсти и восторга. Пылавшій во всю щеку румянецъ, алыя губы и темноголубые глаза, осѣненные густыми нависшими рѣсницами, довершали ея *древлянскую* красоту. *Древлянскую* потому, что Олель была плѣнница великой княгини. Среди самого боя, съ лукомъ въ рукѣ, направленнымъ пустить ядовитую стрѣлу въ грудь одного изъ приближенныхъ мужей къ великой княгинѣ, она была схвачена Свѣнельдомъ и привезена, въ числѣ прочей военной добычи, въ Кіевъ. Отецъ Олели, въ землѣ древлянской, былъ извѣстнымъ воителемъ и мужемъ совѣта; но посланный въ Кіевъ къ великой княгинѣ, погибъ въ ямѣ, ископанной за теремомъ великой княгини, вмѣстѣ съ прочими послами древлянскаго князя Мала.

— Схватимъ Олель! Радостно отвѣтила Алла, коей очень по сердцу пришлось предложеніе Олели.

Алла не уступала въ красотѣ Олели, она только была ростомъ нѣсколько менѣе ея. Полное круглое лице, выражало туже нѣгу и сладострастіе; бѣлокурая головка ея была вся въ космахъ, изъ подъ густыхъ черныхъ бровей горѣли ея очи, какъ два черныхъ алмаза. Малыя уста и прямой, продолговатый носикъ украшали ея овальное лицо, ярко красная подница ея была также высоко приподнята къ поясу. На ногахъ блестѣли серебряные обручи.

— Схватимъ же Алла, схватимъ вмѣстѣ! Обѣ дѣвы въ мигъ бросились къ чучелу, схватили его, среди пораженной нечаяннымъ появленіемъ этихъ дѣвъ—толпы и быстро вынесли его изъ круга плясавшихъ вокругъ чучела.

Дѣвы въ восторгѣ закричали, захлопали въ ладоши и хоромъ запѣли пѣсню въ честь Лады.

Держа Мáру вверхъ надъ головами, Олель и Алла, быстро убѣгали, перепригивая пылавшіе костры; за ними слѣдовали длинною вереницею ихъ подруги, опрометью убѣгая вдоль берега и только среди бора слышались ихъ отрывистые крики, хохотъ, трескъ рукоплесканій и громкіе звуки припѣвовъ: *Ладо лели, дада Ладо.*

Когда вся эта несмѣтная вереница скачущихъ дѣвъ переносилась черезъ пылавшіе костры, быстро отдаляясь отъ пристани, и несясь къ высотамъ Аскольдовой могилы, къ прибрежью приблизились два мужа. Одинъ росту средняго, чрезвычайно плечистъ; темнорусая окладистая борода опушала его круглое, полное, красное лицо, на коемъ сверкали сѣрые узкіе глаза и высовывался большой носъ. Свѣтлые длинные усы прикрывали его желтыя губы. Голова была повязана дорогимъ царе-градскимъ платомъ; на плечахъ драпировалась шерстяной матеріи си-

няя *мятля,* застегнутая на правой сторонѣ подъ подбородкомъ, золотою запоною. Исподнія *порты* были зеленаго цвѣта. На ногахъ византійской красной кожи сапоги.

Возвратясь изъ подъ Аскольдовыхъ высотъ, красныя дѣвы принесли чучело на прежнее мѣсто и поставили *на стояло,* и по прежнему начались вокругъ *Мáры* прежнія пляски, скачки, неистовыя движенія, и неумолкаемый хохотъ.

Алла и Олель выдѣлились изъ страшной толпы ликовавшихъ у чучела, а быть можетъ изъ усталости отдѣлились отъ прочихъ дѣвъ, идя по направленію къ пристани на Ручаю. Едва прошли онѣ небольшое пространство, какъ на песчаномъ широкомъ прибрежьѣ у малаго бора Олель тихо толкнула локтемъ свою подругу, и сказала:

— Алла, погляди вотъ и Свѣнельдъ!

— А, поганый песъ, и ты прибрелъ сюда, да еще и не одинъ, Олель, видишь ли, за нимъ, у сосны стоитъ и Асмудъ.

— Гдѣ, Асмудъ?

— Вонъ, подъ сосной развалился, въ бѣломъ клобуцѣ и зеленой эпончицѣ.

— Вижу, вижу, ха, ха, ха и это людское посмѣшище, и этотъ Асмудъ сюда прибрелъ....

— Что такъ его честишь, вѣдь онъ будетъ медомъ насъ гостить.

— Ладо, ладо, дада ладо!

— Ладо, ладо, дада ладо! Припѣвали обѣ дѣвы, нѣсколько приплясывая и имъ отвѣчали всѣ толпившіеся вокругъ чучела и, казалось, неистовыя пляски еще болѣе усиливались и не было бы имъ конца, если бы Свѣнельдъ, подошедшій довольно близко къ группѣ плясавшихъ, не сказалъ громкимъ и густымъ голосомъ:

— Пора Мáру въ воду!

— Пора, пора, пора, пора.... послышались тысячи голосовъ.

— Пора — пора — пора! Отзывались въ разныхъ сторонахъ, то въ близи, то въ далекѣ.

— Пора Мáру въ воду. Кричали дѣвицы и молодые люди быстро стащили Мáру съ стояла, а дѣвы въ одинъ мигъ скинули свои подницы и съ вѣнками на головахъ, одна за другою рынулись въ струи Почайны, таща за собою *Мáру*.

И въ тотъ часъ мѣсяцъ всплылъ надъ водами и озолотилъ ихъ струи. Исполненные сладострастія, безмолвно стояли на берегу юноши, вперивъ взоры на плескавшихъ въ водахъ олицетворенныхъ русалокъ.

Подошли ближе къ водамъ, отяжелѣвшіе отъ лѣтъ и дородности, воевода Свѣнельдъ и роскошный болярииъ Асмудъ, кормилецъ великаго князя Святослава, и жадные взоры ихъ впились въ нагихъ дѣвъ, и отыскивали они среди плескавшихся въ волнахъ, чудныхъ красотою

Аллу и Олель. Онѣ ихъ очаровали.... И въ ту минуту именитые старички готовы были отдать все за ласкавый взглядъ дѣвъ, готовы были и сами рынуться въ струи водъ, и рынулись бы, да лѣта, да званіе ихъ немного въ томъ имъ мѣшало.

Гадательно бросили дѣвы вѣнки свои на воды. Въ нѣмомъ ожиданіи каждая изъ нихъ смотритъ на пучину и внимательно наблюдаетъ малѣйшее движеніе вѣнка. Каждой желательно знать въ какую сторону унесетъ его волна; въ какую сторону поплыветъ вѣнокъ, съ той стороны ея суженый, ея ряженый.....

Долго и довольно долго плескались дѣвы въ волнахъ, долго и долго расплывались вѣнки ихъ въ разныя стороны, разносимые волнами и вотъ одинъ за другимъ вѣнки исчезали въ дали и сумракѣ водъ, наконецъ исчезъ изъ виду и послѣдній вѣнокъ, вѣнокъ тотъ былъ брошенъ Аллою.

— Въ воду *Мáру!* Закричала Алла.

— Въ воду, въ воду Мáру! Слышались, со всѣхъ сторонъ, сотни голосовъ дѣвъ быстро одѣвшихся, кои до того плескались и сами въ волнахъ.

— Въ воду, въ воду проклятое чучело! ревѣли юноши, неся чучело къ водамъ.

Толпа дѣвъ выхватила чучело изъ рукъ юношей и съ хохотомъ бросила его въ воду. Однѣ отталкивали чучело отъ берега, другія бросали на него вѣтви и каменья и чучело унеслось теченіемъ въ доль.

Запѣли дѣвы и юноши погребальную пѣсню *Мáрѣ,* взялись всѣ вмѣстѣ за руку, растянулись длинною вереницею по берегу и начали плясать съ громкими припѣвами.

Мѣсяцъ зашелъ за стѣну чернаго бора и темнота усилилась.

— Наполните рога медомъ и сотворимъ чествованіе!— Провозгласилъ Свѣнельдъ. Его всѣ слушали, только нѣкоторыя изъ дѣвъ втихомолку подсмѣивались надъ его тучностію и неуклюжестью. Да какъ было и не слушать Свѣнельда, вѣдь онъ сильный, могучій воевода князя Игоря и сына его Святослава.

Мигомъ челядины притащили куфы и *баклоги* съ медомъ. Въ рукахъ отроковъ, мечниковъ, юношей.... явились турьи рога и судины.

— Алла, Олель! наполнимъ рога, будемъ чествовать *матерь солнца великую Ладу.*

— Чествовать, чествовать, матерь солнца нашего, *великую Ладо.*

Ой ладо-леля, дада ладо!
Ой ладо-леля, дада ладо!....

Рога наполнены хмѣльнымъ, но пріятнымъ напиткомъ. Свѣнельдъ и Асмудъ, какъ истые поклонники многобожія, подняли вверхъ рога и, при языческихъ восклицаніяхъ, искусно испили медъ, недотрогиваясь

до краевъ роговъ. Пропѣвъ пѣсни въ честь *Лады*, дѣвицы осушили свои рога. Пляска не прерывалась, по мѣстамъ танцовали отдѣльными группами, и она казалась еще болѣе веселѣе, еще болѣе сладострастна и неистова.

— Алла, пріими! — произнесъ Свѣнельдъ, подавая ей наполненный медомъ рогъ.

— Олель, ты тоже испей! сказалъ Асмудъ. Красавицы приняли изъ рукъ воеводъ рога и осушили ихъ.

Юноши и отроки быстро наполняли рога, и подавали дѣвицамъ и не забывали себя... пили, пѣли и неистово плясали.

За вторымъ рогомъ глаза Аллы и Олели отуманились; видимо хмѣль вступалъ въ свои права, но юноши и дѣвы еще силились превозмочь наитіе этого божка-старичка и продолжали пляски, хотя ноги ихъ путались, головы склонялись къ груди, пѣли, но уже не только не ладно, но и не складно. А рога, по желанію Асмуда, безпрерывно наполнялись.

Тароватый Свѣнельдъ не жалѣлъ отъ своего двора выдать меду на праздникъ *матери солнца*, которое празднество онъ любилъ болѣе прочихъ идольскихъ торжествъ. Много злата и серебра, много всякаго добра привезъ онъ отъ древлянъ, такъ ему ли жалѣть отпустить для красныхъ дѣвъ лишнюю мѣру меда сладкаго.

Усталая, или вѣрнѣе сказать, изнеможенная и охмѣленная Алла, усѣлась у корня сосны и склонила къ плечу отуманенную и отяжелѣвшую головку. Видно было турьи рога пободали ее. Присѣла подлѣ Свѣнельда и Олель. Группами по мѣстамъ усѣлись и прочія дѣвы, а многія изъ нихъ и прилегли на золотистомъ пескѣ, едва-едва уже освѣщавшемся огнемъ полупылавшихъ костровъ. Среди группъ дѣвъ помѣщались и юноши. Погасавшіе кладни, мракъ глубокой ночи, развѣваемый порывистымъ пламенемъ костровъ; живописныя группы дѣвъ, юношей и всякаго люда, расположившіяся же то близъ водъ, то у корней деревъ, въ полумракѣ, и надъ всѣмъ этимъ темноголубое, усѣянное яркими безчисленными звѣздами небо, и упоительная ночная прохлада, — составляли очаровательную картину языческаго празднества: *матери солнца—великой Лады*. Мало уже пылало кладней. Мракъ все болѣе и болѣе распространялся и поглощалъ въ безднѣ своей, усталыхъ и упоенныхъ праздноватедей. Горѣлъ еще одинъ костеръ, у котораго воздавали чествованія великой богинѣ, но уже и этотъ кладень пылалъ не тѣмъ яркимъ пламенемъ, какимъ пылалъ онъ вначалѣ; дымъ столбомъ валилъ изъ него на сторону бора.

Испили и по третьему рогу, а многія дѣвицы и не могли уже испить; ноги ихъ подкосились, руки ослабѣли, головы отяжелѣли, а меду, меду сладкаго и упоительнаго, оставались еще нетронутыя *куфы*.

Не нести же его домой съ великаго праздника, слѣдовало всего его выпить, а то стыдъ и срамъ будетъ праздновавшимъ.

Асмудъ наполнилъ четвертый рогъ и потребовалъ, чтобы Алла выпила съ нимъ пополамъ. Алла безсознательно приподняла голову, полуоткрыла глаза, протянула ослабѣвшую руку къ рогу, приняла его изъ руки Асмуда, приблизила рогъ къ своимъ кораловымъ устамъ, но не могла и капли испить хмѣльнаго напитка и едва она не уронила рогъ, такъ дрожали ея руки. Неодолимая дремота ее одолѣвала.

Свѣнельдъ поднесъ рогъ Олели.

— Испей въ честь *Лады*, богини любви! Олель быстро приблизила рогъ къ устамъ и еще могла испить нѣсколько капель, но уже и ея сила ослабѣла и она зыбучій песокъ, на которомъ свободно раскинулась, и жесткое изголовье—корень сосны,—находила въ тотъ часъ, мягче всякаго пуховаго ложа.

— Совершимъ возліяніе на кладь! Громко закричалъ какой-то юноша.

— Совершимъ! заревѣло сотни голосовъ.

— Совершимъ, меду съ избыткомъ!

— Совершимъ! хрипло крикнулъ Свѣнельдъ, — ползая какъ ракъ, по песку, — треба такъ велитъ!

И изъ десятка роговъ излился употребительный ароматный напитокъ на погасавшіе угли кладей. Дымъ и паръ вились къ верху столпомъ и пламя потухло.

Мракъ ночи прикрылъ мракъ идольскаго торжества, длившагося далеко за полночъ.

Пурпурная заря зажглась и отразилась цвѣтомъ алаго мака на щекахъ красныхъ дѣвъ, упоенныхъ сладостнымъ сномъ, сладострастно разметавшихся по золотистому прибрежью, подъ навѣсомъ густыхъ вѣтвей столѣтнихъ сосенъ. Рука Свѣнельда обвивала лебединую шею Олели. Косматая, спящая головка Аллы покоилась на широкой открытой волосистой груди, Асмуда.....

Кровавымъ шаромъ выкатилось солнце изъ-за стѣнъ синѣвшаго вдали за Днѣпромъ бора и природа проснулась. И все, что совершалось за нѣсколько часовъ предъ восходомъ *сына богини любви*, кануло въ безпредѣльную вѣчность.

II.

ПЕЧЕНѢЖСКІЙ ПЛѢННИКЪ КОСТАРЬ

И ПИТОМЕЦЪ ЕГО

ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

Теремной дворъ великой княгини стоялъ надъ горою. Отъ него внизъ, къ Подолію, или вѣрнѣе сказать къ Ручаю, извивалось по отлогостямъ высоты, среди деревъ и зелени, *путище Боричевъ*. Изъ маленькихъ оконъ терема видѣлся красный, полусогнившій деревянный болванъ, названный кіевскою Русью—богомъ грома и молніи—*перуномъ* и считавшійся покровителемъ града Кіева и его люда. Вдали, видѣнъ былъ изъ терема волнистый широкій Днѣпръ, а за нимъ зеленые привольные луга, оканчивавшіеся стѣною синяго бора, подернутаго дымчатою пеленою дальняго тумана. У подошвы кіевской возвышенности, у берега Почайны, стояло два корабля, каждый величиною съ порядочную лодку. Это гнилыя остатки знаменитой Игорева флотиліи, съ которою князь ходилъ воевать Царьградъ. Близъ кораблей былъ перевозъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Перевозъ этотъ по древнему, и тогдашнему преданію существовалъ отъ первыхъ дней основанія Кіева; самъ князь Кій учредилъ тотъ перевозъ для своихъ доходовъ, которые потомъ переходили по наслѣдству его преемникамъ. Пользовалась ими, во дни своего княженія, и великая княгиня. Съ другой стороны каменнаго терема тянулся, по яругамъ, черный лѣсъ и боръ, среди которыхъ, по дну яругъ, распростиралось *перевѣсище* княгини; съ третьей стороны видѣлся собственно градъ Кіевъ, ибо теремъ былъ, какъ передаетъ намъ лѣтописецъ, *внѣ града.*

Градъ Кіевъ, знаменитый градъ, въ то время состоялъ изъ пятнадцати или двадцати деревяныхъ доминъ, въ два, а много въ три окна, за то чрезъ мѣру высокихъ и непремѣнно каждый въ два яруса. Высоко торчавшія черныя крыши доминъ очертывались изъ-за зеленыхъ земляныхъ валовъ, окружавшихъ градъ, среди коего возвышался дворъ *князя*. Въ дворѣ княжемъ жилъ великій князь Святославъ и княжичи, его сыновья, а внуки в. княгини: Ярополкъ, Олегъ и Володиміръ. Послѣднему было тогда около двухъ лѣтъ отъ рожденія.

Княжеская домина, построенная еще Олегомъ, стоявшая среди двора, будучи чрезъ мѣру высока, хоть и рубленная изъ толстыхъ бревенъ, почернѣла отъ времени, подгнила въ основаніи и покосившись на сторону, представляла собою невзрачный видъ. Близъ княжеской

домины, за оградою двора, находились дворы Свѣнельда, Ивара, Асмуда, Фуевоста и другихъ боляръ, нетій Игоревыхъ и княжичей и знаменитыхъ мужей и отроковъ Свѣнельдовыхъ. Всего двѣ узкихъ, извилистыхъ улицъ, образуемыхъ плетнями, отдѣлявшими дворы, и третья улица, пересѣкавшая первыя двѣ, да небольшая площадка, *бабій торгъ*, на коей по воскресеніямъ собирались кіевскія торговки, продавать *сгибни* и *вертуны* т. е. бублики, составляли весь тогдашній градъ Кіевъ, который уже шестьдесятъ пять лѣтъ, какъ сдѣлался страшнымъ для Царьграда и всего греческаго царства, изъ котораго исходили тмы воевъ, осаждавшихъ гордую греческую столицу. Съ четвертой стороны каменнаго терема мѣстность была чрезвычайно неровная и также покрытая деревьями и густыми кустарниками. Отсюда, по дну глубокаго оврага, извивалась узкая тропа къ *перевѣсищу* княгини. Близъ самаго *терема*, съ этой стороны, между кустами и небольшими соснами, возвышалась широкая, но не весьма высокая серебристо-пещаная могила, неуспѣвшая еще вполнѣ покрыться зеленью. Могила эта была насыпана надъ двѣнадцатью лучшими *древлянскими мужами*, посланными къ великой княгинѣ просить ея руки для князя ихъ *Мала*. Нѣсколько ниже могилы, спускаясь въ оврагъ, пріютившись къ одной сторонѣ холма, виднѣлась полуразрушенная *клѣть*, покрытая густыми и длинными вѣтвями деревъ и кустарниками. Кто не зналъ о существованіи этого жилья, тотъ съ трудомъ могъ его примѣтить. Тропа, извивавшаяся отъ терема по оврагу, къ перевѣсищу, шла не вдалекѣ этого потаеннаго жилья.

Около полудня, изъ-за ограды, окружавшей теремной дворъ, вышло какое-то, малаго роста чудовищное существо. Издали нельзя было рѣшить, что существо: человѣкъ или медвѣдь, или просто чертъ, или какой изъ градскихъ истукановъ-божковъ, оживившись, сошелъ съ своего стояла и пошелъ разгуливать вокругъ княжескаго терема. Голова этого существа какъ котелъ, и за неимовѣрно широкими плечами, торчала шириною въ двѣ ладони доска, привязанная ремнями къ спинѣ о къ этой доскѣ, по лбу, была привязана, такъ же ремнемъ, голова чудовища. Руки его были такъ длинны, что почти касались земли, а ноги, казалось, не имѣли голеней, и, гдѣ слѣдовало быть колѣнамъ, тамъ чудовище имѣло ступни ногъ. Какая-то истасканная, вся въ дырахъ, красная шерстяная эпанчица, волочившаяся по землѣ, да грязный бѣлый платъ, коего конецъ ниспадалъ къ правому плечу и черной кожи сапоги, составляли нарядъ чудовища. Оно что-то тащило, и когда приблизилось къ древлянской могилѣ, то удобно можно было уже разсмотрѣть, что тащило козла, у котораго была черная шерсть. Кровь струилась изъ разрѣзаннаго горла животнаго. Невозможно было не обратить, или вѣрнѣе сказать, не отвратить вниманія отъ выра-

женія лица чудовища, лица испещреннаго глубокими язвинами оспы, вслѣдствіе которой оно лишилось лѣваго глаза и на мѣсто его образовалось углубленіе багроваго цвѣта. Чудовище имѣло расплюснутый носъ и широкій ротъ, искривленный въ лѣвую сторону, сверху котораго торчало нѣсколько жесткихъ щетинистыхъ волосковъ, составлявшихъ усы.

— »Костарь, Костарь! скорѣе, ребенокъ давно плачетъ, ѣсть хочетъ.« Проговорила женщина, выбѣжавшая изъ жилья, на встрѣчу чудовища, и увидѣвши, что оно несетъ козла, изъ горла котораго струилась кровь, быстро подбѣжала въ чудовищу.

— Костарь, ты не видишь, кровь течетъ! Съ этими словами женщина вложила пальцы въ рану козла, проворно ихъ вынула и съ жадностію облизала захваченную ими кровь.

— Пусть течетъ, я такъ усталъ, Олель, что чрезъ силу тащу...

Блѣдное, морщинистое лице женщины, грязная повязка на головѣ, изъ подъ коей падали на полуобнаженныя плечи густыя пряди всклоченныхъ русыхъ волосъ, старая красноватаго цвѣту эпончица, прикрывала ея станъ. Ноги были обнажены. Если-бы Костарь не произнесъ имени женщины, то трудно было узнать, что это та красная дѣва, которую мы выдѣли на праздникѣ *матери солнца, великой богини Лады*.

Костарь и Олель, послѣдняя помогая нести козла, осторожно спускались по стремнинѣ холма къ хижинѣ. Маленькая полусогнившая дощатая дверь хижины пошатнулась отъ легкаго удара Костаря и отворилась.

Эта ветхая хижина или вѣрнѣе канура, сдѣлана изъ трехъ крайне непрочно сложенныхъ же деревянныхъ стѣнокъ, четвертую же составляла глинистый откосъ холма, въ которомъ была вырыта и въ ней сдѣлана ложе и сидѣнье изъ глины же. Въ одной изъ стѣнокъ было прорублено для свѣта небольшое трехъугольное отверстіе, покрытое пузыремъ. Посрединѣ хижины, на глинистомъ полу, было сложено изъ дикихъ камней возвышеніе, на которомъ разводился огонь. Пепелъ и остатки не догорѣлыхъ дровъ и обожженыя кости лежали на немъ. Въ углу хижины, на разномъ рухлѣ, сидѣлъ четырехъ-лѣтній, почти нагой ребенокъ, курчавая, бѣлокурая голова его только и была видна изъ кучи грязнаго хлама. Увидѣвъ вошедшихъ, ребенокъ закричалъ благимъ матомъ.

— Молчать! крикнулъ на ребенка Костарь, бросивъ на полъ свою тяжелую ношу.

Ребенокъ опрометью бросился изъ кучи хлама къ животному.

— Жри, если хочешь, сказалъ Костарь мальчику, который въ мигъ прильнувъ къ ранѣ животнаго, еще судорожно двигавшагося; всосался въ нее и съ жадностію глоталъ кровь животнаго. Этотъ бѣлокурый,

кудрявый ребенокъ, съ такою жадностію глотавшій кровь козла, плодъ Свѣнельда и Олели въ честь торжества *матери солнца* великой богини Лады, владычицы любви. Костарь съ первыхъ дней рожденія ребенка прозвалъ его *волчій хвостъ.* Поводомъ къ такому прозванію было то, что Олель, древлянка, плѣнница Свѣнельда, который укрывалъ ее отъ взоровъ законныхъ своихъ женъ, питавшихъ врожденное отвращеніе отъ всего древлянскаго, а тѣмъ болѣе долженъ былъ укрывать плодъ любви своей къ Олели—т. е. ребенка, который и названъ поэтому *волчьимъ хвостомъ*, т. е. волкомъ — незаконнымъ отпрыскомъ отъ плодоваго дерева.

— Возьми ножъ и рѣжь! сказалъ Костарь ребенку и указалъ на широкій и длинный ножъ, лежавшій въ углу, подъ скамьею.

Олель схватила необыкновенной формы ножъ, подошла къ животному, оттолкнула ребенка и живо принялась разрѣзать трупъ козла. Она ловко вырѣзала съ кожей съ бедра мягкую часть и бросивъ ножъ у животнаго, принялась съ жадностію глодать кусокъ сыраго мяса. Въ тоже время ребенокъ съ окровавленнымъ лицомъ, и руками, бросился на рухлядь, свернулся какъ щенокъ и уснулъ.

— »Отрѣжь и мнѣ кусокъ.«— Сказалъ Костарь, сидя на скамьѣ, противъ Олели, съ жадностію ѣвшей кровавое мясо.

Олель что-то произнесла сквозь зубы и продолжала свое дѣло.

Костарь сбросилъ съ себя верхнюю одежду и остался въ портахъ.

Сожравши свой кусокъ, Олель принялась вырѣзать куски для Костаря и другой для себя. Костарю она подала огромный кусъ, съ котораго кровь ручьями стекала.

Съ жадностію схватилъ Костарь поданный ему кусъ, ворчалъ какъ алчный звѣрь, держа кусъ двумя руками и глодалъ его какъ песъ.

— Еще, проговорилъ Костарь, сожирая послѣдній глотокъ мяса. Олель принялась снова вырѣзать мясо съ козла, но долго кусокъ не отдѣлялся, какъ ни усиливалась Олель скорѣе отрѣзать. Разсерженный медленностію Олели, Костарь съ быстротою молніи рынулся къ козлу, сердито выхватилъ ножъ изъ рукъ Олели, пробормоталъ какія-то непонятныя слова и принялся разрѣзать животное. Искусно отрѣзавъ бедро козла, онъ бросилъ ножъ въ сторону и принялся жрать свой кусокъ.

Насытившись, Костарь волосами своей длинной бороды обтеръ ротъ, усѣлся на скамью, поджавъ подъ себя уродливыя ноги и сказалъ:

— Когда привезъ меня князь Игорь въ Кіевъ, въ то время, каждый день по козлу выпадало на мою долю, а нынѣ развѣ въ десять дней достанется одна овца, или баранъ, или козелъ, или телецъ да и то, истинно говоря, обманывая людъ: вотъ хоть-бы этотъ козелъ, какъ неугоденъ Перуну, чѣмъ онъ испорченъ? принесъ его въ жертву *гость.*

Гость, извѣстное дѣло, богатый людъ, не одного козла можетъ гость принесть въ жертву каждое утро. Вотъ и объявляли, что кровь нетечетъ съ горла козла, жертва неугодна; надобно принесть другое животное, а это доля Костаря, онъ вѣдь *милый блажникъ* Перуна. Я и возрадовался, что лѣзетъ ко мнѣ *живина*, скорѣе козла за рога, да и въ домину, тѣшься кіевская Русь и безъ меня, Перунъ съ вами, перерѣжьте предъ нимъ и цѣлое ваше *бидло*, такъ онъ и тогда усомъ не пошевельнетъ.

Обглодавъ бедро козла, Костарь бросилъ костъ въ уголъ и туда же оттащилъ остатки животнаго. Въ то время ребенокъ проснулся, и увидѣвъ, что Костарь тащитъ въ уголъ остатки козла, схватился съ рухла, взялъ брошенный ножъ, подбѣжалъ къ остаткамъ мяса и отрѣзалъ кусокъ, началъ его жрать. Мать съ самодовольствіемъ смотрѣла на сына и радостная улыбка пробѣгала по ея лицу.

— Отвяжи доску, спать лягу. — Сказалъ Костарь, подойдя къ Олели, усѣвшейся на рухлѣ, подлѣ сына.

Олель развязала ремни, отняла доску отъ плечъ урода и голова Костаря нависла на грудь. У него были какъ-то повреждены шейные позвонки и растянуты мышцы такъ что безъ доски, которую ежедневно Олель привязывала къ плечамъ его, онъ не могъ держать прямо головы и свободно ею владѣть.

Когда великій князь Игорь, при старости лѣтъ своихъ, задумалъ, подобно дядькѣ своему, свѣтлому князю Олегу, прославить свое княженіе, прибить и свой щитъ къ вратамъ цареградскимъ, то и отправился на десяти тысячахъ корабляхъ по Днѣпру въ море. По пути заѣхалъ онъ и въ землю печенѣжскую, согласилъ и этотъ звѣрскій народецъ присоединить свои *вои* къ его, и напасть на Цареградъ. Печенѣги и рады были тому: тмы темъ поднялось ихъ. Князь Игорь съ пѣшими плылъ по Днѣпру, а конные вои и печенѣги тяглись берегомъ. Приблизились къ морю. Разсадили печенѣговъ въ корабли, въ какой помѣстилось по три и въ какой и по пять человѣкъ, а всего въ кораблѣ, самомъ большомъ помѣщалось воиновъ до двадцати. Знатные въ старину бывали корабли. Вотъ и поплыли къ Царьграду. Мечталъ князь разгромить греческую столицу, а печенѣги себѣ на умѣ; — »ужъ какъ возьмемъ Царьградъ, все золото и серебро, все дорогое достанется ни въ чьи какъ въ наши руки« — не увидитъ князь Руси и его паволокъ и узорочья и фофудьевъ, не увидитъ красныхъ дѣвъ и женъ греческихъ, все заберемъ, все наше. Да ошиблись всѣ и князь съ своими воинами и печенѣжская орда: княжескіе корабли увидѣли уже стѣны цареградскія и поверхъ ихъ горѣли какъ солнце и звѣзды, золотые купола храмовъ живаго Бога, коему поклонялись греки. Отважные изъ корабельщиковъ княжескихъ рынулись было и въ *суду* и да-

вай мучить грековъ. На встрѣчу княжескимъ кораблямъ Игоря, остановившимся у маяка, вышли греческіе корабли, ими правилъ Ѳеофанъ Протовестіарій, то есть хранитель царскихъ одеждъ, да какъ пустилъ на княжескіе корабли трубами оледный огонь *, Русь и смутилась и веметахуся въ воду морскую, хотяще убрести, и тако возвратишася во свояси. Не помогъ и печенѣжскій кудесникъ, котораго князь Игорь взялъ съ собою въ корабль, и, который увѣрилъ князя и Русь, что онъ одинъ владѣетъ заклинать бурю и можетъ спасать корабли отъ *боренія земнаго.* Ему же, какъ сидѣвшему на кораблѣ, плывшемъ впереди прочихъ, оледный огонь своротилъ голову, обжегъ щетинистые волосы и тогда-то кудесникъ страха ради, да скорѣе вметахуся въ воду морскую на брегъ.

— Страшное чудо: молніи иже на небеси, греціи имутъ у собе, пущающе жгутъ насъ, и сего ради неодолѣхомъ ихъ, — сказалъ Игорь кіевлянамъ, возвратившись послѣ неудачнаго похода; и вмѣсто паволокъ, фофудій, вмѣсто многихъ литръ золота и серебра, привезъ въ Кіевъ одного несчастнаго печенѣжскаго кудесника, котораго и приставилъ къ богу Перуну, служить ему и доискиваться средствъ какъ бы побѣдить *греки* и узнать силу ихъ оледнаго огня.

Обязанность печенѣжскаго кудесника состояла въ уборкѣ жертвенныхъ костей на площади, на которой стоялъ богъ Перунъ и въ сожженіи ихъ. Поэтому русь и назвала его *Костаремъ,* вѣря въ его чародѣйскую силу и потому-то Костарь, для Перуновой Руси былъ видимый, существенный чортъ и необходимый въ языческомъ ихъ быту. Перунщики его уважали, перунщики приходили къ нему за совѣтомъ и съ жалобами и просили его сказать имъ прошедшее и будущее, исправить ихъ *долю,* послать имъ счастіе и отнять *недолю,* перунщики и боялись его какъ демона.

Вколотили бы въ голову несчастной Олели желѣзный гвоздь, если бы не связалъ ее ребенокъ. Не разъ страдалица эта порывалась убѣжать въ родные лѣса свои и ловили ее въ пущѣ бора, какъ трепещущую лань, ловили то за предѣлами града, за Лыбедью рѣкою, то пробиравшеюся въ чащѣ бора, вверхъ по Днѣпру. Да, пока не подросъ ея ребенокъ, Олель была истинно *красная дѣва* и тогда многимъ и очень многимъ мила была. Кто не хотѣлъ дать за нее *вѣно,* да еще и какое: жемчугъ и честные камни, паволоки и узорочье цареградское сулили, такъ нѣтъ, не быть тому.

— Ужъ если, въ Кіевѣ, мнѣ суждено быть женою, такъ не чьею какъ Свѣнельда, говорила Олель. А потому, что она была полонянка

* Греческій огонь.

древлянская, жены Свѣнельда и слышать не хотѣли, чтобы Олель жила съ Свѣнельдомъ. А на бѣду Свѣнельда, Олель родила ему сына.

— Куда пріютить мать и ребенка? — Думалъ, долго думалъ Свѣнельдъ и наконецъ рѣшился до времени ввѣрить ихъ попеченію Костаря. — Онъ сохранитъ Олель отъ *злаго духа* и *черного ока,* отъ всякихъ *наговоровъ* и *напусковъ*, отъ *волшебной порчи* въ утробѣ; онъ же возраститъ и ея сына, научитъ его всякой заморской мудрости и чародѣйству.

Да и не было другаго болѣе безопаснаго мѣста для Олели, какъ въ доминѣ Костаря, ибо несчастную *полонянку древлянскую* преслѣдовали и гнали всѣми средствами и всѣми происками жены Свѣнельдовы. Онѣ то постоянно искали случая какъ сгубить ее со свѣта и успѣли бы въ томъ, если-бы Свѣнельдъ не догадался скрыть ее отъ гордыхъ и ревнивыхъ своихъ женъ, помѣстивъ ее въ клѣти Костаря, которую, какъ жилище демона оббѣгали всѣ люди, страшась злыхъ дѣйствій кудесника печенѣжскаго. Послѣ того Свѣнельдъ успѣлъ увѣрить своихъ женъ, что Олель бѣжала въ землю древлянскую, что даже онъ лично способствовалъ къ побѣгу ея. Ревнивицы нѣсколько успокоились.

Время и встарь летѣло какъ и нынѣ, оно летитъ быстро и невозвратно. Ребенокъ *Волчій Хвостъ,* росъ и развивался. Коротконогій, неимовѣрно широкій въ плечахъ и грудистый, онъ казалось—*чудо богатырь*. А мать его, оторванная отъ родныхъ лѣсовъ и милыхъ ближниковъ, изнывала и увядала въ неволѣ, какъ весенняя лилія отъ палящаго солнца. Свѣнельда она считала своимъ деспотомъ, а себя вещью, скотиною пожалуй, которой судьбы и жизнь въ его волѣ, или вѣрнѣе въ его прихоти. Питать къ нему какое либо темное сердечное чувство Олель тоже не могла, потому, что врожденная ненависть древлянъ къ кіевской Руси отталкивала ее отъ него и при томъ дикая необузданная ея натура могла ли хоть сколько нибудь хранить въ сердцѣ своемъ и слабые признаки такого чувства расположенности къ человѣку плѣнившему ее, оторвавшему ее отъ роднаго края и родной семьи. Все ея утѣшеніе вмѣщалось въ ея сынѣ. Для него она не хотѣла лишить себя жизни, которую въ плѣну возненавидѣла. Но при всей материнской любви къ ребенку, какая-то тайная мысль, невѣдомая даже Костарю, не давала Олели покоя. Мысль та преслѣдовала древлянку неотступно. То выражалась она въ глубокой задумчивости Олели, то въ громкихъ вскрикиваніяхъ ея пѣсни, когда она, оставивъ ребенка, углублялась въ густоту лѣса на нѣсколько шаговъ отъ своего жилья, то, наконецъ, въ неясныхъ, недосказанныхъ похвалкахъ Костарю измѣнить его обыденную жизнь....

Съ лѣтами и Свѣнельдъ сталъ забывать Олель. Одна-ли Олель была *красная дѣва!* куда не поведетъ Свѣнельдъ *вои* свои, вездѣ по-

донятъ они красныхъ дѣвъ и приводятъ ихъ на утѣшеніе свое въ Кіевъ. Даже *отроки* Свѣнельда мало обращали вниманія на Олель и не знали и знать не желали, въ Кіевѣ ли она, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Встанетъ до зори Олель, побѣжитъ въ чащу бора, громко и отрывисто запоетъ древлянскую пѣсню, выражавшую черную тоску ея сердца, тоску по роднымъ мѣстамъ, по милымъ сердцу, наловитъ, въ забаву сыну, пташекъ, и, нѣсколько размыкавъ среди бора печаль, прибѣжитъ въ клѣть и отдастъ сыну птичекъ; а ребенокъ, въ подражаніе Костарю, котораго называлъ именемъ отца, возметъ жертвенный ножъ, по обыкновенію валявшійся то въ одномъ, то въ другомъ углу хижины, и перерѣжетъ имъ горлушка птичекъ и изъ каждой высосетъ кровь. Тому училъ его Костарь.

Порядочно подросъ и порядочно убрался въ силу мальчикъ, проводя дни и нерѣдко и ночи среди густоты бора. Безъ помощи матери и калѣки Костаря взлѣзалъ онъ уже какъ вѣкша, на вершины самыхъ высокихъ деревъ, и, притаясь въ густотѣ вѣтвей, какъ дикая кошка, сидѣлъ до вечерняго сумрака, ожидая прилета на дерево птицъ, и когда птица садилась на вѣтвь, онъ, въ мгновеніе ока, схватывалъ ее и какъ звѣрь спускался на землю. Эта охота постоянно его занимала, онъ дичалъ и дѣлался не человѣкомъ, но звѣремъ. Сначала изъ пойманной птицы онъ высасывалъ кровь, бросая мясо, потомъ жралъ и мясо, и скоро началъ питаться своею охотою. Бывало поймаетъ собаку изъ стай бѣгавшихъ по граду, привлеченныхъ постоянною добычею сыраго мяса животныхъ, валявшагося вокругъ деревяннаго болвана, — мальчикъ, для забавы, подрѣжетъ собакѣ ноги и пуститъ несчастную въ боръ. Скоро онъ, смѣтливый и бойкій, ловко ловилъ въ бору, безъ всякаго оружія, дикихъ молодыхъ козъ и даже волченковъ.

Костарь былъ въ восторгѣ отъ удальства своего питомца. Олель не слышала въ немъ души и говорила разглаживая его косматые волоса:

— Истинно, будешь ты *чудо богатырь*.

— Пей теплую кровь звѣря и будешь лютъ и силенъ какъ дикій звѣрь и долго поживешь. — Говорилъ ребенку Костарь.

И бывало Волчій Хвостъ, въ угоду Костаря, чтобы заслужить ласковое слово, постарается поймать въ бору *звѣренка*, притащитъ за уши въ клѣть, или несетъ, въ подрожаніе Костарю, къ деревянному болвану Перуну рѣзать въ жертву волченка. Доставалось за это ребенку отъ Костаря, но часто, не успѣвъ остановить ребенка или незамѣтивъ его ухода, Костарь находилъ предъ идоломъ зарѣзанныя нечистыя жертвы—собакъ, кошекъ и проч. То были подвиги *Волчьяго Хвоста* и тогда-то доставалось ему отъ Костаря.

Однажды, утромъ, случилось *Волчьему Хвосту* встрѣтить го-

раздо старше себя лѣтами, двухъ крещеныхъ мальчиковъ, пробѣгавшихъ по опушкѣ бора на *подоліе*, въ ильинскую церковь. Въ мгновеніе *Волчій Хвостъ*, какъ дикій звѣрь, вцѣпился въ одного изъ мальчиковъ, повалилъ его на землю, впился зубами въ щеку и если-бы другой мальчикъ не схватилъ порядочное бревно и не ударилъ-бы кровожаднаго ребенка по спинѣ, то быть можетъ, обоимъ крещенымъ не удалось бы добраться до церкви Ильи. Сильный ударъ ослабилъ мальчика и крещеные убѣжали.

Порядочно подросъ Волчій Хвостъ, а съ лѣтами исчезало дѣтское его повиновеніе матери. Переставалъ онъ повиноваться и Костарю, и не разъ толстая палка мальчика ходила по спинѣ матери и Костаря. Не разъ уже и Костарь жаловался на ребенка отцу, но Свѣнельдъ на эти жалобы не обращалъ никакого вниманія; онъ даже хвалилъ удальство Волчьяго Хвоста и говорилъ Костарю:

— Не напрасно же ты далъ ему такое прозваніе. Мальчикъ долженъ вполнѣ его оправдывать. — Волчьему Хвосту *холстину* не ткать, а богатырскіе подвиги творить. Такимъ долженъ быть каждый сынъ Перуна, которому предназначено вои водить на печенѣжскихъ собакъ— былъ отвѣтъ Свѣнельда, подававшаго Костарю за воспитаніе сына и за нанесенные имъ побои несчастному калѣкѣ по два и болѣе грецкихъ *золотника*. Костарь былъ радъ и такой подачкѣ воеводы и отъ радости забывалъ боль отъ ушибовъ, нанесенныхъ ему *Волчьимъ Хвостомъ*.

Удальство и молодечество *Волчьяго Хвоста* какъ не были высоко цѣнимы его матерью, но Олель на зарѣ одного дня, вышла изъ клѣти, когда еще Костарь и Волчій Хвостъ спали крѣпкимъ сномъ и съ той поры болѣе не возвращалась въ *пышный дворецъ* Костаря.

Чрезъ нѣсколько дней ожиданія возвращенія Олели, Костарь и Волчій Хвостъ обошли и обшарили на далекое разстояніе боръ; но поиски ихъ остались безъ успѣха.

Съ прискорбіемъ и сильною досадою и страхомъ, Костарь послалъ *Волчій Хвостъ* повѣдать Свѣнельду, что Олели не стало. Волчій Хвостъ съ радостію побѣжалъ сообщить отцу новость, а Костарь раздумавши, что не слѣдовало вѣсть эту передавать Свѣнельду чрезъ Волчій Хвостъ, скорѣе, вслѣдъ за нимъ и самъ побрелъ въ дворъ къ Свѣнельду. Олель для Костаря, конечно, была необходима: много лѣтъ они жили вмѣстѣ и въ это долгое время Олель была ему самая вѣрная и старательная слуга и кормилица. Быть можетъ безъ нея онъ давно бы погибъ, не смотря на все его печенѣжское кудесничество и колдовство. Олель, какъ древлянка, питала отвращеніе къ Костарю, но и это отвращеніе она заглушала необходимостію — она возрасчала младенца — сына своего, и потому-то все переносила съ

скрываемымъ ропотомъ и негодованіемъ и даже часто Олель дѣлала добро Костарю, а въ особенности когда онъ, по обыкновенію своему, упившись меду и вина, всегда обильно разливавшихся на жертвоприношеніяхъ Перуну или другому богу, подымалъ неистовые крики среди площади, бранилъ всю кіевскую Русь и князей и во всеуслышаніе доказывалъ перунщикамъ, что Перунъ и всѣ истуканы, деревянные болваны, не боги, а полѣнья, что онъ болѣе знаетъ и болѣе имѣетъ чудесной силы чѣмъ всѣ славянскіе боги, что соотечественники его печенѣги исповѣдуютъ лучшаго бога, который подастъ побѣду имъ надъ кіевскою Русью и тогда его освободятъ, что даже греци имѣютъ у себя лучшаго и добраго Бога, потому, что онъ надѣляетъ ихъ добрыми винами и сладкими медами, златомъ и серебромъ, а Русь поклоняющаяся *трухлявымъ* болванамъ; коими и печки нельзя вытопить, чтобы было тепло, мало всего имѣетъ, а что имѣетъ, то и то не свое, а получаетъ отъ *гречниковъ*. За такія предосудительныя истины Костаря распилили бы, по словенскому обычаю, на мелкія, *порошныя* части, или ужъ на худой конецъ, повѣсили бы тамъ же, на площади, на мѣстѣ преступленія, но Олель, благодѣтельная Олель, бывало тайно побѣжитъ къ Свѣнельду, упроситъ его пощадить глупаго, хмѣльнаго Костаря и обыкновенно кончается тѣмъ, что Костарю, по полянскому обычаю, наколотятъ спину палками, отнесутъ его безчувственно хмѣльнаго въ хижину и отдадутъ нѣжному попеченію Олели.

— Жаль! произнесъ Свѣнельдъ, услышавши, что не стало Олели. Задумался онъ, разгадывалъ куда бы могла скрыться она и ничего не разгадавъ, обратился къ Костарю:

— Ты, печенѣжская собака, ты слывешь вѣщуномъ, ты увѣряешь всѣхъ, что первый кудесникъ въ твоей поганой землѣ печенѣжской, призови же *черно-бога* и спроси его, куда дѣвалась Олель.

— Я это уже дѣлалъ!

— Чтожъ тебѣ повѣдалъ черно-богъ?

— А что-жъ, духъ тьмы повѣдалъ, что Олель растерзана кіевскими собаками.—Нѣтъ Олели, оставайся же одинъ въ твоей собачьей канурѣ, оставайся и безъ *Волчьяго Хвоста*, а то и этотъ Хвостъ уйдетъ отъ тебя. Живи какъ знаешь — разгнѣванно произнесъ Свѣнельдъ. — Ступай, чтобы очи мои тебя не видѣли.

— Завтра я принесу жертву богу Перуну и онъ возвратитъ Олель.

— Пожалуй хоть сто такихъ же демоновъ какъ самъ.... Ступай, прочь!...

Несчастный калѣка Костарь, побрелъ въ свою домину, затаивъ черную печаль въ сердцѣ.

Волчій Хвостъ съ той поры помѣщенъ въ число княжескихъ отроковъ.

(Продолженіе впредь).

ОБЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ, ВОШЕДШИХЪ СЪ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА, ВЪ СОЧИНЕНІЕ.

Изокъ	Іюль.
Чадь, мечники, гридни, пасынки, отроки, дѣтски, юноши	Молодые люди, состоявшіе въ дружинѣ князей и воеводъ.
Мужъ	Знатное лицо — человѣкъ заслуженный.
Порты, эпанчица, метня,	Одежда верхняя.
Платъ, клобукъ	Платокъ головной, коимъ по обычаю повязывали головы мущины, — головной уборъ.
Срачица толстинная	Сорочка полотняная.
— крапивная	— изъ крапивнаго холста.
Кладь	Костеръ.
Ладо — дада Ладо	Славянская богиня любви.
Мара́	— богиня или духъ тьмы.
Рога и судины	Сосудъ, изъ коихъ пили напитки.
Куфы, баклаги	Небольшія бочки.
Клѣть, домина	Хижина — жилое строеніе.
Бореніе земное	Морское волненіе — лѣтописное выраженіе.
Полонянка	Плѣнница.
Напускъ, наговоръ	Чародѣйство.
Верзуны, сгибни	Бублики.
Паволока	Парча.
Фофудьи	Одежда изъ парчи.
Подницы	Юбки.
Челядины	Слуги.
Бидло	Стадо рогатаго скота.
Гостить	Угощать.
Живина	Мясо животнаго — принесеннаго въ жертву.
Ближникъ	Пріятель, родственникъ.
Перевѣсище	Мѣсто для ловли звѣрей сѣтьми.
Сопѣлъ	Флейта.
Золотникъ, литръ	Цареградскія монеты.

ДЕМОНСТРАЦІИ ПОЛЯКОВЪ,

ЖИВУЩИХЪ НА ВОЛЫНИ.

(Окончаніе).

Наступила осень, теплая и сырая погода сентября смѣнила дождливые и холодные мѣсяцы лѣта. Для насъ, мирныхъ жителей Житоміра, польскія манифестаціи получили характеръ обычныхъ явленій жизни, какое-то право гражданства. Словно чего-то недостаетъ, когда не слышишь пѣнія гимновъ по костеламъ, и не видишь разныхъ сценическихъ представленій. Въ отклоненіе отъ себя непріятностей и оскорбленій, трауръ надѣли многіе изъ такихъ жителей города—поляковъ, которые не только не сочувствовали патріотамъ, но явно осуждали ребяческія ихъ выходки; нѣкоторыя семейства поляковъ, отказались даже посѣщать костелы. Въ самый разгаръ этихъ продѣлокъ приходитъ вѣсть, что Вильно объявлено на военномъ положеніи; житомірскіе комедіанты всполошились, открыли совѣщаніе и рѣшили, что польское дѣло идетъ очень хорошо. Какъ же послѣ сего Житоміру, получившему въ воображеніи непрошенныхъ патріотовъ значеніе чуть не предмѣстья Варшавы, какъ этому городу грязи, лягушекъ и евреевъ отстать отъ какого-нибудь Вильно? *Непозвалямъ!* Военное положеніе Житоміру необходимо, потому, что мы, молъ, *кревъ шляхецкая,* презираемъ имъ, какъ установленіемъ русиновъ, мы его хцемы какъ благопріятнаго случая принести *офяре* ойчизнѣ, принять мученичество за шляхетскую свободу, *хцемы* его, какъ протеста предъ свѣтомъ, что Русину не иначе приходится его сдерживать, какъ военною силою. Положительно мы не утверждаемъ, что вожди манифестацій, обсуждая военное положеніе, выражали свои заключенія такъ именно, а не иначе, это для факта рѣшительно все равно; сообщаемъ же мы все это со словъ господъ разыгрывавшихъ роль патріотовъ на чужой землѣ. Дѣло въ томъ, что, съ этой именно поры, положено во что бы ни стало добиться до объявленія Житоміра на военномъ положеніи. Слѣдующій случай помогъ комедіантамъ достигнуть этой цѣли. Ночью, съ 20 на 21 Сентября, на городской соборной площади ставится неизвѣстно кѣмъ пяти-аршинный черный крестъ, съ бѣлою по угламъ каймою, обвитый гирляндою свѣжихъ цвѣтовъ, съ польскою надписью: «въ память поляковъ замучен-

нихъ въ Варшавѣ 1861 г.« * Утромъ, на разсвѣтѣ, крестъ вынутъ изъ земли полицейскими солдатами и отнесенъ въ полицію. Хотя это обстоятельство разстроило намѣренія патріотовъ, замыселъ неудался,— толпа не только не имѣла случая позѣвать у креста, но даже и видѣть его; но весьма естественно, что они имѣли въ виду крестомъ дать поводъ къ столпленію, вызвать противодѣйствіе со стороны блюстителей порядка, публично оказать неповиновеніе власти, а можетъ быть и насиліе полиціи. Мы проходимъ молчаніемъ самую надпись, хотя цѣль ея осязательна: напомнить событія варшавскія, обвинить насъ и наше правительство въ тираніи, надѣлать побольше шуму и крику, дабы потомъ польскіе адвокаты могли выставить все кривлянье и поясничанье горсти наэлектризованной шляхты за права Польши въ югозападной Россіи.

Казалось бы, что съ унесеніемъ креста съ площади, комедіанты должны были признать свою попытку неудавшеюся, но тутъ то собственно и начинается самый эффектный актъ мелодраммы, окончившейся объявленіемъ Житоміра на военномъ положеніи. Въ теченіе утра 21 Сентября скопленіе черни предъ окнами полиціи почти не прекращается, однихъ влечетъ туда любопытство—взглянуть на крестъ, евреи толпятся по обыкновенію — праздно проводить день на улицѣ, наши любезнѣйшіе патріоты, чтобы волновать умы и привлекать другихъ. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ поговаривать, что крестъ нужно

* Смѣшные патріоты! На южнорусской землѣ, среди южнорусскаго, православнаго народа они ставятъ памятники не въ честь множества ея героевъ, замученныхъ поляками, а въ честь чуждыхъ намъ поляковъ! добровольно натянувшихся на смерть, принявши участіе въ противузаконныхъ демонстраціяхъ варшавскихъ мятежниковъ, заблаговременно и неоднократно предостерегаемыхъ полиціею, чтобъ удержались отъ совершенія предположенныхъ ими крамольныхъ процессій и, нарушавшихъ общественное спокойствіе столпленій на улицахъ Варшавы. Мятежниковъ нигдѣ не ласкаютъ и не гладятъ по головѣ. Всякое правительство, послѣ предварительныхъ предостереженій и увѣщаній, всегда вынужденнымъ бываетъ для усмиренія ихъ прибѣгать къ оружію. Такъ было, есть и будетъ вездѣ и всегда. Такъ и варшавскіе мученики своеволія и непокорности законнымъ властямъ, получили праведную казнь, будучи раздавлены въ международной свалкѣ. Не суйся куда не слѣдуетъ, не бунтуй народъ — остались бы здравы и живы. Однакожъ неслыхано до сихъ поръ, чтобъ такого рода мученикамъ воздвигали гдѣ либо памятники и носили по нимъ трауръ. Для таковыхъ самый приличный памятникъ — это висѣлица, для острастки другимъ, но не св. крестъ, символъ спасенія нашего, на которомъ распятъ былъ Тотъ, Который училъ повиноваться властямъ предержащимъ и любить даже враговъ своихъ.

выручить, отнять силою, что заключеніемъ его въ полицію поругана вѣра и проч.; но какъ толпа большею частію состояла изъ евреевъ и русскихъ, любовавшихся этими представленіями, то и подстреканія ни къ чему не повели. Въ тотъ же день на прочихъ улицахъ города происходило другое представленіе. Нѣкоторые исключенные изъ гимназіи юноши, подговоренные польскими агитаторами, начинаютъ бѣгать изъ дома въ домъ (благо, что можно не учиться да шалѣть); на улицахъ особенно Кіевской, начинается движеніе небольшихъ группъ траурныхъ мущинъ и женщинъ и экипажей *съ бичемъ* (какъ символомъ шляхетскаго величія); группы эти шатаются сами не зная за чѣмъ; сходятся, расходятся, снова движутся, и наконецъ, чуя въ душѣ пустоту прямыхъ затѣй своихъ, хотятъ уже рисоваться защитниками креста, которымъ сами же такъ злоупотребили. Крестъ въ полиціи!... поношеніе католицизму! оскверненіе христіанства!... позоръ какого не сдѣлали бы татары!... Послѣ полудня, черныя юпки сходятся въ каѳедральный костелъ, открываютъ совѣщаніе и, пригласивъ Бискупа, объявляютъ ему, что католицизму совсѣмъ плохо въ Житомірѣ, что необходимо выручить крестъ изъ полиціи и водрузить его тамъ, гдѣ стоялъ. Благоразумный архипастырь уговариваетъ, совѣтуетъ женщинѣ не мѣшаться въ дѣло до нея не касающееся; ему возражаютъ, чтобы непремѣнно ѣхалъ къ губернатору и исторгнулъ крестъ изъ плѣна. Онъ отказывается исполнить требованіе самозванныхъ героинь и, глубоко оскорбленный ими, возвращается въ свой домъ. Героини остаются въ костелѣ; совѣщаніе длится. На сеймъ ихъ является полиціймейстеръ, онъ хочетъ войти въ храмъ; но стоявшіе на часахъ у входа — два исключенные гимназисты, давно уже подмѣченные въ различныхъ фарсахъ, отвѣчаютъ ему *«невольно для менщизны«*. Такъ-какъ комедія должна была кончиться комедіею, то полиціймейстеръ не нашелъ нужнымъ, входить въ дальнѣйшіе толки съ разшалившимися мальчиками. Около 3-хъ часовъ пополудни, тѣ же черныя юпки, окончивъ свой сеймъ, направляются чрезъ Чудновскую площадь къ дому начальника губерніи. Губернаторъ видитъ изъ оконъ дома, какъ на площади передъ входомъ появляются черныя гости: проходитъ минута—другая, онѣ входятъ въ переднюю. Изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ полиціймейстеръ; онъ вѣжливо спрашиваетъ черныхъ, что имъ угодно; объясняетъ имъ, что съ безпорядочнымъ сборищемъ губернаторъ говорить не можетъ и что если онѣ желаютъ сообщить ему что либо, пусть выберутъ 3-хъ депутатокъ, а остальныя разойдутся. На вѣжливыя

слова его: Que faites Vous, que voulez Vous, au nom de loi, Mesdames, sortez d'ici, etc. etc. etc..... черныя отвѣчаютъ криками по польски: мы требуемъ *крижа,* хочемъ видѣть губернатора, говорить съ нимъ, выручить *кришижъ!*.... Au moins tranquillisez Vous, Mesdames, marquez trois dames parmi Vous, comme deputées, pour que le gouverneur puisse Vous entendre! Говоръ стихаетъ. Три, самыя героическія юпки, отдѣляются отъ прочихъ и проходятъ во внутренніе покои. Мы за ними не послѣдуемъ; разговоръ ихъ съ начальникомъ губерніи намъ не-извѣстенъ, слышали однако, что депутатки отдавали себя на жертву за ойчизну, (жаль, что сами не знали за какую: память видно коротка, или плохо учились) за выручку креста изъ плѣна, что одна изъ нихъ порывалась даже раскрыть свою грудь, воображая ли, что подставляетъ её подъ лезвее ножа, или увлекаясь ролями Лукрецій, Сусаннъ и другихъ героинь сценическаго репертуара. Пусть онѣ тамъ декламируютъ свои монологи, выполняютъ заученныя роли героинь сценическаго репертуара за какую-то, только не нашу ойчизну; а мы между тѣмъ вернемся на площадь. Кто бывалъ въ Житомірѣ, тотъ знаетъ положеніе губернаторскаго дома и, значитъ, можетъ себѣ представить какъ эффектна была слѣдующая картина *. На верхней ступени крыльца (крыльцо открытое, имѣющее 4 ступени), во входной двери стоитъ полиціймейстеръ—почтенной и красивой наружности, съ длинными сѣдыми усами, штабъ-офицеръ, лицо его спокойно, движеніе губъ показываетъ, что онъ ведетъ о чемъ то разговоръ съ ближайшими къ нему черными. Передъ нимъ, на ступеняхъ и на площади небольшая группа женщинъ въ полномъ траурѣ. За ними въ глубинѣ площади, и особенно на Кіевской улицѣ, у праваго флигеля губернаторскаго дома, собралась другая толпа—зѣвакъ. Вниманіе послѣдней толпы и лицъ, проходящихъ по улицѣ, устремлено на полиціймейстера и черныхъ. Начальникъ полиціи обращается къ послѣднимъ на французскомъ языкѣ; заговаривалъ онъ и по русски, но черныя сочли это за оскорбленіе своего шляхетства и въ знакъ своего шляхетскаго величія среди южнорусскаго народа отреклись отъ русскаго языка. »Цо онъ муви баранимъ ѣнзыкемъ«?—вопили наши любезнѣйшія патріотки, забывши, что они играютъ эту роль среди южнорусскаго народа. Полиціймейстеръ просилъ дамъ

* Мы слышали, что наши житомірскія манифестаціи уже поставлены на парижской сценѣ и что картина ихъ вѣрно схвачена съ натуры и производитъ комическій эффектъ.

разойтись, представлялъ имъ неловкость ихъ собранія; но убѣжденія его терялись въ воздухѣ. Изъ проходившихъ чрезъ площадь мущинъ, нѣкоторые тоже подходили къ отряду черныхъ, блокировавшихъ губернаторскій домъ и совѣтовали имъ разойтись, напоминая о послѣдствіяхъ ихъ движенія, о военномъ положеніи города; на благоразумныя эти предупрежденія и совѣты черныя вскрикивали: »мы хочемъ военнаго положенія, *мы хцемы тэго!*«

Билъ уже 5 часъ; наступали сумерки. Блокадная группа черныхъ женъ рѣдѣла, а уличная толпа зѣвакъ густѣла. На площадь, къ крыльцу губернаторскаго дома, пришла рота гарнизоннаго баталіона. Появленіе солдатъ съ ружьями произвело надлежащее впечатлѣніе на амазонокъ, блокировавшихъ полицій-мейстера и входную дверь,—онѣ стали отступать и одна за другой очень скоро ретировались во-свояси. Губернаторъ, отпустивъ депутатокъ, вышелъ на площадь, привѣтствовалъ роту и приказалъ разойтись толпѣ. Приказаніе это было повторено; значительная часть лицъ, приставшихъ къ толпѣ изъ одного лишь любопытства, особенно евреи, удалилась, оставшимся же за тѣмъ захотѣлось еще покричать; поджигателями были тѣже самые, исключенные и недоучившіеся гимназисты. Они почти одни только шумѣли, отчего крикъ и шумъ были довольно слабы. Смерклось. Исполнена и послѣдняя формальность: три раза прогремѣлъ барабанъ и три раза повторено приказаніе разойтись. Остатки толпы думали какъ-нибудь продолжить свою натянутую шумиху; но за всякимъ дѣйствіемъ наступаетъ наконецъ финалъ. Когда въ дѣло употреблено восемь жандармовъ, получивъ строгой приказъ—не вынимать сабель изъ ноженъ, а за ними послѣдовала цѣпь пѣхоты до Чудновской площади, то на улицѣ не осталось ни одного человѣка: толпа закивала пятками и убралась во свояси. Одна полька забѣжала въ магазинъ; въ порывѣ шляхетскаго воодушевленія забыла, что время для визитовъ давно уже пропало, зашла въ магазинъ и оставила тамъ свою визитную карточку. Войска отпущены. Такъ кончилась манифестація извѣстная въ Житомірѣ подъ названіемъ ополченія черныхъ женщинъ на освобожденіе креста.

Генералъ губернаторъ, получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, приказалъ объявить городъ на военномъ положеніи: въ Житоміръ введенъ баталіонъ армейской пѣхоты, и къ дѣйствію вызваны законы, соотвѣтствующіе новому состоянію города. Агитаторы, т. е. комедіанты и патріоты добились чего хотѣли; но довольны ли они теперь?

«День» первый изъ нашихъ журналовъ озарилъ мракобѣсіе, занесенное въ наши западныя губерніи узкимъ польскимъ патріотизмомъ. Намъ тяжело было видѣть ослѣпленіе, съ которымъ эта горсть чьихъ-то патріотовъ употребляла такія комическія усилія къ заявленію правъ польской національности среди русскаго населенія. Теперь для всѣхъ стало очевидно, что и патріотическіе гимны, и театральность костюмовъ, и подмѣсь религіознаго фанатизма, профанировавшаго католицизмъ, и разныя побрякушки, которыя патріоты цѣпляли на себя, какъ эмблемы своей народности и протеста противъ Россіи,—все это вмѣстѣ послужило ко вреду же польской народности и едва ли не нанесло окончательнаго удара панскимъ претензіямъ въ краѣ. Кромѣ презрѣнія къ героямъ и героинямъ, легкомысленно пародировавшимъ польскую народность, и разыгривавшимъ разныя роли, мы выносимъ изъ минувшихъ событій еще другія чувства — чувство состраданія къ участи лицъ, сдѣлавшихся жертвами ксендзо-панской утопіи, и чувство негодованія къ нравственной распущенности молодыхъ людей, выбивавшихся изъ силъ, чтобы прослыть передовыми такого неловкаго и неумѣстнаго движенія. Теперь, когда военное положеніе ввело въ дѣйствіе изданные на подобные случаи законы, мы только и слышимъ жалобы и вопли на штрафы. Между тѣмъ кто же— какъ не патріоты, такъ легкомысленно относившіеся къ намъ и нашему правительству, вызвали противъ себя всѣ эти крайнія мѣры? Развѣ правительство не оказало долготерпѣнія, не дѣлало всевозможныхъ внушеній, не ждало въ теченіе почти года окончанія патріотическаго пароксизма! Кто же, спрашиваемъ, виноватъ, что обращеніе къ крайнимъ мѣрамъ оказалось единственнымъ средствомъ къ приведенію патріотовъ къ здравому смыслу и тишинѣ. Благодаря этимъ мѣрамъ затихли гимны, попрятались незванные патріоты, прекратились *маскарады*, не слышно уже и слова о созданіи Польши въ Россіи и на счетъ Россіи, замолкли рѣчи и о безсиліи правительства,—о томъ, что репрессивныя мѣры—несовременны, и что Европа у поляковъ на службѣ, въ караулѣ и не позволитъ намъ прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ. Вы, гг. поляки перестали говорить всевозможный вздоръ на счетъ нашей народности, нашей исторіи и нашей жизни; вы уже болѣе не оправдываете своихъ манифестацій клеветою, что въ Россіи всё волнуется и стремится къ расторженію государственнаго строя, вы не обобщаете уже вашего движенія, съ движеніями университетскими,—вы теперь конечно, поняли различіе между желаніемъ университета и забѣжавшимъ

сюда въ лицѣ вашемъ польскимъ патріотизмомъ. Вы, наконецъ, перестали сами себѣ противурѣчить, порицая правительство сегодня за снисходительность, а завтра за строгость! Жаль только что ваше прозрѣніе васъ посѣтило, уже тогда, когда мы видимъ слезы, изумленіе, и слышимъ безпрестанные вопросы: за что эти аресты и приговоры? Гдѣ важность преступленій арестованныхъ? Кто эти виновные? Не недоросли-ль, не ничтожныя ли лица? Зачѣмъ нарекать на всѣхъ, когда участниками оказываются лишь не многіе? Зачѣмъ такія мѣры, какъ обезоруженіе однихъ поляковъ, а не всѣхъ жителей края? Зачѣмъ, въ административныхъ и полицейскихъ распоряженіяхъ, численности и силѣ русскаго народа въ здѣшнемъ краѣ, сопоставлять ничтожную цифру польскаго населенія? Зачѣмъ литературѣ мѣшаться въ политику; а журналамъ помѣщать статьи разъясняющія исторію западной Россіи и враждебныя отношенія народа къ польской національности? Мы могли бы много и много еще разъ повторить этихъ: *зачѣмъ, зачѣмъ;* но остановимся. Мы просимъ г.г. патріотовъ сообразить, не имѣютъ ли всѣ эти *зачѣмъ* связи съ ихъ слѣпымъ увлеченіемъ и, не взыщите за правду,—съ вашимъ непониманіемъ Россіи и ея законодательства, какъ слѣдствіемъ полнаго вашего отъ насъ отчужденія. Вы знаете, напримѣръ, всѣ юридическія формы и обряды суда во Франціи, а о своихъ русскихъ законахъ не имѣете понятія. И потому, когда застигаетъ васъ отвѣтственность предъ закономъ, когда законъ обязываетъ васъ къ исполненію долга, вы какъ-то странно и дико относитесь къ закону и къ его приложенію и, что всего не логичнѣе, воображаете кое-какими софизмами, да жиденькими сентенціями, отдѣлаться отъ закона и обойти его кару. Вотъ, хоть бы въ настоящихъ обстоятельствахъ, вы обвиняете правительство за то, что въ Мартѣ и Апрѣлѣ оно не приняло энергическихъ мѣръ къ обузданію пустыхъ агитаторовъ и подавленію манифестацій. Будьте, хоть однажды въ жизни логичны,—согласитесь, можно ли лишать правительство свободы быть кроткимъ, гуманнымъ, разсчитывать на смыслъ своихъ гражданъ и относиться къ ихъ благоразумію, мнѣнію и общественной совѣсти? Не такъ ли оно поступило по отношенію къ вамъ? Имѣете ли право нарекать на него, когда сами же отвергли сдѣланныя вамъ внушенія, предостереженія и время долгаго выжиданія для выхода изъ затѣянныхъ вами демонстрацій, путемъ чести и покоя? Далѣе вы всюду кричите, что наказанія за неумѣстныя у насъ ваши пѣнія были слишкомъ строги, не сообразныя со степенью вины. И въ этомъ

случаѣ вы упорствуете взглянуть на дѣло съ точки закона и заблуждаетесь, а между тѣмъ дѣло очень ясно: полевое уложеніе за ослушаніе и неповиновеніе присуждаетъ или естественную или политическую смерть; вы судимы уже не за процессъ пѣнія, не за буквальный смыслъ гимновъ, а прямо за неповиновеніе власти, за ослушаніе не пѣть гимновъ или точнѣе—за то, какъ намъ объяснилъ вашъ же соотечественникъ, архіепископъ Фіалковскій, въ своемъ адресѣ, что гимны и вообще манифестаціи имѣли цѣлію разрушить существующій порядокъ вещей—сдѣлать переворотъ въ государствѣ. Что это такъ, ссылаюсь на то, что отъ первой до послѣдней страницы во всемъ полевомъ уголовномъ кодексѣ, вы не найдете и слова о вашихъ гимнахъ, траурѣ и проч:, тогда какъ тамъ же за ослушаніе, оскорбленіе власти, нарушеніе порядка, покушеніе противъ государственной безопасности, ожидаетъ каждаго заслуженное возмездіе. Теперь мы часто слышимъ, что такой-то и такой преданъ суду или конфирмованъ—потому только, что былъ уличенъ или замѣченъ полицейскимъ чиновникомъ, а другихъ уликъ и доказательствъ его виновности нѣтъ. Чего же больше? Гдѣ прикажете иногда найдти другихъ свидѣтелей вашихъ минувшихъ продѣлокъ, когда вы дѣйствовали часто, какъ уличные мальчишки, бросающіе камень изъ за угла, какъ школьники, которые, желая разсмѣшить своихъ товарищей, показываютъ имъ изъ-за спины гувернера языкъ, а при спросѣ сего послѣдняго, запираются. Скажите, почему вамъ вѣрить болѣе, нежели чиновнику? Послѣдній есть законный органъ власти, и исполнитель велѣній закона, присяжный свидѣтель въ дѣлахъ требующихъ *разбирательства*. Вольно же вамъ, относясь къ нему, сквозь призму вашей фанаберіи, вашей разнузданности и вашего самодурства, не признать въ немъ ни его значенія, ни его права и постановки, ни даже его порядочности. Скажите уже не за то ли вѣрить вамъ болѣе, чѣмъ чиновнику, что вы кощунствовали надъ религіею, попирали законность, насиловали общественную жизнь, публично отреклись отъ благороднаго слова, чести и всякаго нравственнаго начала? Нѣтъ, гг. чуждые намъ патріоты, вмѣсто того, чтобы пенять на другихъ, признайте себя вполнѣ заслужившими той кары, которая упала на васъ съ военнымъ положеніемъ города; это будетъ по крайней мѣрѣ и благороднѣе и нравственнѣе. Касательно упрека дѣлаемаго вами, намъ русскимъ, что мы первые подняли вражду къ полякамъ и разжигаемъ её литературнымъ путемъ, вы столько же не правы. Мы весьма сожалѣемъ, что, по стеченію особыхъ обстоятельствъ, не можемъ въ

настоящее время представить вамъ перечень тѣхъ журнальныхъ статей и отдѣльно напечатанныхъ брошюръ, которыми, нами русскими сдѣланъ шагъ къ сближенію нашего племени съ польскимъ. Такъ ли поляки ведутъ себѣ относительно насъ, просимъ ихъ вспомнить о тѣхъ заграничныхъ журналахъ, которыми они лишаютъ насъ не только права называться русскими, но лишаютъ насъ и славянской крови *.

Послужатъ ли, въ будущемъ, на пользу полякамъ настоящія явленія? Не знаемъ; дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобы послужили. Въ городѣ теперь они притихли, съ ужасомъ разсказываютъ что 60-тъ человѣкъ арестовано и предано суду, что 9-ть изъ нихъ уже конфирмованы въ солдаты съ лишеніемъ или безъ лишенія правъ, съ выслугою или безъ выслуги, — что такая же участь ожидаетъ и прочихъ, и еще худшая тѣхъ, которые ни къ селу, ни къ городу, ставили крестъ и сами напросились на военное положеніе. Поляки нѣсколько болѣе прозрѣли въ своихъ воззрѣніяхъ на отношенія свои къ народу въ здѣшнемъ краѣ; но не вполнѣ еще освободились отъ предубѣжденія, что еслибы правительство не постаралось развести ихъ съ крестьянами, они могли бы стать съ ними за одно. Слѣпота воображаемыхъ патріотовъ въ семъ случаѣ неизцѣлима—когда монифестъ 19 Февраля 1861 года всюду уже былъ объявленъ, головы патріотовъ закружились, они стали оглашать, что правительство ихъ упредилю, что они сами давно думали освободить крестьянъ отъ барщины, хотѣли имъ подарить усадьбы и проч. Увидѣвъ однако, что русскій крестьянинъ оставался тѣмъ же смышленнымъ и признательнымъ землепашцемъ, ожидающимъ своего освобожденія отъ правительства, а не отъ пановъ,— они пустились на фарсы, цѣль которыхъ была показать, что между панами и крестьянами въ краѣ, всегда существовала и нынѣ неразорвана связь и единеніе, и что только правительство разводило эти два сословія. Нѣкоторые паны надѣли украинскія свитки и казачьи шапки, одинъ изъ нихъ пригласилъ крестьянъ съ собою въ костелъ, и когда тѣ вошли, далъ имъ деньги съ приказаніемъ положить ихъ на тарелку, сидѣвшей у входа пани квестарки. При выходѣ крестьянъ изъ костела, вдругъ та самая квестарка подноситъ крестьянамъ серебренную чашу для православной церкви и проситъ ихъ принять эту вещь въ благодарность за вкладъ денежный, сдѣланный ими костелу.

* Львовская Narodowa Gazeta, Dziennik Polski въ Львовѣ и многія другія.

Другой панъ созвалъ крестьянъ на обѣдъ, сѣлъ и самъ съ ними, пьетъ за ихъ здоровье, привѣтствуетъ ихъ съ вступленіемъ въ новую жизнь; пьютъ и крестьяне за здоровье пана. Обѣдъ идетъ чинно, крестьяне напились и наѣлись до отвала, панъ болѣе разсыпался въ комплиментахъ, чѣмъ ѣлъ; къ концу обѣда, одинъ изъ пировавшихъ крестьянъ встаетъ со своего мѣста, подходитъ къ хозяину, напоминаетъ ему, что онъ тогда-то и тогда обидѣлъ его брата (или сына, не помнимъ хорошо:) осыпаетъ его крупными словами и весьма неуважительными для родителей пана выраженіями и, къ концу своей діатрибы, засучиваетъ рукава для послѣдняго съ паномъ расчета. Вмѣшательство другихъ крестьянъ не допустило ссоры до послѣдней развязки. Даже среди самаго разгара патріотическихъ манифестацій, крестьяне, подслушавъ, что паны въ гимнахъ своихъ поютъ: «возврати намъ Боже нашу ойчизну»: (разумѣется по польски) передѣлали эту фразу на свой ладъ и увѣрены, что паны молятся Богу о возвращеніи имъ *панщизны* т. е. барщины. Уже по одному этому обстоятельству можно судить о связи и единеніи польскаго пана съ южнорусскимъ крестьяниномъ въ нашемъ краѣ.»

Впрочемъ мѣры военнаго положенія образумили патріотовъ только наполовину. Они знаютъ, что отъ нихъ самихъ зависитъ—продолжить или сократить его срокъ; тѣмъ не менѣе продолжаютъ еще упражняться въ пѣніи гимновъ и продолжаютъ по мѣстамъ судорожныя попытки къ противодѣйствію правительству. Вы спросите, къ чему же это упорство, и получите въ отвѣтъ »чтобъ настоять на своемъ,« а въ сущности потому, что стыдно же разомъ сознаться въ комизмѣ бывшихъ польскихъ выходокъ среди огромной массы враждебнаго имъ народонаселенія. Этимъ опасеніемъ—упасть мгновенно съ мнимой трагической высоты въ область самого смѣшнаго комизма, мы объясняемъ себѣ и то явленіе, что нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, вліяніемъ своимъ умѣвшіе воздержать многихъ дворянъ отъ участія въ манифестаціяхъ, бывшихъ въ другихъ уѣздахъ, рѣшились потомъ отличиться въ костелахъ искуснымъ пѣніемъ гимновъ. Но какое жалкое усиліе поддерживать искуственнымъ напряженіемъ то, что рѣшительно не имѣетъ жизненной связи не только съ нашими классами народа, но даже и съ большенствомъ средняго народонаселенія. Не даромъ сравнивали этихъ господъ съ мальчиками приходской школы, сговорившимися не отвѣчать учителю урока.

Не безполезно было въ нѣкоторомъ отношеніи развитіе въ

западныхъ губерніяхъ польскихъ манифестацій и для насъ русскихъ. Мы теперь наглядно убѣдились, что у поляка нѣтъ ни малѣйшаго желанія ни склонности къ сближенію съ нами—русскими, ему все грезится, что онъ, забравшись въ южнорусскій край, долженъ владычествовать; а потому мы приходимъ къ заключенію, что для спокойствія и развитія нашего южнорусскаго края нѣтъ уже никакой нужды въ выжиданіяхъ и снисхожденіи къ заносчивымъ выходкамъ гг. польскихъ манифестаторовъ. Время уже сказать имъ, что они не смыслятъ, что дѣлаютъ. Мы не хотимъ бросать камень укоризны на дворянъ нашихъ западныхъ губерній за то, что ихъ отцы или дѣды сбилися съ пути, но не можемъ не высказать, что гг. дворянамъ нашего южнорусскаго края нужно избрать что либо изъ двухъ: или возвратиться опять къ нашей народности, или же, сохраняя свою заимствованную народность, относиться къ намъ точно также какъ и прочіе иностранцы, у насъ живші'е, безъ малѣйшаго притязанія на возстановленіе латинопольскаго ига. Если же вы отвергаете нашъ братской совѣтъ, наше желаніе миролюбиваго съ вами сосѣдства, то мы вынуждены напомнить вамъ, что мы, русскій народъ, умѣли отстоять нашу народность, когда на насъ обрушалась Польша, съ своими панами, жидами, іезуитами, жолнерами; съумѣемъ охранить её и теперь; но подумайте, каково будетъ ваше положеніе, когда наконецъ мы покажемъ Европѣ, что вы ее обманывали, и преступно увѣряли ее въ томъ, что возникло въ васъ изъ вашего же ослѣпленія и не имѣетъ никакого основанія въ дѣйствительности. Изъ жизнеописанія Курбскаго (изданіе кіевской археографической коммисіи), вы увидите, что начинающими были не мы, вы увидите, до какихъ возмутительныхъ явленій доходило самодурство шляхетства въ западной Россіи, вы почувствуете омерзеніе къ тѣмъ злодѣйствамъ, которыми тѣшили себя паны рѣчи-посполитой. То была эпоха даже не кулачнаго права, а варварства, дикаго истязанія. Нынѣ и въ мысль никому не придетъ находить удовольствіе въ мученіяхъ и смерти человѣка, положеннаго въ яму, налитую водою и наполненную голодными пьявицами, а, тогда, у васъ, въ вашей свободной и, по вашему мнѣнію, передовой между всѣми славянскими племенами Польшѣ, сплошъ-да-рядомъ дѣлалось это и того хуже. А панскіе еще суды, что за звѣрство,—за подлое право? Судами этими убито въ нашемъ народѣ общинное начало, самоуправленіе, народный судъ—словомъ тѣ элементы народности, которые составляютъ ея силу и жизненность. Въ замѣнъ этихъ благихъ началъ гражданственности суды пановъ, да еще

какихъ? нашихъ же ренегатовъ, только измучился нашъ народъ и отняли у него столько жизненныхъ силъ. Да и могло ли быть иначе, когда предки ваши православнаго человѣка рѣзали на части, и разсылали ихъ по селамъ и деревнямъ домовладѣльцевъ для развѣшиванія и разставленія на высокихъ шестахъ. Не правда ли, что картина нами выставляемая отвратительна, а между тѣмъ такія ли еще дѣла творились въ вашей свободной Польщѣ. Стóитъ ли послѣ того дорожить, гордиться идеаломъ какой-то вашей Польщи, о которомъ вы такъ много шумите и котораго мы знать не хотимъ? Совѣтуемъ же вамъ не паясничать, не шутить съ своими сценическими представленіями и отказаться отъ дикихъ притязаній на нашу землю и на насъ, не расчитывать на готовность нашу подчиниться вамъ, не считать насъ до того невѣжественными, что будто мы не можемъ отличить лжи отъ правды, добра своего отъ чужаго, призрака отъ дѣйствительности. Совѣтуемъ вамъ снять съ себя маску ревнителей славянства, покровителей гуманности, обще-человѣческой цивилизаціи и всякихъ мечтательныхъ идеаловъ, отвлеченныхъ теорій, которыя вамъ измѣнникамъ своей южнорусской народности такѣ не къ лицу и за которыми кроются только кой-какія заднія мыслишки.

И такъ гг. русскіе поляки, хотите жить съ нами въ ладу, сойдите къ намъ съ вашихъ сословныхъ утлыхъ подмостокъ, бросьте ваши ненавистныя намъ затѣи, иначе и не домогайтесь стать во главѣ нашего угла. Тоже самое вамъ скажетъ когда нибудь даже нашъ простой народъ, высвобожденный наконецъ отъ латинопольскаго ига. Онъ вамъ скажетъ: не смотря на многовѣковыя ваши усилія ополячить и олатинить насъ, мы сохранили во всей цѣлости наши нравы, обычаи, нашъ бытъ съ его религіозными убѣжденіями, соціальными началами равноправности, братской любви и племенной цѣльности. А что такое, ваше искусственное, завязавшееся у насъ сословіе? Набѣсновавшись изъ подражанія польскимъ панамъ погубивъ Польшу фамильными столкновеніями, религіозною нетерпимостію, униженіемъ королевской власти и анархіею, какъ вы смѣете домагаться взять подъ свою опеку насъ и нашу народность? Настоящія манифестаціи вашихъ лжепатріотовъ доказываютъ только, что вы исторически изжились, одряхлѣли и утратили всякое понятіе о государственномъ строѣ: вы шумите и мятетесь изъ-за того, что всегда намъ противно и ненавистно. Если не умѣете понять нелѣпости вашихъ выходокъ, то ищите для себя и польской, своей собственной почвы и дѣлайте на ней что вамъ угодно;

тогда знайтесь только съ правительствомъ. Но на землѣ русской, на землѣ нашей, на которой вы сравнительно съ туземнымъ, кореннымъ русскимъ народонаселеніемъ, составляете огромное меньшинство, всякое заявленіе со стороны вашей права на возстановленіе польской народности, есть глубокое оскорбленіе нашего національнаго чувства, есть безуміе и несбыточная химера. Не хорошо вамъ жить съ нами, у нашего очага, идите съ Богомъ искать лучшаго, мы плакать не станемъ.

Волынянинъ.

РАЗЪЯСНЕНІЕ ПРИЧИНЪ ПОЛЬСКОЙ ТРАУРОМАНІИ.

(посвящается милымъ полькамъ патріоткамъ).

Многимъ кажется страннымъ смотрѣть на недавнюю моду западныхъ жительницъ Россіи католичекъ — на трауръ, въ который онѣ облекались и облекаются съ возрастающимъ жаромъ. Извѣстно цѣлому свѣту, что польки* самыя кокетливыя, самыя вертляво-милыя созданія, любящія рядиться, перетягивать искусно стройныя таліи, прикалывать къ изящно-причесаннымъ волосамъ цвѣты и наколки.... И каково же вдругъ видѣть этихъ гурій католическаго міра отбросившими кокетство, облекшимися въ неуклюжія, шерстяныя, чорныя платья, и притомъ въ жестокій жаръ и безъ всякой, по видимому, нужды. Въ самомъ дѣлѣ странная метаморфоза, и я самъ, каюсь въ томъ, не разъ смотрѣлъ съ неудержимой усмѣшкой на это маскарадное переодѣванье. Говорили, что это патріотическія выходки, что польки носятъ трауръ по погибшимъ въ Варшавѣ, за мнимое патріотическое рвеніе, разнымъ безумцамъ. — Но и эта причина намъ казалась не менѣе смѣшною и маскированіе полекъ ребячествомъ... Съ этимъ убѣжденіемъ я никогда бы не разстался, если

---

* Хотя мы старались всегда отличать католиковъ и католичекъ отъ поляковъ и полекъ потому, что между исповѣдующими р.-католическую вѣру есть много русскихъ по происхожденію; но какъ всѣ католики западнаго и югозападнаго края Россіи усиливаются навязать себѣ польскую народность, — то, на этотъ разъ, пусть будетъ по ихъ желанію, — и мы будемъ называть польками всѣхъ католичекъ.

Авторъ.

бы один изъ почтенныхъ людей не объяснилъ мнѣ истинной причины траура полекъ. Причина весьма уважительная! Теперь я мирюсь съ польской траурොманіей; это достойно-благородная, высоко-патріотическая выходка прекрасныхъ католичекъ, предъ которою я благоговѣю! Вы смѣетесь? — Не смѣйтесь, пожалуста, а выслушайте до конца мой разсказъ, — и я надѣюсь, вы перемѣните свои мысли на счетъ этого предмета такъ точно, какъ перемѣнилъ ихъ я.

Любя свою *отчизну* (этимъ хвалятся всѣ польки), онѣ, разумѣется, съ теплымъ сердечнымъ участіемъ глядѣли и глядятъ всегда на царство польское и желаютъ ему добра; но добра какъ-то все не могутъ дождаться. Только что оправится Польша отъ волненій и, кажется, станетъ на пути къ благоденствію, какъ вдругъ какой-нибудь, невзначай вырвавшійся случай, повергаетъ ее въ новое злополучіе. Эти-то несчастные случаи и составляютъ истинное горе полекъ, они-то и заставляютъ ихъ облекаться въ трауръ, въ чувствѣ скорби о жалкой долѣ дорогаго имъ края.

Не будемъ говорить о временахъ давно прошедшихъ, но бросимъ бѣглый взглядъ на эту страну съ эпохи перехода ея подъ покровительство Россіи.

Послѣ паденія Наполеона I-го, когда, при общемъ усмиреніи Европы, на вѣнскомъ конгресѣ всѣ вѣнценосцы и ихъ представители, негодуя на поляковъ за то, что они до конца влачились за побѣдною колесницей возмутителя общаго спокойствія и не надѣясь, чтобы, составляя самостоятельное государство, они перестали нарушать спокойствіе сосѣдей, не только требовали уничтоженія этой самостоятельности, но и настаивали на томъ, чтобы названіе Польши было стерто съ карты Европы;—одинъ только русскій Императоръ Александръ I воспротивился этому и согласился взять Польшу подъ свое покровительство. Поляки клялись за себя и за свое потомство почитать Александра и его преемниковъ своими законными государями и, кажется, съ любовію приникнули подъ покровъ своего вѣнценоснаго защитника, называя его, даже на своихъ монетахъ «Wskrzesiciel Polski.» Великодушный Императоръ, не смотря на то, что поляки, сражались въ полчищахъ Наполеона и стремились къ погибели Россіи, принявъ Польшу подъ свою державу, обратилъ на нее отеческую, можно сказать, заботливость, даже въ ущербъ своей имперіи. До Александра I не было въ Польшѣ ни фабрикъ, ни мануфактуръ, ни правильной торговли, — все это развилось при немъ на русскія деньги,

образовалось въ Польшѣ превосходное войско, доведенное братомъ Государя, Цесаревичемъ Константиномъ, до высшей степени устройства; и вообще, подъ скипетромъ русскаго Монарха, Польша ожила съ новою силою, какъ не живала прежде, при своей самостоятельности; вѣкъ Александра по справедливости называютъ цвѣтущимъ вѣкомъ въ Польшѣ наукъ, художествъ и торговли, въ чемъ сознавались и польскіе писатели. Всѣ, по видимому, были довольны новымъ порядкомъ вещей, по крайней мѣрѣ спокойствіе края не прерывалось. Такъ шли дѣла Польши до 1831 года.

Не знаю почему облагодѣтельствованное всѣмъ царство вдругъ возмутилось противъ Россіи. Вѣроятно причиною тому были враги Польши, завидовавшіе возраставшему благосостоянію. И вотъ зажглись грозныя битвы, изнурившія, обезсилившія страну, только что окрѣпшую и воскресшую. Лучшая молодежь, увлеченная примѣрами сбившихся съ пути старыхъ фантазёровъ, или пала въ сѣчахъ, или (частію) переселилась въ рудники и тундры Сибири или, оставивъ отечество, пошла скитаться по чуждымъ землямъ. Обѣднѣли панскіе роды; многія имѣнія эмигрантовъ были конфискованы, обѣднѣлъ народъ, истощенный войною и значительнымъ постоемъ войска, которое было необходимо для окончательнаго подавленія запавшаго въ народѣ духа своевольства и навѣянныхъ ему шляхтою увлеченій. Польша страдала тяжко, хотя и заслуженно.

Видя такую сумазбродную вспышку разгоряченныхъ безумныхъ головъ, повергшую милую отчизну въ скорбную долю, какое истинно-доброе сердце истой польки не облилось тогда кровію, и если-бы онѣ надѣли тогда трауръ, намъ былъ-бы понятенъ ихъ скорбный видъ,—онъ выражалъ-бы плачъ благородной души, сокрушающейся о безумныхъ увлеченіяхъ безтолковыхъ патріотовъ, третій разъ погубившихъ Польшу.

Послѣ этой катастрофы, само собою разумѣется, нельзя было довѣрять странѣ, неумѣвшей оцѣнить великодушнаго протекторства Россіи, и потому осторожный взоръ мудраго Императора Николая I. сталъ строже слѣдить за этимъ народомъ. Это было попечительство серьозное, но необходимое. Нужно же было охранить легкомысленный народъ отъ коварныхъ подстрекательствъ злоумышленниковъ и дать ему окрѣпнуть нравственно и утвердиться въ благоразумныхъ мысляхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и почившій Императоръ не всегда былъ бы недовѣрчивъ къ Польшѣ, и если бы убѣдился въ ея моральномъ исправленіи,—то сталъ бы давать ей мало по малу разныя льготы.

Но онъ не могъ этого сдѣлать; обстоятельства постоянно мѣшали измѣненію къ лучшему этой страны. Зашумѣла сосѣдка Польши—Венгрія, и поляки, эмигранты Россіи, стали помогать ей физически и морально, всколыхалась неугомонная Францiя, волны ея конвульсивныхъ ажитацій разлились по всему европейскому материку, а вотъ подоспѣлъ и восточный вопросъ. При всѣхъ этихъ народныхъ вспышкахъ, искры пожаровъ залетали и въ Польшу; при всякомъ возмущеніи другихъ странъ,—честолюбцы—фантазёры и хитрые интриганты польскіе не переставали волновать умы довѣрчиваго польскаго народа;—можно ли было давать волю этимъ умамъ?—Это былъ бы грѣхъ передъ націей, благосостояніе которой ввѣрено Государю русскому Провидѣніемъ.

Наконецъ восходитъ на русскій престолъ великодушнѣйшій Императоръ Александръ II. Избравъ своимъ девизомъ благо своихъ подданныхъ, онъ обращаетъ кроткій, дружественный взглядъ и на царство польское. Начались пріуготовленія къ благодѣтельнымъ реформамъ, народу позволено высказывать печатно свои нужды и недостатки прежней правительственной организаціи, заявлено намѣреніе, составить прочное, полезное для польскаго народа управленіе. Все предвѣщало счастливую будущность несчастной Польшѣ. Но вдругъ опять явились на сцену интриги, дѣтское нетерпѣніе, злонамѣренные толкователи благодѣтельныхъ намѣреній Монарха снова стали мутить легковѣрныхъ. Начались глупѣйшія демонстраціи, протесты и другія выходки столько же рьяныхъ, сколько и безразсудныхъ патріотовъ.

Кто не понималъ, что эти безпричинныя, противузаконныя выходки безумцевъ останавливаютъ развитіе полезныхъ для націи намѣреній правительства, что они злонамѣренно хотятъ оттолкнуть отъ народа сердце отца Царя и вселить въ Него, вмѣсто любви, если не ненависть, то, по крайней мѣрѣ, нелюбовь и недовѣріе, и сокрушить всѣ начатки благова... Развѣ это не горе для нѣжнаго сердца, горячо любящаго свою милую отчизну?—А кто можетъ такъ нѣжно, такъ тонко чувствовать и радость и горе, какъ сердце женское!?—Вотъ почему прелестныя католички, отбросивъ пышные, изящные наряды, облеклись въ трауръ! Этимъ трауромъ онѣ оплакиваютъ новыя раны любезной отчизны, заявляютъ свою скорбь о заблужденіяхъ возмутителей, хоть и единоплеменныхъ имъ.... И какъ не плакать, какъ не облекаться въ трауръ при такомъ горѣ истиннымъ патріоткамъ польскимъ! Вѣдь онѣ могли думать, что оскорбленный безразсудствами ихъ отцовъ, мужей и братьевъ Монархъ, можетъ

перенести свой гнѣвъ съ недѣлимыхъ на всю націю, можетъ ускорить ея погибель или, по крайней мѣрѣ, перестанетъ благодѣтельствовать ей.

Но любовь Государя была выше оскорбленія. Она открыла ему, что не нація виновата въ непониманіи его милостей, а только ничтожная ея часть. Онъ простилъ народу грубыя выходки буйной толпы, и снова сталъ неусыпно заботиться о народномъ благоденствіи,—какъ вдругъ является уже не глупая выходка необразованной толпы или сумазбродство буйнаго юношества, а подлость, подлость самая низкая—подлость въ полномъ смыслѣ этого слова, убившая послѣднюю добродѣтель польскаго народа, quasi-благородство. Пистолетъ убійцы, скрывшагося за кустами, поражаетъ Намѣстника Царскаго. Какъ должна была глубоко уязвить эта подлость сердца благородныхъ полекъ, которыя должны были оплакивать въ этомъ поступкѣ погибшее безвозвратно народное самолюбіе!.. И какъ, послѣ этого, истиннымъ патріоткамъ не надѣть траура!? Вѣдь не шутка потерять навсегда благородное реномэ всему народу и слышать презрительное негодованіе цѣлой Европы!

Но этого мало. Государь, желая доказать полякамъ, что Онъ и теперь не считаетъ участницею и въ этомъ низкомъ поступкѣ цѣлую націю и не хочетъ унизить ея честолюбіе названіемъ поляковъ разбойниками,—послалъ къ нимъ своего роднаго брата. И что-жъ?—Въ тотъ день, когда гуманный Великій Князь, какъ бы въ залогъ любви къ полякамъ нарекаетъ своему новорожденному сыну имя, нѣкогда любезное польскому народу, подкупленный шляхтою убійца стремится пресѣчь его жизнь, обѣщающую Польшѣ благоденствіе и миръ. Это уже верхъ несчастія Польши. Развѣ можно при этомъ не облечься въ трауръ!... Плачьте, сокрушайтесь, благородныя польки!—Мало вашего траура; посыпьте пепломъ ваши головы, какъ дѣлали древніе іудеи, и рыдайте о потерѣ чести вашей милой, дорогой отчизны!.....

Казалось бы все погибло для народа. Но благость Царя—выше ожиданія! Онъ не покидаетъ народъ и не только не мститъ ему, но продолжаетъ дѣлать благодѣянія. Самъ великодушный Великій Князь, едва оправившись отъ раны, нанесенной ему убійцею, дружественно протягиваетъ полякамъ руку и расточаетъ благодѣянія многимъ лицамъ, невольно увлеченнымъ хитрыми обольщеніями безпокойныхъ головъ въ необдуманные поступки. Казалось бы пора образумиться полякамъ, надобно бы самимъ преслѣдовать его умышленниковъ, чтобы вырвать съ корнемъ изъ среды себя зло, позорившее ихъ всѣхъ... Но, къ сожалѣнію,

никто объ этомъ не позаботился... Опять являются убійцы, жаждущіе новой жертвы. Сановникъ царскій, родичъ поляковъ, желавшій защитить благородство цѣлой націи*, дѣлается предметомъ ихъ разбойничьихъ посягательствъ. Развѣ это не горе, не тяжкое горе для благородныхъ патріотокъ!? Развѣ можно послѣ этого не надѣть траура!? Вѣдь поступки этихъ негодяевъ могутъ заставить подумать всѣхъ и каждаго, что въ нихъ участвуетъ не шайка немногихъ разбойниковъ, а цѣлый народъ!

Теперь понятно вамъ, мои читатели, за чѣмъ польки, отбросивъ кокетливые костюмы, облеклись въ одежду грусти!—и, навѣрно, встрѣтивъ теперь печальный, черный костюмъ съ плерезами,—вы не посмѣетесь, какъ прежде надъ этимъ маскарадомъ, а взглянете на него съ благоговѣніемъ, какъ на вывѣску скорби благородныхъ душъ, оплакивающихъ неисходное горе дорогой отчизны.

Плачьте, прекрасныя польки, носите долѣе трауръ, глубокой трауръ!.. Вамъ горько и долго придется оплакивать потерянное!..

Докторъ Штука.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ШКОЛА ВЪ КІЕВѢ.

Ежедневная школа, существовавшая въ зданіи университета съ 4-го Апрѣля 1861, закрыта въ Августѣ настоящаго года въ слѣдствіе министерскаго распоряженія. Начавшись въ самое неблагопріятное для подобнаго училища время, встрѣченная недовѣріемъ и несочувствіемъ весьма многихъ—(даже нѣкоторыхъ преподавателей воскресныхъ школъ, считавшихъ для дѣтей довольно достаточнымъ приходскаго училища) школа тѣмъ не менѣе просуществовала съ пропусками почти полтора года. Еще въ Іюлѣ 1861 г. я напечаталъ отчетъ о школѣ съ Апрѣля 1861 по Іюль въ журналѣ «Воспитаніе» 10 № за 1861. Сообщивъ статистическія данныя о школѣ, сказавши, что она не имѣетъ никакихъ средствъ, я выразилъ надежду на то, что ежедневная школа не останется безъ пособія со стороны общества. Дѣйствительно, благодаря нѣкоторымъ лицамъ (о ко-

---

* Смот. рѣчь маркиза Велепольскаго, говоренную имъ послѣ покушенія на жизнь графа Лидерса.

торыхъ будетъ сказано ниже) школа получила средствъ на столько, что могла бы просуществовать еще долго.

Школа, вновь открывшись 22-го Августа, была до начала Декабря.—Послѣ Новаго года, она шла съ 16 Января до начала Апрѣля и закрылась 20 Августа. Съ Августа она уже не открывалась.

Число учениковъ, записанныхъ въ списокъ въ Апрѣлѣ 1861 по Январь 1862 было 100. Большая половина учившихся до Августа 1861 осталась въ школѣ—такъ что до 60 учениковъ, записанныхъ въ списокъ, ходило съ перемѣжками въ школу съ Августа. Среднее число бывшихъ въ школѣ съ Августа по Январь было отъ 30—35 ежедневно. Съ 16 Января по Апрѣль 1862, по списку считалось 92 ученика. Изъ нихъ—около 70 ходило съ перемѣжками въ школу. Среднее число на каждый день—отъ 35—45. Minimum было 16. (16-го Января—первый день открытія школы послѣ Новаго года) Maximum—56. 3-го Марта.

Почти всѣ ученики—уроженцы южнорусскаго края (большею частію кіевской губерніи). Большая часть учениковъ—мѣщане—жители Соломенки, Протасовскаго яру и Новаго строенія. Школа была ежедневно (исключая тѣхъ дней, въ которые была воскресная школа) въ частной студентской лекторіи отъ 4—6 часовъ. Зимою, нѣкоторые ученики уходили раньше—до свѣчей—такъ какъ имъ далеко было ходить.

Школа раздѣлена была какъ и прежде на три класса. Каждый учитель имѣлъ отъ 2—3 часовъ въ недѣлю. Система обученія по прежнему оставалась предметною.

Благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ людей, не изъ моды взявшихся за обученіе*, недостатка въ учителяхъ не было. Maximum ежедневно бывшихъ учителей 7, Minimum 4, такъ что среднимъ числомъ ежедневно бывало по 5 учителей. Въ среднемъ классѣ, самомъ многочисленномъ, занималось иногда по три учителя.

Предметы обученія остались прежніе. Ученики почти съ жадностью перечитывали всѣ изданныя украинскія брошюрки—и почти позаучивали ихъ на память. Особенно были въ ходу:—«Катерина» Шевченка, «Дзвонарь» Мордоухова и «Листъ про Злодія у Гакіевщині» (одинъ изъ хуторскихъ «листівъ»). Когда почти уже ничего не оставалось читать, перечитывали нѣкото-

* Большая часть учителей—были люди окончившіе черниговскую гимназію—и нѣкоторые изъ старыхъ кіевскихъ студентовъ.

рыя повѣсти изъ «Основы». Здѣсь только увидѣли на опытѣ, какъ много терпитъ дѣло образованія отъ недостатка книгъ для чтенія, составленныхъ на родномъ и понятномъ для мальчиковъ языкѣ. До сихъ поръ у насъ имѣлось только одно невыполненное обѣщаніе Основы, данное еще годъ тому назадъ. Теперь, кажется, дѣло идетъ гораздо успѣшнѣе — и можно кое на что надѣяться.

Къ числу дисциплинарныхъ мѣръ можно отнести билеты, выдававшіеся ежедневно каждому ученику—съ обозначеніемъ—былъ-ли ученикъ въ школѣ. Билеты эти получали нѣкоторое значеніе для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ изъявляли желаніе знать—ходятъ-ли дѣти ихъ въ школу.

Такъ-какъ, кромѣ обыкновенныхъ шалостей, печальныхъ фактовъ случилось только два (воровство и обманъ), то нельзя рѣшить на сколько могъ быть приложенъ къ дѣлу *судъ* самихъ учениковъ, приложенный впрочемъ съ успѣхомъ къ обоимъ этимъ случаямъ.

Въ деньгахъ школа не нуждалась, благодаря М. А. Малашенку, пожертвовавшему 25 р. сер.; Новостроенской Воскресной школѣ, давшей въ займы 10 р. сер. и учителямъ 2-й гимназіи, отдавшимъ на школу копѣйки причитавшагося имъ жалованья.

При закрытіи школы осталось еще изъ 25 р., пожертвованныхъ М. А. Малашенкомъ, 15 р. с. Деньги эти и школьное имущество (доски, грифели, перья, карандаши) отданы будутъ въ руки людей, употребящихъ все это на дѣло народнаго образованія (о чемъ и будетъ сообщено въ свое время). Почти всѣ книжки розданы ученикамъ при закрытіи школы.»

Правда—былъ еще одинъ фактъ благотворенія—это доля, припавшая на школу изъ сбора за спектакль любителей, игравшихъ въ пользу воскресныхъ и ежедневной школъ. Но школа наша этимъ не пользовалась—и деньги остались въ кассѣ воскресныхъ школъ. Оканчивая первый отчетъ свой о школѣ*, мы говорили: «въ слѣдствіе большаго и большаго развитія народныхъ школъ, въ настоящее время чувствуется большая надобность въ *сельскихъ* учителяхъ. Въ городскихъ ежедневныхъ школахъ, при помощи болѣе опытныхъ преподавателей, они могли бы подготовить себя къ важному дѣлу обученія сельскаго народа. Надѣемся, что послѣднія слова наши найдутъ себѣ подтвержденіе въ дѣйствительности.»

* Журналъ Воспитанія 1861. № 10. «ежедневная школа въ Кіевѣ.»

Первая половина нашихъ словъ нашла подтвержденіе въ дѣйствительности—въ Кіевѣ давно уже открытъ институтъ для сельскихъ учителей. Вторая, къ сожалѣнію, сбылась. Практика будущихъ сельскихъ учителей—самая важная часть ихъ подготовки—могла бы съ успѣхомъ отбываться въ ежедневной школѣ, подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ учителей. Теперь, если будетъ эта практика, то отбываться она по всей вѣроятности будетъ въ какомъ-нибудь приходскомъ училищѣ—надъ субъектами, забитыми старой рутиной.

Итакъ теперь въ Кіевѣ нѣтъ ни одного публичнаго дароваго училища для дѣтей мѣщанъ и людей неимущихъ.

Ученики бывшей ежедневной школы, узнавши что школа закрыта, играютъ теперь по цѣлымъ днямъ въ бабки на улицахъ.

А. Стояновъ.

26 Августа, 1862. Кіевъ.

Примѣчаніе редакціи. Замѣтка г. Стоянова о „ежедневной школѣ въ Кіевѣ,“ при всей своей краткости, заставляетъ многое передумать, многое перечувствовать. Школа, о которой говоритъ онъ, обращаетъ на себя невольное вниманіе наше какъ тѣмъ, чему въ ней учили, такъ и тѣмъ, чему въ ней не учили.

1) Ученики ежедневной школы практиковались только въ изученіи мѣстнаго *нарѣчія* простолюдиновъ, объяснялись и читали написанное на этомъ только нарѣчіи. Страсть къ этой исключительности такъ овладѣла школою, что она заучила наизусть далеко не стоившія этой чести; „Катерину“ Шевченка, „Дзвонаря, Мордоухова, Листъ про Злодія у Гакіевщині“ и другія въ этомъ родѣ, на томъ же нарѣчіи составленныя брошюры и повѣсти. Когда вся эта оригинальная письменность была исчерпана, школа, или точнѣе г. Стояновъ, сказалъ со вздохомъ: „уже ничего не осталось читать“. Если это не шутка, то преступленіе. Не странно ли видѣть цѣлую фалангу учителей, занимающихся обученіемъ тому, чему они могли бы поучиться у своихъ учениковъ. Не странно ли видѣть на русской почвѣ, при настоящемъ состояніи письменности нашей, при осязательной необходимости теснѣйшаго слитія всѣхъ племенъ славяно-русскихъ въ одну семью родную, преслѣдованіе какихъ-то темныхъ, областныхъ интерессовъ, заявленіе своей солидарности и отчужденія отъ этой семьи, не странно ли слышать, что, послѣ изученія Шевченки и нѣкоторыхъ повѣстей Основы, ничего не осталось читать! Всякое извѣстное нарѣчіе, какъ мѣстный говоръ, не выходитъ изъ предѣловъ обыденнаго употребленія между простолюдьемъ извѣстной области. Это нарѣчіе не можетъ быть языкомъ общественнымъ, какъ часть не можетъ равняться цѣлому, оно не можетъ навязать себя ни религіи, ни юрисдикціи, ни литературѣ, безъ задней мысли его нельзя сдѣлать предметомъ школьнаго изученія. Школа ничего не можетъ прибавить къ этому языкознанію. Если кому нечего дѣлать и если кто воображаетъ, что его не поймутъ на общественномъ языкѣ, можетъ, пожалуй, писать и на областномъ нарѣчіи для туземцовъ извѣстнаго простолюдья; но навязывать изученіе этого нарѣчія другимъ, дѣлать его исключительнымъ предметомъ школьнаго обученія, не долженъ. Иначе подобныхъ школъ откроется въ Россіи слишкомъ много и спеціальность ихъ можетъ повести къ смѣшенію языковъ строителей столпа Вавилон-

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДРЕВНИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВАХЪ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

(ИЗВЛЕЧЕНО ИЗЪ ЧЕРНИГ. ЕПАР. ВѢДОМОСТЕЙ СТАТЬИ: О СТАРИННЫХЪ ШКОЛАХЪ, БОГАДѢЛЬНЯХЪ И БРАТСТВАХЪ. № 27).

Изъ множества сохранившихся письменныхъ памятниковъ видно, что на пространствѣ нынѣшней черниговской епархіи церковныя братства существовали при церквахъ во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и обширныхъ селахъ. Напр. актъ говоритъ: «року 1675 пiредо мною, сотникомъ *погарскимъ*, ставши очевисто Константинъ Ивановичъ мѣщанинъ и обиватель погарскій,» продалъ дворъ съ мѣстомъ въ Погарѣ «объ межу *шпиталя* старецкаго *николского* панамъ ктиторамъ николскимъ и инщимъ братцикамъ *въ реэстрѣ братерскомъ церковномъ* записаннымъ за суму копъ сто, на домъ брацкій николскій, на разныя потребы церковныя.» По дѣлу 1758 г. о лавкахъ погарскаго собора «приносили словесное прошеніе урядовіе церквей пресв. *Троицы* и св. *Николая* и *Аѳанасія старшіе братi*.... то три церкви имѣютъ свои собственные *братерскіе дворы*.» Въ Стародубѣ, по протокулу 1690 г. *братство* зарѣцкое положенія пояса пресв. Богородицы,» при Богоявленской церкви; по протокулу 1683 г. «братство кравецкое, братство сторожей ринковыхъ;» въ дѣлѣ 1725 г. «ктиторы спасскіе.» Въ Кролевцѣ видимъ братства церковныя при соборной и николаевской церквахъ, по актамъ XVII и XVIII в. о братствѣ *Казиловской* ц. сосниц. у. говоритъ замѣтка на евангеліи: «съ поволеня на тотъ часъ *братомъ* (старшимъ) будучого Герасима Андреевича Со-

---

скаго Вообще—всякій благонамѣренный сынъ отечества долженъ стараться сглаживать и округлять областныя угловатости и шероховатости, мѣшающіе тѣсному сближенію частей, составляющихъ одно цѣлое, а не на оборотъ.

2) Еще болѣзненнѣе поражается вниманіе наше при чтеніи замѣтки г. Стоянова отсутствіемъ въ ней даже намека на тѣ предметы обученія, которые должны бы составлять существеннѣйшій отдѣлъ занятій всякой русской, православной школы. Въ ежедневной школѣ, кажется, не только не былъ преподаваемъ Законъ Божій, не были изучаемы употребительнѣйшія въ православномъ мірѣ молитвы, но въ ней даже вовсе не молились. Въ этой, чуть-ли не языческой школѣ, во весь періодъ ея существованія, судя по замѣткѣ, не слышно было и одного слова на общерусскомъ языкѣ, въ ней, слѣдовательно, не доставало самыхъ коренныхъ

роки въ Козиловцѣ.» На евангеліи *Кудровской* ц. вилен. п. 1644 г. написано: «я Петро, на тотъ часъ ктиторъ кудровскій, съ своимъ *братствомъ*, купилисмо евангеліе.» При *бахмачской* воскресенской ц. *братчики* по дѣлу 1754 г. При *берестовецкой* ц. *братство* въ надписи на евангеліи. При ц. *Ярославки* (козелец. у.) братство по актамъ. Въ *Олишевкѣ*, *Борзнѣ* и *Козельцѣ* братства цеховыя. Въ *обложковской* ц. евангеліе львов. п. 1644 г. съ приписокою: «Року 1677 мар. 16 я Ярошъ Карнѣевичъ, Якимъ Лавка, Василь Березный, в *попомъ* уся

элементовъ школы русской, православной.* Странная школа! Удивительно еще, какъ это *зданіе, построенное на пескѣ,* могло просуществовать и полтора года! Вѣдь религія составляетъ душу народа и, если главную задачу всякой школы должно составлять нравственно-религіозное развитіе *человѣка,* то тѣмъ болѣе школы народной. Отъ того и ежедневная школа могла только пріютиться въ ущеліи школы, въ какой нибудь *частной лекторіи студентовъ*, могла составиться подъ вліяніемъ мелкой пропаганды, при вербовщикахъ исключительнаго, сепаративнаго направленія, быть можетъ превышавшихъ число навербованныхъ ими учениковъ. Отъ того и родители учениковъ, какъ далось намъ слышать, при первомъ извѣстіи о предметѣ обученія ежедневной школы, не пустили въ нее дѣтей, а нѣкоторые громко заявляли желаніе о закрытіи этой, какъ они выразились, *мужицкой* школы. Простой, здравый смыслъ простолюдина съумѣлъ безошибочно оцѣнить странную односторонность и несостоятельность этой школы. Его безъискуственное чувство чести нашло унизительнымъ коснѣніе дитяти въ безполезномъ изученіи природнаго, вполнѣ ему знакомаго нарѣчія простолюдиновъ. А г. Стояновъ еще хотѣлъ, чтобы изъ этой ненужной школѣ образовались народные учители и даже осмѣлился называть рутинными тѣ школы, въ которыхъ учатъ, обыкновенно, не тому чому учили въ ежедневной. Странное увлеченіе, оригинальный патріотизмъ, особенно въ устахъ Стоянова.

Изъ сказаннаго видно, что мы нисколько не раздѣляемъ грусти г. Стоянова по случаю закрытія ежедневной школы. Скажемъ болѣе; мы жалѣемъ, что она открывалась и въ восторгѣ отъ ея закрытія. Мы даже не вѣримъ, чтобы дѣти, имѣвшія несчастіе учиться своему языку въ ежедневной школѣ, принадлежа, конечно къ сословію людей, въ потѣ лица снискивающихъ себѣ пропитаніе, теперь ничего по цѣлымъ днямъ не дѣлали, кромѣ игры въ бабки на улицѣ. Вѣроятно ихъ пріучили этой забавѣ въ ежедневной школѣ. Впрочемъ пусть ихъ лучше играютъ въ бабки, чѣмъ изучать исключительно литературу, которая мало чѣмъ подвинетъ русскаго человѣка къ умственному развитію.

* Г. Стояновъ жалуется на недостатокъ къ чтенію ученикамъ школы книгъ. Но обращалась ли школа къ кому-нибудь съ просьбою о снабженіи полезными для чтенія книгами? И не думала. Она искала только книгъ на языкѣ такомъ, котораго литература еще только зараждается и на которомъ еще не издано ни одной дѣльной книги. А вѣдь на обще-русскомъ литературномъ языкѣ можно было бы найти тысячи брошюръ и книгъ, которыя въ тысяча кратъ полезнѣе было бы давать читать ученикамъ школы, чѣмъ всѣ Катеринки, Злодіи и т. п. Одна духовная литература могла бы доставить для школы безчисленное множество душеспасительныхъ, нравственно-религіозныхъ сочиненій и, еслибы школа захотѣла, то нашла бы людей въ самомъ Кіевѣ, которые охотно снабдили бы ее этими сочиненіями безвозмездно.

братія села Обложковъ—отмѣнили сію книгу у честного господина отца Никиты Баймаковского, протопопа бывшаго Солжавскаго,—за 50 золотыхъ, до храму св. арх. Михаила.» Актъ на церковный лѣсъ: «Року 1725 авг. 25 д. на урядѣ мѣскомъ глуховскомъ ставши Илія и Ефимъ брати Евдокименки, Өеодоръ Роженко, жителе и козаки с. Обложковъ—отдаемо хмизнянки дѣдизніе на церковь Божю св. арх. Михаила обложовскую, *для построеня и исправованя школи и шпиталя.»* Прихожане и причтъ с. *Заозерокъ* въ 1748 г. въ просьбѣ архипастырю писали: «для лучшого въ потребностяхъ церковныхъ за нашимъ убожствомъ (которое послѣдовало за отбуваніемъ войсковыхъ походовъ и за не малою саранчею) намѣреваемся мы устроить подъ звонницею свѣтелку съ погребомъ, *для одной продажи сиченого меду,* къ лучшей церковной прибыли, и то только о рождествѣ, о воскресеніи Христовомъ да о успѣніи Богоматери, *по примѣру другихъ* приходскихъ церквей, продающихъ чрезъ кануни сиченій медъ въ праздники.» Начальство разрѣшило. Въ Преображенскомъ храмѣ *Гоголева* трифологъ съ замѣткою, что онъ данъ для храма «*мироносицами,* мѣщанками гоголевскими, року 1634.»

Такимъ образомъ а) изъ лучшихъ лицъ въ приходѣ обыкновенно составлялся кружокъ, называвшійся *братствомъ,* или *братерствомъ.* б) Члены братства вписывались въ книгу или *реэстръ;* в) между тѣми были *старшіе* и младшіе; г) для доходовъ они къ праздникамъ храмовому и нѣкоторымъ другимъ варили медъ и угощаемые вносили въ братскую кружку, кто что можетъ. д) Братства имѣли то дома, то лавки, то землю и доходъ съ арендныхъ статей поступалъ въ кружку. е) *Братская скрыня* хранилась всегда въ церкви, а ключь отъ нея находился у одного избраннаго братчика. ж) Братства заботились о строеніи и украшеніи храмовъ и за то пользовались нѣкоторыми отличіями въ храмѣ; ж) ихъ же дѣломъ было устроять и содержать школы и богадѣльни. з) Кромѣ того онѣ же были лучшими помощниками священнику при исправленіи нравственныхъ безпорядковъ въ приходѣ: на безобразниковъ они налагали штрафы то денежные, то ощутительные для самолюбія, напр. въ продолженіи 6 и 8 мѣсяцевъ копать могилы для умершихъ бѣдняковъ. и) Сверхъ мужескихъ общинъ были общины женскія, члены которыхъ назывались *сестричками, мироносицами, бабками — пчилочками;* онѣ съ нѣжнымъ усердіемъ заботились о благолѣпіи храма; двѣ, три—*бабки,* поблагословясь у *панъ-отца* и взявъ у ктитора воздушокъ и тарелочку, от-

правлялись по селу и хуторамъ и собирали, какъ пчелки, кто что пожертвуетъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ УГОРСКОЙ (ВЕНГЕРСКОЙ) И ГАЛИЦКОЙ (ЧЕРВОНОЙ) РУСИ и проч.

ПИСЬМА ИЗЪ ВЕНГЕРСКОЙ РУСИ.

Письмо 3-е, Густь (Huszt) 22 Іюля (3 Августа).

Между поборниками Русской народности въ Венгріи, всѣхъ болѣе отличается ревностію и заслугами Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Въ 1849 г. онъ былъ при русской арміи коммисаромъ со стороны австрійскаго правительства, а по усмиреніи венгерскаго бунта, его отправили въ Унгваръ, главное мѣсто венгерскихъ русиновъ, въ качествѣ помощника (референта) главнаго жупана. Здѣсь онъ употребилъ всѣ усилія для пробужденія въ русинахъ народнаго духа. И, въ самомъ дѣлѣ, труды его не остались безъ успѣха. По прибытіи его въ Унгваръ русская рѣчь вскорѣ началась раздаваться въ кружкахъ образованныхъ обществъ, въ частныхъ и публичныхъ собраніяхъ, по домамъ и улицамъ, оглашавшимся прежде звуками мадярскаго языка. Онъ побудилъ многихъ принимать участіе въ политическомъ журналѣ, выходившемъ въ Вѣнѣ, подъ названіемъ: «Вѣстникъ для Руси, но въ астрійской державѣ.» Чрезъ его заботливость улицы города Унгвара получили названія не только на мадярскомъ и нѣмецкомъ, но и на русскомъ языкѣ, по его ходатайству было дозволено въ унгварской гимназіи преподавать на русскомъ языкѣ наравнѣ съ мадярскимъ, кромѣ закона Божьяго еще другіе учебные предметы, какъ-то: географію, исторію и было предписано преподаваніе русской грамматики. Кромѣ того онъ обратилъ особое вниманіе на то, чтобы русскія способныя лица поступали въ гражданскую должность, и чтобы молодые люди образовывались для поступленія на мѣста чиновниковъ. Въ это именно время положилъ онъ основаніе настоящему многозначительному обороту дѣлъ, ознаменовавшемуся тѣмъ, что нынѣ нѣкоторые изъ венгерскихъ русиновъ занимаютъ высшія гражданскія должности, и многіе изъ нихъ

находятся въ числѣ государственныхъ чиновниковъ. Въ слѣдствіе его упорнаго настаиванія было опредѣлено также и мѣсто для русскаго переводчика при изданіи правительствомъ Свода законовъ въ Budинѣ (Офенѣ). По мѣрѣ того какъ австрійское правительство оставалось вѣрнымъ изрѣченному имъ принципу равноправности всѣхъ національностей, старался также и г. Добрянскій развивать свою дѣятельность въ пользу русской народности. Но, кажется, австрійское правительство вскорѣ раскаялось въ изрѣченіи имъ начала равноправности, а потому стало мало-по-малу принимать мѣры ему противныя, имѣя въ виду централизацію и распространеніе нѣмецкаго языка. Само-собою разумѣется, что, при такой перемѣнѣ правительственной системы, г. Добрянскій не могъ оставаться въ средоточіи русиновъ, а потому былъ переведенъ изъ Унгвара сперва въ Кошицы (Koschau), потомъ въ Будинъ, а затѣмъ въ Великій Варадъ (Гросъ-Вардейнъ) къ отдѣленію угорскаго намѣстничества въ званіи совѣтника. Хотя въ этихъ мѣстахъ дѣятельность его въ пользу соплеменниковъ болѣе или менѣе была ограничена, но однако національная ревность его ни мало не оскудѣвала, не смотря на всѣ перевороты правительственной системы. Особенно, во всемъ жару, проявилась она послѣ объявленія императорскаго диплома 20 Октября 1860 г. Въ слѣдствіе новаго преобразованія имперіи, происшедшаго на основаніи упомянутаго диплома, г. Добрянскій получилъ должность королевскаго совѣтника при намѣстничествѣ угорскомъ въ Будинѣ. Такъ-какъ въ силу того же диплома, въ слѣдующемъ году по изданіи его, во всѣхъ провинціяхъ были открыты сеймы, то онъ, со стороны русскаго народа, зборовскимъ избирательнымъ округомъ, въ шарискомъ комитетѣ, былъ избранъ въ депутаты угорскаго сейма. Но угорскій сеймъ, состоявшійся изъ самихъ ультристовъ-мадяровъ, не призналъ избраніе г. Добрянскаго законнымъ и дѣйствительнымъ по той причинѣ, что онъ, при русской арміи въ 1849 г., былъ комиссаромъ, тогда какъ графъ Францъ Зичій, бывшій его начальникъ при той же должности, могъ безъ всякаго возраженія занимать мѣсто въ палатѣ вельможъ, упомянутаго венгерскаго сейма. — Желая посреди общаго національнаго движенія въ Австріи обратить вниманіе своихъ соплеменниковъ-русиновъ на ихъ народность, г. Добрянскій издалъ на нѣмецкомъ языкѣ брошюру: «Reden des Ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobrzansky, in der Adress-Angelegenheit,» съ цѣлію доказать справедливость притязаній венгерскихъ русиновъ на церковную и гражданскую

автономію ихъ въ Венгріи. Это сочиненіе по своему содержанію можетъ быть удобно раздѣлено на двѣ части. Въ первой разбирается вопросъ по части политическихъ отношеній Венгріи къ Австріи, именно о томъ: въ персональной, или въ реальной уніи состоитъ Венгрія съ Австріею? А во второй части излагаются, на основаніи историческихъ доказательствъ и самыхъ же законовъ, содержащихся въ сводѣ законовъ королевства венгерскаго, національныя права и требованія венгерскихъ русиновъ, для уравненія ихъ съ прочими народами живущими въ Австріи. Хотя вообще цѣлое это сочиненіе заслуживаетъ особаго вниманія, но вторая часть его преимущественно составляетъ неоцѣнимое сокровище для угорскихъ русиновъ, потому что въ ней открыты историческіе и юридическіе документы, по большей части доселѣ неизвѣстные, и явно свидѣтельствующіе объ ихъ правахъ и преимуществахъ въ Венгріи, которыми они пользовались не только во время самостоятельности венгерскихъ королей, но еще и въ началѣ царствованія нынѣшняго владѣтельнаго астрійскаго Дома. На счетъ первой части упомянутаго сочиненія нужнымъ считаемъ замѣтить, что многіе изъ соплеменниковъ автора не раздѣляютъ его политическихъ воззрѣній, основанныхъ на защищеніи реальной уніи Венгріи съ Австріею и имѣющихъ цѣлію доказать обязанность венгерцевъ принимать чрезъ посредство отправленныхъ ими депутатовъ участіе въ вѣнскомъ государственномъ совѣтѣ (райксратѣ). Ни одинъ изъ сихъ вопросовъ понынѣ еще не рѣшенъ, а потому они служатъ неистощимымъ предметомъ безпрерывныхъ споровъ и преній журнальныхъ, а равно и дикастеріальныхъ.

Такъ какъ по распущеніи сейма положеніе дѣлъ въ Венгріи становилось весьма неопредѣлительнымъ, то угнетенные въ Венгріи народы, какъ-то: сербы, румуны, словаки и русины стараются чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ исходатайствовать у австрійскаго правительства обезпеченіе своихъ національныхъ правъ, дабы рѣшеніе ихъ на будущемъ венгерскомъ сеймѣ не было предоставлено на произволъ Мадяровъ. Само собою разумѣется, что самая большая часть русиновъ обратились къ г. Добрянскому съ просьбою быть для ихъ ходотаемъ у его величества, для полученія національныхъ правъ, наравнѣ съ другими, живущими въ имперіи народами.—Между тѣмъ за дѣло руской народности вступился у его величества еще другой достоуважаемый поборникъ славянской народности, именно преосвященный епископъ быстрицкій (Neu-Sohl) латинскаго об-

ряда Стефанъ Мойсесъ. Такъ какъ Словаки раздѣляютъ равную судьбу съ русинами по части притѣсненія ихъ народности въ Венгріи, то подъ предводительствомъ Іерарха составилась славянская депутація, повергшая къ подножію высочайшаго престола, вѣрноподданическое прошеніе о признаніи національныхъ правъ какъ словаковъ, такъ и русиновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это ходатайство его преосвященства объ освобожденіи русской народности отъ ига иноплеменниковъ произвело весьма радостное впечатлѣніе во всѣхъ русскихъ, любящихъ народъ свой. Особенно воспитанники семинаріи унгварской поспѣшили засвидѣтельствовать его преосвященству благодарность за его подвиги въ пользу русской народности. Этотъ благодарственный адресъ, подписанный 50 воспитанниками, написанъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Вотъ онъ:

«Ваше Преосвященство! Милостивѣйшій Государь!

«Пламенная и презрѣвшая всякія клеветы и поношенія любовь Вашего Преосвященства къ народу своему, должна «возбуждать и въ недругахъ, успѣвшихъ цѣнить высокія доблести души, уваженіе къ особѣ Вашего Преосвященства; тѣмъ «болѣе должна она поселить глубокое уваженіе и признательность въ насъ—дѣтяхъ одной матери—славы, въ насъ однокровныхъ братьяхъ словацкаго народа, съ которымъ мы столько «вѣковъ раздѣляемъ равную участь и судьбу на святой землѣ «предковъ нашихъ. Горькая то была судьба, тяжкое испытаніе «Божіе: когда насъ, исконныхъ старожиловъ, чуждыми считали «въ родной землѣ нашей, смѣялися и ругалися надъ бѣдными «славянами гордые иноплеменные наѣздники: и старались, да еще «и нынѣ стараются, отказать намъ — въ Божескихъ и человѣческихъ правахъ, желая убить въ насъ чувство самопознанія «народнаго, и такимъ способомъ изгладить и слѣды нашего племени съ лица земли, орошенной кровію, усѣянной костьми и «прахомъ предковъ нашихъ! Но мы не станемъ роптать противъ суда всеправеднаго Бога, благоизволившаго насъ подвергнуть столь тяжелымъ испытаніямъ, несомнѣнно за наши грѣхи—раздоровъ, несогласій и вражды соплеменной. Пусть послужитъ прошедшее дѣеписаніе славянскихъ племенъ урокомъ— «для настоящей и будущей нашей народной жизни. Тяжелыя «испытанія и страданія должны насъ вразумить, что мы, славяне, «только тогда можемъ занять достойное мѣсто среди чужихъ «народовъ, когда взаимно искренне-братскою любовію проникнутые, станемъ подпирать другъ друга, посреди тяжелой «борьбы съ враждебными намъ стихіями. Этою искреннею брат-

«свою любовію побужденные мы осмѣливаемся Вашему Преосвященству выразить наше глубокое уваженіе и благодарнѣйшую признательность за Ваши многоважные труды, поднятые «въ пользу словацкой народности, и за любовь, съ которою «ваше Преосвященство заступаете и отстаиваете святѣйшія «права своего народа.

«Да дастъ Господь Богъ душевную крѣность и силу Вашему Преосвященству, совершить высокій подвигъ освобожденія словацкаго народа изъ подъ ига душевной неволи гордыхъ «и властолюбивыхъ иноплеменниковъ, и великодушно презрѣть «дерзкія клеветы и поруганія ихъ. «Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы «лжуще, мене ради.» да не лишитъ Господь Богъ и тѣлесныхъ «силъ Ваше Преосвященство, чтобы вѣрный словацкій народъ «еще долгое время видѣлъ въ Васъ своего вождя, посреди житейскихъ буръ и невзгодъ ведущаго его ко временному и вѣчному спасенію!

«Цѣлуя освящающую десницу Вашего Преосвященства, «честь имѣемъ подписаться. Въ Унгварѣ 5-го марта 1862 г. «Вашего Преосвященства искреннѣйшіе почитатели.»

Судя по слогу этого адреса, каждый можетъ убѣдиться въ томъ, что письменный русскій языкъ пользуется въ Венгріи большимъ уваженіемъ и имѣетъ своихъ многочисленныхъ поборниковъ. Въ числѣ ихъ однимъ изъ первыхъ лицъ можетъ почесться кононикъ пряшевской епархіи Александръ Духновичъ, который изданіемъ своей азбуки и другихъ мелкихъ сочиненій пріохотилъ дѣтей къ наукѣ, а потомъ постоянными своими литературными трудами въ журналахъ возбудилъ во многихъ ревность къ изученію русскаго языка; и тѣмъ весьма много содѣйствовалъ къ распространенію народнаго просвѣщенія въ Венгріи. Не можемъ также пройдти и молчаніемъ заслуги священника мункачевской епархіи Андрея Поповича, стяжанныя имъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Онъ не щадя денежныхъ издержекъ, издалъ Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта по образцу лучшихъ русскихъ изданій. Сверхъ того написалъ и русскую азбуку съ книжкою для чтенія. Наконецъ должны мы замѣтить, что распространенію народнаго образованія тоже много споспѣшествуетъ съ 1849 г. утвержденное въ епархіи мункачевской употребленіе русскаго языка для официальной переписки епархіальнаго правительства съ подчиненнымъ ему людомъ.

При такомъ одушевленіи и содѣйствіи многихъ къ рас-

пространенію народнаго образованія, мы смѣемъ выразить надежду нашу, что руская народность уже не погибнетъ въ Венгріи, а будетъ крѣпнуть и процвѣтать для умноженія силъ всего народа славянскаго.

Измѣнникамъ Руси.

(Стихотвореніе, на галицко-русскомъ нарѣчіи, сообщено изъ Львова).

Трижды презрѣнны.......
Измѣнники святои Руси,
Съ клеймомь проклятья на лицѣ,
Безъ славы и безъ чести трусы!
Зачѣмъ вы не стоите съ нами,
Но ваше руске сердце, руску кровь
Врагамъ отдали и съ врагами
На насъ пускаетесь на ловъ?

Братця! чи знаете, що вы
У нихъ орудіе рабское;
Презрѣныи рабовъ рабы
За ваше дѣло то мерзкое;
Оно и вамъ и имъ вредливо.
Мы и чужи днесь презираемъ васъ,
И зримъ якъ подло, неучтиво
Куситесь обманити насъ.

Довольно! близко пять вѣковъ
Съ врагомъ булатъ на насъ куете,
И злобновь Каина руковь
Ударъ на нашъ народъ несете,
А наша грудь уже вздержала,
Вздержитъ и на будуще вашъ напоръ;
Она предъ вами не дрожала
Хотя вы слали смерть-позоръ.

Якая-жь польза вамъ и намъ,
Еслибъ мы разомъ всѣ ступали
Въ Польщи полки, и ей сынамъ
На Руси гробѣ тронъ создали?
Не скажутъ-ли они: невѣрте
Продателямъ земли своей,
Лише имъ въ очи лицемѣрте —
Они земли не годны сей!

Но положимъ: щобы любовь
Чудеснымъ путемъ водворилась
На время въ сердцѣ ихъ, то вновь
Ненависть давна бы излилась
На насъ, если-бы мы хотѣли
Воззрѣти къ солнцу съ ними вразъ,
Они на нашъ хребетъ бы сѣли
И угнетали-бъ насъ!

Откровенно скажите-жь: чимъ
Дались вы Полщи обольстити?
Ихъ мнимовь свободовь? — Пождимъ,
Они и васъ будутъ гонити.
Мы видѣли, якъ вже въ Варшавѣ
Невинно руска кровь текла,
Ихъ грудь тогда якъ на забавѣ
Восторжена росла.

Когда вы близки сердцу ихъ
Открыйте-жь имъ давны скрыжали.
Но нѣтъ! оставте — вы ихъ грѣхъ
Самы предъ нами извиняли.
По що? — вы може бы въ томъ дѣлѣ
Хлѣбъ потеряли, ласки словъ —
Хоть хлѣбъ тотъ нашъ отъ насъ немилый,
А милый отъ враговъ.

Ступайте-жь подлыи рабы
Подъ чужу хоругвь; за вами
Не плаче Русь, хоть ей гробы
Вы святотатскими руками

Уже такъ часто осквернили,—
Мы отпускаемъ радо васъ,
Одно лишь мы бы васъ просили:
Забудьте Русь и насъ!

Львовъ. II.

ДЕНИСЪ ЗУБРИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

(Окончаніе).

Зубрицкій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые стоятъ выше своего вѣка и видятъ дальше его и по той причинѣ не пользовался общею популярностію своихъ современниковъ; многіе изъ нихъ не поняли его, но поняло потомство и оцѣнило по заслугамъ. Онъ первый въ польской литературѣ обратилъ вниманіе на раціональную агрономію, но его весьма полезныя сочиненія остались почти не замѣтными для современниковъ. Агрономическія общества, идущія по проложенной имъ дорогѣ, не приняли его въ число своихъ членовъ. У насъ при заслугахъ нужно еще снискать покровительство у людей вліятельныхъ; но благородные люди не заботятся о пріобрѣтеніи ихъ благосклонности. Онъ показалъ значеніе ставропигійскаго Института,—а также указалъ красоту народныхъ пѣсень, прежде поэзіи Мицкевича и его школы, однакожъ мало кто изъ современниковъ понялъ его дальновидную мысль.

Но онъ продолжалъ трудиться на почвѣ историческихъ изслѣдованій. Въ 1837 г. появился новый историческій трудъ на почвѣ до сихъ поръ необработанной, потому что книги: Енгля Gesch. v. Halitsch und Wladimir, Tonnow Gesch. v. Galiz. Lodom. совсѣмъ не подвергнуты критикѣ. Зубрицкій написалъ: Rys do historyi narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej, w temże królewstwie przez D. Zubrzyckiego, Lwow, w druk. Instyt. Staur. Zesz. 1. 8 (стр. 67 22). Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на пять періодовъ и намѣренъ былъ издать въ слѣдующихъ пяти отдѣленіяхъ: I). Отъ введенія христіанства въ Руси до занятія Червоной Руси Казиміромъ Великимъ 988—1340. II). Червоная Русь подъ владѣніемъ польскихъ королей, отъ занятія Казиміромъ до начала соединенія съ римскою церковію 1340—

1596. III). Червоная Русь отъ начала введенія уніи до ея утвержденія т. е. 1596—1707. IV). Червоная Русь отъ совершеннаго утвержденія уніи до возвращенія (ревиндикаціи) Галиціи 1707—1772. V). Состояніе русской церковной іерархіи послѣ возвращенія Галиціи и Владимірской области до возобновленія галицкой митрополіи и благодѣтельныя учрежденія отеческаго австрійскаго правительства въ пользу іерархіи и русскаго народа въ Галиціи.

Онъ посвятилъ это сочиненіе русскому митрополиту Михаилу Левицкому, однакожъ вышелъ только первый выпускъ его. Кажется, недостатокъ въ типографіи не далъ возможности напечатать дальнѣйшихъ его выпусковъ, потому что трудолюбіе и дѣятельность автора неуставали.

— Въ то же время онъ написалъ лѣтопись ставропигійскаго Братства (попольски), которая осталась въ рукописи.

— Далѣе онъ собралъ альбомъ собственноручныхъ подписей знаменитыхъ польскихъ и русскихъ мужей, съ прибавленіемъ біографическихъ очерковъ каждаго достопамятнаго лица, котораго подпись помѣщена въ сборникѣ. Онъ хотѣлъ посвятить альбомъ тогдашнему президенту губерніи, барону Кригу изъ Гохфельденъ, поэтому онъ прибавилъ къ написаннымъ по польски біографіямъ и нѣмецкій переводъ. Но баронъ не принялъ посвященія, сказавши: теперь не пора (es ist nicht zeitgemäss) возобновлять отжившую старину. Онъ собралъ пріобрѣтенные долголѣтнимъ трудомъ древніе акты, касающіеся исторіи Галиціи и, списавши тѣснымъ письмомъ въ два большіе тома (около 80—100 листовъ), предложилъ высшимъ чинамъ кор. Галиціи и Лодомеріи для напечатанія подъ заглавіемъ: Codex diplomaticus Galiciensis. Но Высокій Урядъ отвѣтилъ: сочиненіе важное, но нѣтъ суммы (!) для напечатанія столь пространнаго сочиненія, не завлекательнаго для большинства читателей! Не болѣе онъ былъ счастливъ и въ сношеніяхъ съ другими учеными, съ которыми вступилъ въ корреспонденцію. Онъ послалъ большую кипу грамотъ, касающихся родины Собѣскихъ, князей Яблоновскихъ славному въ свое время, польскому меценату Эдварду Рачинскому въ Познани; сообщилъ много грамотъ ученому Мацѣевскому, который жилъ въ Варшавѣ и др. ученымъ. Но графъ даже не отвѣчалъ, — Мацѣевскій пользовался матеріалами, но самыхъ актовъ никогда не напечаталъ. Зубрицкій жаловался на проѣзжихъ ученыхъ, (которыхъ называлъ перелетными птицами), поступающихъ съ пріобрѣтенными вещами недобросовѣстно (Rys do hist. nar. Rusk. стр. 2—5).

Всѣ подобные случаи убѣдили нашего трудолюбиваго ученаго, что современники не понимаютъ его, особенно тѣ, которые владѣютъ средствами. Онъ увидѣлъ, что «тяжко ти быти пророку въ отечествіи своемъ» и, чтобы спасти трудъ своей жизни, онъ выслалъ свои рукописныя сочиненія и богатые сборники актовъ въ Россію — въ Археографическую коммисію въ Петербургѣ, въ комиссію для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ и въ общество исторіи и древностей россійскихъ. Объ историческихъ изслѣдованіяхъ Зубрицкаго прошла молва и за границею. Проѣзжіе ученые посѣщали его, другіе завели съ нимъ корреспонденцію, распрашивая его о важныхъ историческихъ вопросахъ. В. Мацѣевскій, Гр. Дзялынскій, В. Ганка, Шафарикъ, профессоръ Максимовичъ, Погодинъ, Дубровскій, Іорданъ, баронъ Шодуаръ, Гейне, академикъ Бередниковъ, Михаилъ Шихматовъ-Ширинскій и другіе находились съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Ученые, посѣщавшіе Львовъ, всегда старались познакомиться съ нашимъ ученымъ и уходили отъ него съ особымъ наслажденіемъ, усвоеніемъ новаго ученаго взгляда и глубокомысленными замѣчаніями. Профессора Погодина онъ считалъ своимъ искреннимъ другомъ. Въ 1843 и 1844 годахъ здѣшній магистратъ вызвалъ нашего опытнаго изслѣдователя къ разсмотрѣнію и приведенію въ порядокъ своего древняго архива. Зубрицкій, какъ знатокъ, принялся за дѣло, разсмотрѣлъ это богатое сокровище для исторіи города и земли Галицкой, описалъ и привелъ въ порядокъ разбросанные бумаги. Плодомъ и свидѣтельствомъ этого ревностнаго труда во Львовѣ 1844 г. была изданная имъ Kronika miasta Lwowa, содержащая 492 стр. (8). Эта книга необходима для всякаго любителя и писателя отечественной исторіи. Еще прежде появились сочиненія Зубрицкаго, напечатанныя въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ: археографическая коммиссія, назвавшая его своимъ членомъ-корреспондентомъ, напечатала многія грамоты и другія статьи въ актахъ западной Россіи, изданныхъ археографическою коммиссіею съ достопримѣчательными замѣтками. «Лѣтопись Ставропигіи» напечатана въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1839—1840 г. Переводъ соч. «о руско-славянскихъ типографіяхъ въ Галиціи» въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1838. Общество истор. и древн. росс. напечатало въ переводѣ проф. Бодянскаго: «критическо-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія соч. Д. Зубрицкаго, пер. съ польскаго О. Бодянскаго» Моск. 1845 г. «Начало уніи» и другія статьи въ чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. Росс. 1847—1848.

Объ историческихъ сочиненіяхъ Д. Зубрицкаго, печатанныхъ до 1848 г. дома и за границею, одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи М. Кояловичъ выражается такъ: «они служатъ указаніемъ новаго пути въ изслѣдованіяхъ уніи,—пути, который проходитъ и развѣтвляется по всей литовско-польской исторіи, въ этихъ сочиненіяхъ вездѣ видна твердая опытная рука даровитѣйшаго историка и пр.» (Литовско-Церковная Унія Спб. 1859 стр. 215).

За тѣмъ проф. Максимовичъ напечаталъ нѣсколько статей Зубрицкаго въ Кіевлянинѣ II или III томѣ.

Акты Львовскаго Ставропигійскаго братства, напечатаны кіевскою временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, въ 3 томѣ «Памятниковъ», издаваемыхъ тою же коммиссіею.

Тогда только опомнились должностныя лица (баронъ Кригъ и графъ Стадіонъ) и потребовали у него рукописей, относящихся къ древней исторіи Галиціи, но уже было поздо: рукописи, которыя прежде не были удостоены вниманія, были уже во владѣніи ученыхъ, умѣвшихъ лучше оцѣнить ихъ значеніе. Кромѣ вышеозначенныхъ статей напечатано нѣсколько статей Зубрицкаго на нѣмецкомъ языкѣ въ Jahrbücher für slav. Literatur, Kunst und Wissenschaft,—весьма важномъ въ свое время журналѣ, издаваемомъ въ Лейпцигѣ д-ромъ І. П. Іорданомъ; укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то: «о перемѣнѣ народности» (Jahrb. 1847. стр. 174); эту статью галицкіе русины два раза печатали въ 1848 г., по-нѣмецки и по-польски. «О жидовскомъ народонаселеніи въ царствѣ польскомъ» Jahrb. (1845. стр. 328); въ этой статьѣ прозорливый авторъ доказываетъ, на основаніи положительныхъ данныхъ, что при плодовитости евреевъ въ Польшѣ, чрезъ 150 лѣтъ будетъ полтора милліона жидовъ—больше, чѣмъ христіанъ!

До 40-хъ годовъ Д. Зубрицкій писалъ только по-польски и по-нѣмецки. Польскія сочиненія были переводимы и изданы на велико-русскомъ языкѣ. Принадлежа къ числу немногихъ людей свѣтскаго сословія, въ родительскомъ домѣ которыхъ говорили еще по-малоруски и сообщаясь съ народомъ въ различныхъ округахъ Галиціи, въ 1809 году, когда стояли въ Галиціи русскіе полки, онъ имѣлъ случай научиться по великорусски. Пріобрѣвши нѣсколько русскихъ книгъ, онъ познакомился тогда съ русскою литературою. Принявши должность русскаго переводчика при мѣстномъ судѣ (апелляціонномъ), онъ постоянно упражнялся въ великорусскомъ юридическомъ языкѣ. Въ своемъ «Очеркѣ исторіи народа русскаго въ Галиціи» издан-

номъ 1837 г. онъ часто ссылался на Карамзина, но, со времени своего знакомства съ профессоромъ М. Погодинымъ, онъ короче познакомился съ новѣйшею русскою литературою, въ особенности съ историческимъ и юридическимъ ея отдѣломъ. Онъ началъ заниматься болѣе глубокимъ изученіемъ лѣтописей, сборниковъ, лучшихъ историческихъ сочиненій и работалъ съ неутомимымъ, несвойственнымъ преклоннымъ лѣтамъ прилежаніемъ, постоянно углубляясь въ исторію прошедшихъ временъ своего народа. Онъ былъ у насъ единственнымъ человѣкомъ, который основательно зналъ исторію родной страны.

Въ движеніяхъ 1848 г. онъ не принималъ прямаго участія, а дѣйствовалъ только посредствомъ другихъ. Онъ поощрялъ безотрадныхъ и нерѣшительныхъ львовскихъ русиновъ къ основанію «Головной руской рады» т. е. комитета, который бы отстаивалъ русскую народность, какъ у себя дома, такъ и за-границей и принималъ посредство между правительствомъ и народомъ въ дѣлахъ, касающихся конституціонныхъ правъ галицкихъ и венгерскихъ русиновъ; своимъ зрѣлымъ совѣтомъ, книгами и матеріалами помогалъ писателямъ и русскимъ журналистамъ въ рѣшеніи вопросовъ, относящихся къ исторіи Руси, равно какъ и сочинителю очень важной брошюры: Die ruthenische Frage in Galizien von einen Russinen. Гг. Малиновскій, профессоръ Головацкій, Петрушевичъ, Гушалевичъ, Шараневичъ и др. много обязаны его богатой библіотекѣ и его наставленіямъ. Когда предстояло разрѣшить жизненный вопросъ о раздѣленіи Галиціи по двумъ народностямъ,—на польскую и русскую часть, онъ написалъ для разъясненія вопроса весьма важную, основанную на историческихъ данныхъ, статью: Granice między polskim i ruskim narodem w Galicyi и также нѣм: Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien v. D. Z. Lemberg, 39 st., 1848.

Зубрицкій не чуждался и нашей малороссійской словесности, какъ средства народнаго образованія. Онъ первый рѣшился взять на себя редакцію «Зори Галицкой,» но мартовская революція 1848 заставила его отказаться отъ редакціи. Въ этомъ же году явились нѣкоторыя его статьи на русскомъ языкѣ въ «Пчелѣ» издаваемой И. Гамалевичемъ напр. отечественная исторія, житіе преподобнаго Нестора, вѣдомость о народѣ черногорскомъ (черногорцахъ). Былъ-ли феодализмъ на Руси. Эти статьи частію были написаны имъ самимъ, а частію, на основаніи представленныхъ имъ матеріаловъ, составлены редакторомъ.

Польскій институтъ Оссолинскихъ избралъ его членомъ ко-

митета, занимающагося изданіемъ словаря Сам. Линде, пользуясь его зрѣлыми замѣчаніями.

Когда пробудилась большая охота къ чтенію и всѣ пожелали изучать исторію, то 75-лѣтній старецъ рѣшился написать исторію галицкой Руси. Онъ уже въ третій разъ принимался за отечественную исторію и, какъ вполнѣ зрѣлый мужъ, онъ приступилъ къ этому дѣлу съ полнымъ ученымъ запасомъ историческихъ свѣдѣній, которыя собиралъ онъ болѣе нежели полвѣка, — съ глубокою проницательною критикою, съ свойственною ему быстротою соображенія и безпристрастною вѣрностію. Исторія вышла подъ заглавіемъ: «Исторія галицко-рускаго княжества, соч. Д. Зубрицкаго.» Два тома, заключавшіе въ себѣ собственно введеніе къ спеціальной галицкой исторіи, вышли въ 1852 г.; къ нимъ прибавлена родословная картина русскихъ князей и царей изъ Рюрикова дома, которую онъ представилъ въ раскрашенныхъ поляхъ, придавши каждому князю особенный №. Это была первая генеалогическая таблица, представленная въ такомъ видѣ и съ такою полнотою. Онъ посвятилъ ее памяти 1000-лѣтняго существованія русскаго народа 1852 г.), потому что Несторъ упоминаетъ имя Руси уже подъ 852 годомъ. Онъ написалъ свою исторію галицкой Руси на русскомъ языкѣ (въ 1000 экз.), надѣясь на большой успѣхъ внѣ границъ Галиціи. Между тѣмъ нашлось подписчиковъ въ Галиціи и Венгріи не болѣе 400,—а въ Россіи—никого. Авторъ началъ колебаться въ продолженіи изданія—особенно, когда ставропигійскій институтъ, иждивеніемъ котораго были отпечатаны эти двѣ части, началъ роптать на плохой успѣхъ, Зубрицкій обратился къ своему другу профессору Погодину и просилъ вспоможенія у общества ист. и древн. росс., предлагая обществу принять на себя трудъ перепечатать для Россіи два напечатанные тома съ родословною картиною; а также напечатавши III часть изъ рукописи, прислать автору нѣсколько экземпляровъ для галицкихъ читателей. Но къ несчастію письмо его какъ-будто гдѣ нибудь завязло. — Общество въ это время не имѣло засѣданій; такъ шли мѣсяцы одинъ за другимъ; а нетерпѣливый труженикъ, томимый ожиданіемъ, не получалъ отвѣта. Наконецъ онъ рѣшился заключить новыя условія съ ставропигійскимъ институтомъ и приступилъ къ изданію III тома. Печатаніе III тома уже началось и далеко подвинулось, когда отчаявшійся въ своемъ успѣхѣ Зубрицкій получилъ отвѣтъ отъ своего друга, что общество приняло его предложеніе перепечатать II-й томъ, напечатать III-й и доставить автору безплатно 600 экземпляровъ

для его распоряженія. Но прошедшаго нельзя было воротить. Денисъ Зубрицкій, связанный договоромъ съ Ставропигіею, не могъ принять этихъ условій. Впрочемъ онъ надѣялся, что, послѣ столь благосклоннаго отвѣта общества, ему удастся переслать лишніе экземпляры въ Россію и извлечь большія выгоды для Ставропигіи, покрывъ ея издержки деньгами, вырученными отъ мѣстныхъ подписчиковъ. Между тѣмъ наступили другія обстоятельства: неблагопріятная партія взяла верхъ — запрещено собирать подписку въ провинціи, не только въ Галиціи, но и въ Венгріи, хотя не было причины запретить печатать.— Бывшихъ подписчиковъ считали врагами настоящаго правительства, и потому они должны были отказаться отъ подписки. Едва нашлось 200 подписчиковъ на III томъ, да и тѣ просили не печатать ихъ именъ. — Предпріятіе неудалось. Авторъ пытался было еще выпустить лишніе экземпляры въ Россію и для этого послалъ одинъ полный экземпляръ въ петербургскій цензурный комитетъ. Но цензура не пропустила въ Россію исторіи Зубрицкаго. Друзья покойника помогли ему только тѣмъ, что нѣсколько экземпляровъ его труда было куплено русскимъ правительствомъ для русскихъ учебныхъ заведеній. Въ публичную же продажу никогда не поступала его книга, и теперь около половины напечатанныхъ экземпляровъ лежитъ въ магазинѣ ставропигійскаго института, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени и лучшихъ людей.

Съ глубоко пронзеннымъ сердцемъ, авторъ перенесъ всѣ эти неудачи и рѣшился, вмѣсто IV части галицкой исторіи, напечатать на свой счетъ, обработанное имъ сочиненіе: «Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ, латинскія выписки изъ ихъ сочиненій и статей, относящихся къ исторіи галицко-владимірской Руси, въ період отъ 1337 по 1387 годъ, съ русскимъ переводомъ и критическими изслѣдованіями и замѣчаніями.» Онъ напечаталъ только 200 экземпляровъ, которые давно разошлись, и посвятилъ эту часть «памяти въ Бозѣ почивающаго, славнаго, незабвеннаго Императора Николая Павловича, самодержца всероссійскаго, пожаловавшаго въ 30 день Генваря 1846 года, сверхъ чаянія, сочинителю золотую медаль большой величины и тѣмъ неожиданнымъ монаршимъ даромъ поощрившаго его къ усерднѣйшему упражненію въ историческихъ разысканіяхъ. Такова награда за усердные труды и пожертвованіе!

Тогда какъ въ собственномъ отечествѣ мало нашлось людей, понимающихъ важные труды, глубокую ученость и высокія дарованія нашего историка, заграничныя ученыя общества внѣ...

оцѣнили его достоинство. Еще въ 1842 году онъ получилъ дипломъ члена-корреспондента археографической коммиссіи въ Петербургѣ, въ 1844 г. признанъ почетнымъ членомъ кіевской временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, въ 1846 г. получилъ званіе почетнаго члена Императорскаго общества исторіи и древн. росс. въ Москвѣ, наконецъ въ 1855 г. Императорская академія наукъ избрала его своимъ членомъ, написавши въ дипломѣ: «Virum celeberrimum Dionysium Zubryckij antiquitatum slavonicarum indagatorem indefessum socium epistolarum commercio sibi jungendum rite elegit die XXIX. Decembris 1855 A.»

Въ 1861 г. краковское общество наукъ пригласило его для собиранія древнихъ историческихъ памятниковъ, надписей, монументовъ и пр. Но преклонныя лѣта и постоянныя умственныя занятія растроивали его слабое тѣлосложеніе. Особенно истощила его физическія силы исторія галицко-русскаго княжества, надъ которой онъ провелъ много безсонныхъ ночей, обдумывая и разбирая прочитанный днемъ богатый матеріалъ, и сидя потомъ по цѣлымъ днямъ для списыванія переработаннаго въ умѣ періода. Для подкрѣпленія силъ нужны были жизненныя удобства, а онъ между тѣмъ терпѣлъ нужду. Это, кажется, заставило его продать большую часть своей богатой библіотеки*. Графъ Викторъ Баворовскій купилъ тогда у него много книгъ, и нѣкоторыя рукописи.

Годъ-отъ году его тѣлесный организмъ становился слабѣе, хотя духъ, привыкшій къ дѣятельности, побуждалъ его писать,—такъ что онъ всегда занимался какимъ-нибудь умственнымъ трудомъ, какъ-то пополнялъ и исправлялъ свои прежнія сочиненія. Онъ иногда сравнивалъ различныя изданія Часослова, Псалтыри, Трифологіона и другихъ церковныхъ книгъ, издан-

---

* Дѣйствительно это было главнымъ побужденіемъ продать библіотеку. Въ этомъ можно убѣдиться изъ одного обстоятельства, которое мы сейчасъ передадимъ: покойникъ никогда не любилъ жаловаться на матеріальный недостатокъ; но будучи принужденъ, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ своею смертію, занять небольшую сумму денегъ у одного изъ преданнѣйшихъ ему друзей, онъ объявилъ при этомъ слѣдующее: я, сказалъ онъ печально, сберегъ на старость изъ своего имѣнія столько, чтобы было чѣмъ жить до смерти. Но я обманулся въ своемъ расчетѣ на смерть. Живу болѣе, нежели сколько расчитывалъ. Средства истощились, а между тѣмъ смерть не хочетъ взять меня. Слова эти глубоко-поучительны.— Ихъ произнесъ о себѣ лучшій писатель-историкъ галицкой Руси. Ред.

ныхъ подъ его надзоромъ въ ставропигійской типографіи, для руководства при другихъ изданіяхъ.

Въ рукописи остались статьи: «о глаголицкихъ письменахъ и старославянскомъ языкѣ» по-польски и начертаніе (плана) для «исторіи Молдавіи,» къ написанію которой поощрялъ его молдавскій ученый А. Гормузакій.

Въ послѣдніе мѣсяцы онъ страдалъ безсонницею, совѣтовался съ медиками, но, неболѣвши никогда, онъ не имѣлъ большаго къ нимъ довѣрія; даже при концѣ жизни онъ не хотѣлъ принимать визитовъ своего лѣкаря. Вообще въ послѣднее время онъ сдѣлался нетерпѣливымъ и раздражительнымъ. Правда, онъ былъ радъ, когда посѣщалъ его кто нибудь изъ знакомыхъ и молодыхъ друзей (потому что старые почти всѣ умерли), но всегда говорилъ кратко и съ важностю и не любилъ ни продолжительнаго разговора, ни частыхъ посѣщеній.

1862 годъ 1-го генваря нѣкоторые изъ оставшихся друзей пришли поздравить его съ Новымъ годомъ; онъ принялъ ихъ усердно и просилъ посѣтить его на единѣ, онъ имѣлъ намѣреніе поговорить съ ними о важныхъ дѣлахъ, но смерть прекратила дни его жизни. 3-го генваря замѣтно было значительное ослабленіе, причиною котораго были три ночи проведенныя имъ безъ сна. Смущенныя дочери, послѣ полудня, послали, безъ вѣдома отца, за лѣкаремъ. Лѣкарь пришелъ, и хотя предупредили дряхлаго старика, что лѣкарь д-ръ Чернявскій (русинъ) пришелъ будто бы поздравить его съ новымъ годомъ, по невозможности посѣтить его прежде, однакожъ это сильно подѣйствовало на больнаго. Лицо больнаго замѣтно измѣнилось; но онъ, какъ по обыкновенію сидѣлъ за своимъ столикомъ, на которомъ писалъ и читалъ; лѣкарь приказалъ ему лечь, въ постель въ 6-мъ часу, прописалъ порошки и велѣлъ выпить стаканчикъ вина. Больной все дѣлалъ по приказанію лѣкаря, самъ пошелъ, легъ въ постель, принялъ лѣкарство и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ три четверти 9-го часа пробудился, зажегъ свѣчу, принялъ другой порошокъ и опять выпилъ стаканчикъ вина. Потомъ еще говорилъ и приказалъ служанкѣ, чтобы она на завтрешній день приготовила борщъ, и чтобы матеріалъ, нужный для борща нигдѣ не покупала, какъ только у извѣстной торговки— и затѣмъ опять легъ спать, спалъ всю ночь твердымъ сномъ, съ сильнымъ храпѣніемъ и тяжкимъ дыханіемъ. — Я пришелъ утромъ въ половинѣ осьмаго часа, больной еще спалъ спокойно, но дыханіе его становилось слабѣе; послали одинъ—другой разъ за лѣкаремъ; знакомые между тѣмъ разговаривали и утѣ-

шали смущенныхъ дочерей.—Въ четверть девятаго часа пришелъ лѣкарь, но засталъ спящаго уже мертвымъ. Тихо и незамѣтно улетѣла великая душа славнаго мужа.

Покойникъ былъ человѣкъ ума быстраго, здравомыслящій, образованный, умный, прямой, откровеннаго характера, добраго и благороднаго сердца. Говорилъ, по обыкновенію, важно, ясно, положительно—иногда вырывалась у него колкая острота, при чемъ являлась язвительная саркастическая улыбка. Онъ былъ низкаго роста, довольно слабаго тѣлосложенія, хотя почти никогда не болѣлъ. Онъ поддерживалъ свое здоровье дѣятельностію и умѣренностію и дожилъ глубокой старости. Лицо у него было немного продолговато, лобъ широкій, особенно верхняя часть лба, глаза живо-голубые, носъ правильный, волосы сѣдые уже съ давнихъ лѣтъ. Покойникъ принадлежалъ къ дворянскому сословію герба Вѣнява, но потерявши сына, онъ не старался о засвидѣтельствованіи своего дворянства герольдіею.

Погребеніе было совершено въ самый день Богоявленія Господня съ великимъ торжествомъ. Множество русиновъ, друзей и почитателей заслугъ покойника собралось въ 3-мъ часу пополудни около его дома. Множество духовенства, въ числѣ котораго клирошане д-ръ 1, Ильницкій, М. Малиновскій и А. Петрушевичъ, профессоры и учителя, іеромонахи св. Онуфреевскаго монастыря, настоятели духовной семинаріи съ младшимъ клиромъ, ставропигійскіе члены и братство, студенты университета и ученики другихъ заведеній (русины) и значительное количество народа сопровождали тѣло почившаго со свѣчами и заунывнымъ пѣніемъ до могилы. Молодые студенты университета несли дорогіе остатки патріарха исторіи галицкой Руси на своихъ плечахъ не только въ ставропигійскую церковь, но оттуда на лычаковское кладбище. Парадные дроги, запряженныя въ четыре лошади слѣдовали за ними. Отслуживши панихиду, предали тѣло покойника землѣ и громко пропѣли: вѣчная память.

18 (30) генваря того-же года было совершено богослуженіе за душу покойника въ вѣнской гр. уніат. церкви. Служилъ преосв. Спиридонъ Литвиновичъ при содѣйствіи Кустоса Кузземскаго и мин. сов. Шашкевича и честнаго духовенства. Въ церкви собралось необыкновенное множество русиновъ. Изъ этого видно, какъ много цѣнили они память покойника. Равнымъ образомъ Ставропигія во Львовѣ отслужила 3 (15) февраля того-же года поминальное богослуженіе въ Успенской ставропигійской церкви.

Это короткое жизнеописаніе мужа превосходныхъ дарованій и рѣдкой учености чертитъ мое слабое перо для того, что-

бы отдать честь заслугамъ почившаго,—имени котораго, въ благодарныхъ сердцахъ его земляковъ, соплеменниковъ и всѣхъ благородныхъ и человѣколюбивыхъ людей, да будетъ: вѣчная, вѣчная память! **Я. Ѳ. Г.**

Письмо редакціи Вѣстника югозап. и зап. Россіи въ редакцію львовской газеты „Слово,“ по поводу помѣщенной въ сей газетѣ статьи какого-то Кіяна.

Въ № 58 львовскаго Слова напечатана статейка какого-то Кіяна, резонирующаго о южнорусской народности. Мы очень рады, что между русскими галичанами и нами возобновляется братская общительность. Жаль только, что ложные наши друзья невсегда честно ею пользуются. Вмѣсто того, чтобы сообщать вѣрныя свѣденія, иные господа рады, что есть возможность распространять лживыя понятія о нашемъ краѣ, нарочно умалчиваютъ о добромъ, преувеличиваютъ дурное и вообще заботятся только о томъ, какъ бы сдѣлаться замѣтнѣе крикливымъ порицаніемъ кого-бы и чего-бы ни было. Глубокаго пониманія вопросовъ, обширности и зрѣлости соображеній у этихъ господъ не ищите. Удалось одному обратить на себя вниманіе безпардоннымъ литературнымъ крикомъ; ну и пошли кричать что-попало, лишь бы обратить на себя вниманіе. Въ настоящее время у насъ особенно намножилось число людей, которые навязываются нашему народу съ своими благожеланіями въ высшей степени нелѣпыми и, которые обманывая, или обманываясь, усиливаются распространить такіе превратные толки, что необходимо, особенно вамъ далеко живущимъ отъ насъ единоплеменникамъ нашимъ, позаботиться о полученіи свѣдѣній болѣе вѣрныхъ, чтобъ ваша газета, достойный органъ возстановленія между русскими галичанами истинной ихъ національности на здравыхъ началахъ, не уподобилась, подъ часъ, мимо воли, львовской Народовой Газетѣ, принявшей себѣ за девизъ: ложь, клевету, обманъ и наглое искаженіе истины. Поэтому мы и просимъ васъ быть весьма разборчивыми при помѣщеніи получаемыхъ изъ нашихъ странъ

извѣстій, касающихъ южнорусскаго края. Жаль только, что люди, правильнѣе понимающіе дѣло и руководящіеся истиною, обыкновенно бываютъ молчаливѣе, надѣясь, что истина по самому закону разума, необходимо восторжествуетъ, тогда какъ лгуны безпрерывно кричатъ, чтобы хоть крикомъ, да шумомъ можно какъ нибудь поддержать то, чему безъ этой системы дѣйствій, неминуемо угрожало бы мгновенное паденіе.

Къ подобной категоріи людей нельзя не отнести и какого-то Кіяна. Вѣрно у васъ многіе прочли его статейку и прочитавши приняли его слова за чистую монету; а между тѣмъ, сколько тамъ лжи и обмана.

Укажемъ вамъ только на нѣкоторыя фразы:

Кіянъ говоритъ, что у насъ «ляхъ, попъ и чиновникъ равно душатъ народъ».... Въ этомъ сопоставленіи и уравненіи трехъ чрезвычайно различныхъ личностей г. Кіянъ обнаружилъ такой сумбуръ въ своей головѣ, что поневолѣ приходится дурно думать или объ образованіи, или объ искренности его. Или у него самаго туманъ въ головѣ, или онъ наводитъ *тумана* на головы другихъ: а вамъ извѣстно, что въ туманѣ найлегче можно какъ самому обманываться, такъ и другихъ надувать и перемѣшивать самыя несходныя вещи. Кто же не знаетъ, что наше духовенство всѣми зависящими отъ него средствами всегда отстаивало южнорусскій народъ противъ ляховъ и іезуитовъ, что и теперь было бы и стыдно, и грѣшно, и невѣжественно не понимать, или скрывать, что въ немъ главная опора южнорусскаго народа, особенно въ виду нелѣпыхъ посягательствъ извѣстной пропаганды. Отнимите у него православную церковь и духовенство,—и народъ нашъ рѣшительно потеряетъ главную точку опоры*. Духовенство православное за одно съ народомъ пере-

---

* Это-то и составляетъ причину ненависти къ нему всѣхъ, подобныхъ вашему корреспонденту, кіянъ, которыхъ, съ недавняго времени, въ южной Руси наплодилось таки порядочно, и ихъ два рода, одни тайные, неизмѣняющіе внѣшнихъ привычекъ русскихъ образованныхъ людей (и эти кіяны, едва-ли не самые злѣйшіе враги южнорусскаго народа), другіе открытые—ихъ можно узнать по уродливому мужицкому костюму, мужицкой рѣчи и мужицкому обращенію въ обществѣ. Ихъ справедливо Кіевскій Телеграфъ прозвалъ *хлопоманами*. И эти кіяны менѣе опасны для народа чѣмъ первые, надъ ними народъ подтруниваетъ и разглагольствованія ихъ принимаетъ съ хохотомъ. Всѣ эти кіяны возмечтали было, по случаю освобожденія крестьянъ отъ власти помѣщика, захватить подъ свое попеченіе южнорусскій народъ, чтобъ путемъ анархіи и деморализаціи, посредствомъ развитія

носило всѣ его бѣдствія и страданія, съ нимъ оно и теперь живетъ его простою жизнію, бесѣдуетъ его языкомъ, словомъ, составляетъ съ нимъ одно неразрывное цѣлое, тогда какъ ляхъ всегда былъ и есть чѣмъ-то зашлымъ, претендовавшимъ и претендующимъ на панство, на порабощеніе и искорененіе всего православнаго, южнорусскаго. Какъ же приравнивать одного къ другому, и какъ, сдѣлавши это сопоставленіе, имѣть смѣлость выдавать себя за южнорусскаго человѣка, за кіянина? Уже одно это нелѣпое сопоставленіе заставляетъ насъ думать, что г. Кіянъ или просто ляхъ, прикинувшійся южнорусскимъ человѣкомъ (не ученикъ-ли ужъ школы молодой Россіи?), или нашъ братъ малороссіянинъ, сбитый съ толку ляхами, очень искусными, когда нужно сбивать съ толку наши южнорусскія головы. Утаить явную враждебность ляшскаго племени къ южнорусскому народу г. Кіянъ уже никакъ не могъ, такъ вотъ, дайже помутить намъ головы во взглядѣ на свою собственную народ-

---

въ немъ ученія Герценовъ и подземельной литературы, въ родѣ достойнаго плода ея газеты «Великоросъ», втолкнуть его въ бездну злополучія. Но на пути къ достиженію сей цѣли они встрѣтили, слитое съ народомъ наше духовенство—на него-то, собственно по этой причинѣ, и изрыгаютъ повсюду клеветы и употребляютъ всѣ усилія, чтобъ уничтожить благотворное его вліяніе на народъ. Къ числу этихъ усилій слѣдуетъ отнести происки ихъ въ С.-Петербургѣ вырвать изъ рукъ духовенства, такъ успѣшно начатое имъ, въ духѣ русскаго православія, обученіе народа грамотѣ и другихъ необходимыхъ для него наукъ. Благо что подобныхъ кіянъ, сравнительно съ здравомыслящими южнорусскими патріотами (поставившими себѣ задачею: 1) возвышеніе народнаго духа, подавленнаго польскимъ игомъ, между прочимъ, чрезъ печатное распространеніе въ народѣ образчиковъ красотъ украинской народной рѣчи, напоминающей малороссамъ ихъ разноплеменность съ ляхами; 2) пробужденіе въ семъ народѣ умственной дѣятельности и сознанія истинной своей народности,—и избравшими, органомъ для проведенія между нами сихъ тенденцій журналъ «Основу») ничтожная горсть, не имѣющая для своихъ зловредныхъ,—quasi-патріотическихъ тенденцій никакой опоры. Добавимъ, что эти гг. кіяны своею хлопоманіею и утрировкою возбудили разобщеніе малорусскаго общества и недовѣрчивость къ намъ правительства, что не мало препятствуетъ успѣху добрыхъ начинаній нашихъ благомыслящихъ патріотовъ въ дѣлѣ народнаго образованія, развитія украинской литературы и охраненія неприкосновенности нашей народности отъ чуждыхъ на нее вліяній. Вслѣдствіе всего этого, мы не признаемъ подобныхъ гг. кіянъ призванными пророками нашего малорусскаго народа и протестуемъ противъ всѣхъ ихъ дѣйствій и ученій.

ность, на отношенія наши къ церкви и духовенству, на отношеніе наше къ племени великорусскому—все на такіе именно предметы, безъ которыхъ мы именно превращаемся снова въ жертву ляховъ, подъ ихъ ненавистное господство. Иначе мы и не можемъ себѣ представить происхожденія такого абсурда въ вышеприведенныхъ словахъ Кіяна. Чтобы самому сочинить такую нелѣпицу нужно быть уже прямо безтолковымъ. Прибавьте же еще, что во всѣхъ почти селеніяхъ наше духовенство съ такимъ усердіемъ и, можно сказать, съ самоотверженіемъ принялось за обученіе дѣтей поселянъ, что оно нерѣдко въ своихъ избушкахъ, съ крайними невыгодами для своего семейства, удѣляло уголокъ для помѣщенія школокъ,—и вы будете имѣть еще однимъ даннымъ больше, чтобы по достоинству оцѣнить постыдный отзывъ г. Кіяна. Разумѣется, что всѣ подобные Кіяны, когда приходится имъ настаивать на своемъ, нападаютъ на какія нибудь личности, на несовершенства самого обученія духовными лицами и тому подобное. Но всѣ эти извороты для нихъ же постыдны и доказываютъ только или злоумышленность, или тупость головы; потому что, какъ же равнять тѣхъ, кто принадлежитъ къ самому же народу, всегда былъ ему опорою, вмѣстѣ съ нимъ переносилъ его бѣдствія отъ ляховъ, съ тѣми господами, которые систематически дѣйствовали всегда для пораженія южнорусской народности?

Не справедливо Кіянъ ставитъ на одну доску и чиновниковъ съ поляками въ отношеніи ихъ къ народу. Недостатки чиновниковъ совсѣмъ иного рода и равнять однихъ съ другими можетъ только человѣкъ, у котораго, повторяемъ снова, темно въ головѣ, а извѣстно, что въ темнотѣ все кажется одинаковымъ. Гдѣ и когда у насъ чиновники употребляли гоненія противъ православной вѣры, или отдавали въ руки іезуитовъ народное образованіе, или усиливались не дать народу возможности образовать себя, или, наконецъ, дѣлали народу какія нибудь притѣсненія иного рода, когда онъ находился подъ властію пановъ, нетерпѣвшихъ ни чьего вмѣшательства въ дѣла ихъ крестьянъ (за исключеніемъ развѣ жида)? Гдѣ и когда чиновники у насъ затѣвали манифестаціи для возстановленія надъ нами и нашимъ народомъ польскаго ига? Недостатки чиновниковъ у насъ, совсѣмъ иные. Да притомъ же, у насъ теперь по мѣрѣ распространенія образованія, быстро увеличивается число чиновниковъ съ прекраснымъ университетскимъ образованіемъ и съ самымъ благороднымъ направленіемъ. Опять Кіянъ и тутъ станетъ намъ указывать на исключенія. Но гдѣ ихъ нѣтъ? Въ семьѣ не безъ

урода, а все таки никакъ нельзя вреда, происходящаго отъ недостатковъ чиновничьихъ, равнять тому страшному вреду, который болѣе 200 лѣтъ наносилъ нашему народу ляхъ и теперь продолжаетъ наносить.

Кіянъ такъ пишетъ про царствованіе Николая Павловича, какъ будто онъ дѣлалъ одно зло. (Мы поэтому подозрѣваемъ въ г. Кіянѣ или ляха, или ссыльнаго за какое-либо политическое преступленіе, ибо знаемъ по опыту, что только одни ссыльные, да ляхи не могутъ произнести имени сего великаго монарха, безъ того, чтобы не закидать его грязью). Говорить о немъ только самымъ невыгоднымъ образомъ, многіе господа считаютъ у насъ необходимою принадлежностію передоваго человѣка, а мы думаемъ, что это признакъ легкаго образованія и неумѣнья спокойно разсмотрѣть время и всѣ обстоятельства его царствованія, чтобы дать о немъ болѣе безпристрастный судъ. Говорите о недостаткахъ человѣка, но не скрывайте же злонамѣренно и великихъ его достоинствъ, покрывающихъ мелкія недостатки. Не станемъ распространяться о причинахъ легкомысленной привязчивости нѣкоторыхъ господъ въ сужденіи объ этомъ вопросѣ: и безъ особенной проницательности не трудно догадаться, что о достоинствахъ его умалчиваютъ, а недостатки преувеличиваютъ чуть ли не до безконечныхъ размѣровъ потому, что на эту тему шумѣли нѣсколько десятковъ лѣтъ разбѣжавшіеся по цѣлой Европѣ поляки, да еще нашъ великій витязь, продолжающій и теперь швырять грязью изъ-за лондонскихъ угловъ. Скажемъ здѣсь только одно, что положеніе нашей западной и югозападной Россіи безъ царствованія Николая Павловича было бы теперь крайне затруднительно, такъ какъ *до него* та и другая была отдана живьемъ въ руки ляховъ и ксендзовъ. Но объ этомъ никто до сихъ поръ даже и не подумалъ, мало того, даже памятникъ тысячелѣтія Россіи не хотѣлъ помнить этого великаго для насъ благодѣянія Николая Павловича. Да, онъ спасъ нашъ югозападный русскій народъ отъ угрожавшей ему опасности. Когда-нибудь, быть можетъ, мы разскажемъ вамъ всю эту исторію.

На основаніи Кіяновой статьи у васъ могутъ подумать, что у насъ запрещаютъ малорусскія книги, или—говорить по малорусски. Опять нелѣпость. Книгъ малорусскихъ выходитъ самое ничтожное количество, оттого и въ сельскихъ школахъ ихъ меньше, нежели на общерусскомъ книжномъ языкѣ. Запрещать сочинять и печатать сочиненія на малорусскомъ языкѣ никому здѣсь и въ умъ не приходило. Народный малороссійскій журналъ «Основа,» въ которомъ статьи чрезъ половину на семъ

языкѣ, издается безпрепятственно въ С. Петербургѣ, на глазахъ правительства. Еще болѣе нелѣпая ложь Кіяна, будто бы у насъ запрещаютъ говорить по малороссійски. На какомъ же языкѣ говоритъ народъ на всей Украинѣ, какъ не на этомъ языкѣ? А нѣсколько лѣтъ тому назадъ была попытка со стороны духовенства (по предписанію Св. Сvнода), говорить въ церквахъ поученія на семъ нарѣчіи, но народъ, хорошо понимающій языкъ общерусскій и считающій его языкомъ облагороженнымъ оскорбился было этою попыткою: въ самомъ началѣ поученій оставлялъ церкви и даже, при проѣздѣ по епархіи архіереевъ, жаловался имъ на тѣхъ священниковъ, которые, какъ будто бы въ насмѣшку надъ нимъ стали поучать мужицкимъ говоромъ. Откуда же г. Кіянъ взялъ, что запрещено говорить по малороссійски? Если нерѣдко, и иные изъ насъ же малороссіянъ, недовольны на нашихъ любителей малорусскаго языка, то причиною тому нисколько не любовь ихъ къ языку, но то, что они или прикидываясь только малороссіянами, а въ сущности оставаясь по прежнему его заклятыми врагами, или будучи и истинными южнорусскими людьми, но не умѣя оцѣнить вражьихъ наговоровъ, стараются поселить въ насъ вражду къ великорусскому племени и къ литературному русскому языку, который для многихъ ихъ какъ-тотъ же природный. Вотъ что собственно заставляетъ насъ иногда негодовать на этихъ господъ; неудивительно, что въ рукахъ такихъ дѣлателей самое доброе дѣло ознакомленія южнорусскаго народа съ его книжонками, которое само по себѣ ровно ничего не значитъ, теперь иной разъ даже насъ же малороссіянъ заставляетъ призадумываться..... Это-то примѣшиваніе всякаго вздора къ полезному дѣлу обученія на малороссійскомъ нарѣчіи и было причиною, что многіе, какъ мы сказали, даже изъ насъ отстаютъ отъ этихъ господъ и оттого кажутся имъ врагами южнорусскаго народа и его скудной письменности. Что мы правы, питая это нерасположеніе къ этой особенной категоріи украинофиловъ, въ этомъ можно убѣдиться, вникнувши въ историческія судьбы нашего края и въ современныя его обстоятельства. По нашему мнѣнію, если Польша успѣла при Петрѣ I снова оттянуть къ себѣ западную Малороссію, то это ей удалось преимущественно потому, что такіе люди какъ Юрій Хмѣльницкій, Выговскій, Мазепа перепутывали и раздвояли народное самосознаніе малороссіянъ, ослабляли отпоръ, который могла дать Россія соединившись при Богданѣ съ Малороссіею, и наконецъ безъ великой нужды поселяли недовѣріе къ малороссіянамъ въ великороссіянахъ и въ правительствѣ и

вызывали иногда репрессивныя мѣры, со стороны послѣдняго, которыхъ бы навѣрно не было, если бы Малороссія шла ровно по пути, указанному Богданомъ. Да, если западная Малороссія съ начала до конца 18 вѣка снова побывала въ рукахъ Польши, наполнилась снова поляками и ихъ ксендзами, то немаловажною причиною тому были сами же малороссіяне, въ родѣ Мазепъ и Выговскихъ. И тѣмъ непріятнѣе, что эти ошибки бывшихъ южнорусскихъ дѣятелей, вытекали изъ какой то самой жалкой ограниченности взгляда, изъ какой-то тупости, которую какъ нельзя лучше умѣли пользоваться поляки, прикидываясь предъ ними искреннѣйшими друзьями южной Руси и будтобы отъ всей души желающими видѣть ее самостоятельною. Въ нѣкоторой степени мы слышимъ иногда повтореніе того же самаго и теперь: и прежніе уроки не надоумили насъ. Стариннымъ благожелателямъ Россіи хотѣлось-бы во что-бы ни стало ослабить ея могущество, поразить и втянуть въ свои сѣти южную и югозападную Русь и вотъ снова искусно пускается въ ходъ мысль между нами малоросіянами, проникнутая повидимому самымъ безкорыстнымъ ей желаніемъ добра: къ чему вамъ, говорятъ, этотъ литературный русскій языкъ, къ чему единство съ Россіею? Какъ будто вы не можете употреблять только свой малороссійскій языкъ и образовать самостоятельное государство? Самая коварная злоба въ этихъ зміиныхъ нашептываніяхъ такъ очевидна, что при малѣйшей долѣ проницательности можно-бы понять ее, потому что къ чему же иному они вели-бы, какъ не къ взаимному пораженію силъ самой же Россіи, а за тѣмъ, къ окончательному ослабленію и пораженію и южной Руси, какъ вполнѣ безсильной безъ связи съ цѣлою русскою землею? И однако же нѣкоторыя пустыя головы сами не зная того, кѣмъ они втянуты въ сѣти, готовы вторить объ отдѣльности южной Руси, издѣваться надъ образованнѣйшимъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ—языкомъ русскимъ, воставать противъ церкви и духовенства, т. е. сами-же готовы подкапывать подъ собою тѣ крѣпкіе основы, на которыхъ стоятъ, и безъ которыхъ они неминуемо должны рухнуть къ неописанному удовольствію своихъ же гг. благожелателей и сдѣлаться ихъ-же жертвою. И такъ не книги, не книги малороссійскія, а эти слѣпыя усилія навязать намъ вражду къ великорусскому племени, къ церкви, къ духовенству, къ правительству, т. е., къ тѣмъ элементамъ, безъ которыхъ нашъ народъ, не избѣгъ бы снова латинопольскаго ига, заставляетъ насъ же малоросіянъ негодовать на нѣкоторыхъ любителей малорусскаго языка, сознательно или даже и

безсознательно превращающихся въ сильныя орудія давнихъ враговъ южной Руси.

Наконецъ г. Кіянъ пишетъ, будто старшее духовенство посылается къ намъ изъ Москвы съ порученіемъ превращать нашъ малороссійскій народъ въ *московскій* (?!! гдѣ вы г. Кіянъ отыскали московскій народъ, укажите намъ; мы ни въ народномъ самосознаніи, ни въ лѣтописяхъ, ни въ исторіи, ни въ одной географической картѣ не нашли никакого московскаго народа. Существуетъ только городъ Москва, прежняя столица русскаго государства, и жителей ея нѣкоторые зовутъ москвинами, москалями, точно также, какъ вы житель Кіева называете себя кіяномъ, но скажите, повторяемъ, гдѣ вы нашли *московскій народъ?)* т. е. великороссіянъ. Подобную нелѣпицу могла выдумать только или голова какого-нибудь іезуитскаго клеврета, или какого—нибудь нашего ограниченнаго малороссіянина, поддавшагося искусно придуманнымъ наговорамъ латинопольской пропаганды. Говоримъ по истинѣ, со всею искренностію, что мы никогда не видѣли среди насъ ни одного архіерея, ни архимандрита, присланнаго къ намъ изъ Москвы, да изъ Москвы не посылаются архіереи ни въ одну епархію въ имперіи, ибо посвященіе въ этотъ санъ совершается не въ Москвѣ, но въ С. Петербургѣ, мѣстонахожденіи св. Сѵнода, удостоивающаго епископства уроженцевъ разныхъ странъ Россіи—лишь-бы только были достойными его по высшему религіозно-нравственному образованію и по высокимъ добродѣтелямъ, и уроженцы Москвы, въ этомъ отношеніи, не имѣютъ ровно никакого преимущества. Увѣряемъ также, что мы никогда не слыхали и не читали ничего подобнаго о порученіи высшему православному духовенству превращать насъ въ великороссіянъ. Да и рѣшительно никакой нѣтъ нужды въ подобномъ порученіи. Старшее духовенство состоитъ у насъ, какъ уже отчасти мы замѣтили выше, также изъ великороссіянъ, какъ и изъ малороссіянъ и бѣлоруссовъ, и никакого различія при выборѣ лицъ высшаго духовенства мы не дѣлаемъ и не станемъ дѣлать, сколько бы ни вопіяли наши благожелатели. У насъ литература русская одна, литературный общерусскій языкъ одинъ, русское образованіе одно и передѣлывать насъ въ великороссіянъ рѣшительно нѣтъ нужды; потому что и безъ этой передѣлки мы все таки и по образованію, и по общерусскому литературному языку и по литературѣ, не упоминаемъ уже о другихъ неразрывно связующихъ насъ узахъ, составляемъ одинъ русскій народъ. А потому и въ самой передѣлкѣ, о которой намъ толкуетъ какой-

то Кіянъ нѣтъ никакой нужды, хотя ему, какъ видно, хотѣлось бы увѣрить, что между малорусскимъ языкомъ и образованіемъ съ одной стороны и общерусскимъ, литературнымъ языкомъ есть какое-то такое далекое разстояніе, какъ напримѣръ между французскимъ, или нѣмецкимъ и русскимъ, что нужно еще приказывать насъ передѣлывать. Мы же помнимъ весь процессъ нашего образованія; окруженные простолюднымъ малорусскимъ говоромъ и нисколько не разобщаясь съ нимъ, мы не встрѣчали ровно никакого затрудненія въ наукѣ на общерусскомъ языкѣ, которое служило бы признакомъ какого-то внутренняго насилія. Кіяны скажутъ, что простой человѣкъ изъ малороссіянъ не все пойметъ на русскомъ образованномъ языкѣ? Положимъ, но все-ли пойметъ на немъ какой-либо поселянинъ вологодской или рязанской губерніи, говорившій только на своемъ простомъ нарѣчіи? Отъ чего же это происходитъ? Не отъ отдаленности одного говора отъ другаго, а отъ большаго количества и новизны понятій и происходящихъ отсюда новыхъ выраженій и новыхъ комбинацій цѣлой рѣчи; значитъ различіе, и иногда очень значительное, между языками одного и того же народа образованнымъ и необразованнымъ всегда будетъ, и было бы низостію съ нашей стороны пользоваться всякимъ различіемъ говора для внушенія раздора и взаимной ненависти между говорящими на простомъ только малорусскомъ языкѣ и великороссіянами или говорящими на малорусскомъ и образованномъ русскомъ языкѣ.

Нелѣпа эта выдумка о какомъ-то порученіи и высшему духовенству еще и потому, что въ ней выражается злобное усиліе объяснить расширеніе образованнаго русскаго языка низкими мѣрами, которыя могли родиться только въ головѣ Кіяна, тогда какъ оно совершается по естественной и внутренней силѣ образованія и образованнаго языка, и что также чрезвычайно важно, по однородности тѣхъ внутреннихъ началъ жизни, въ основѣ которыхъ лежитъ религія, и которыя по естественному закону притяженія группируютъ насъ въ одну цѣльную народную массу. Какая необходимость принуждать насъ малороссіянъ учиться по книгамъ на общерусскомъ книжномъ языкѣ, когда мы сами, на перекоръ г. Кіяну, желаемъ и будемъ на немъ учиться, будемъ на немъ учить и своихъ земляковъ малороссіянъ, нисколько не изгоняя и малорусскихъ книжонокъ? Поступая иначе, мы, изъ-за пустой страсти къ оригинальнымъ выходкамъ, впали бы съ одной стороны въ самую узкую, и именно насильственную односторонность, лишая на-

родъ того выработаннаго и богатаго письменными произведеніями языка, который служитъ для насъ уже пригоднымъ и для народа вполнѣ доступенъ, съ другой — превратились бы въ сильныя орудія тѣхъ господъ, которымъ такъ хочется разорвать теперь широкость русской жизни и поразить ее по частямъ. Потому-то, мы стократъ благодаримъ наше православное, и высшее и низшее сельское духовенство, что оно свободно отъ узкихъ тенденцій гг. кіяновъ и не поддается ихъ коварнымъ наговорамъ, мы благодаримъ его за то, что оно прямо утверждаетъ нашъ южнорусскій народъ въ православной вѣрѣ, связующей всѣхъ насъ и великороссіянъ, малороссіянъ, и бѣлоруссовъ, и черноруссовъ въ одинъ православный, русскій народъ какъ съ церковно-славянскимъ, такъ и съ книжнымъ общерусскимъ языкомъ.

Эти языки придадутъ крѣпость и широкость его народному самосознанію, по тому простому закону, что тѣмъ жизненнѣе и сильнѣе сознаетъ и чувствуетъ себя каждый живой членъ нравственнаго цѣлаго, чѣмъ шире это цѣлое, питающее его своими силами.

Заключимъ же нашъ отвѣтъ г. Кіяну. Не исключая малорусскихъ книжонокъ мы постоянно будемъ стараться учить нашъ южнорусскій народъ и на общерусскомъ, образованномъ языкѣ, будемъ также всегда сохранять въ немъ внутреннее единеніе съ племенемъ великорусскимъ, бѣлорусскимъ и черно-русскимъ, любовь къ православной церкви и къ православному духовенству, наконецъ, будемъ считать презрѣнными усилія къ разрыву между народомъ и правительствомъ: достойны полнаго сочувствія стремленія къ уврачеванію многообразныхъ язвъ въ нашей жизни, но язвы врачуетъ любовь, а не злоба и ненависть.

Что же сказать еще г. Кіяну? Если онъ чистый южнорусскій человѣкъ, то мы просимъ его вдуматься пристально въ свои положенія и дать себѣ отчетъ, къ какимъ слѣдствіямъ мы довели бы нашъ народъ оторвавши его отъ церкви, отъ духовенства, правительства и отъ единства съ цѣлымъ составомъ земли русской. Но быть можетъ г. Кіяну того и хотѣлось бы? Быть можетъ онъ изъ числа волковъ въ овечьей кожѣ? Въ такомъ случаѣ, скажемъ ему, что есть историческая Немезида, которая рано или поздно казнитъ и новый рядъ коварствъ, измышляемыхъ теперь достойными потомками извѣстныхъ уже намъ ихъ предковъ.

Редак.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

(ПОМѢЩАЕМЪ ЗДѢСЬ ВЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НАГЛОСТИ И БЕЗСОВѢСТНОСТИ ЛЬВОВСКОЙ *Narod*ОВОЙ ГАЗЕТЫ, ВЫДАЮЩЕЙ СЕБЯ ЗА *интеллигенцію* НАШЕГО КРАЯ).

Львовская *Народовая газета,* въ одномъ изъ своихъ №№ за нынѣшній годъ, объявила, что статьи неизвѣстныхъ корреспондентовъ изъ Полтавы и Кіева, напечатанныя во *Львовскомъ Словѣ,* принадлежатъ мнѣ. Долгомъ считаю отвѣчать, что во Львовское Слово я никогда не писалъ и не посылалъ ни одной статьи, ни одного слова. Даже не могу понять, что могло быть причиною такой странной выходки Народовой газеты. Львовское Слово уже обличило ее во лжи. Тоже самое и всего лучше могли бы сдѣлать сами гг. корреспонденты, такъ-какъ каждый изъ нихъ очень хорошо знаетъ свои статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, и имѣетъ полную возможность объявить, что онѣ и писаны и посланы не мною. Надѣюсь, что во имя самой истины, они не допустятъ въ этомъ случаѣ никакой мистификаціи, и не откажутся опровергнуть выдумку Народовой газеты, а равно и напраслину, которую она взводитъ на нихъ, утверждая, что статьи кіевскихъ и полтавскихъ корреспондентовъ—плодъ продажности. Впрочемъ, нелѣпость этой наглой выходки Народовой газеты до такой степени очевидна изъ самаго духа и содержанія статей, что по крайней мѣрѣ для читавшаго ихъ, даже не требуетъ опроверженія.

Проф. С. Гогоцкій.

МЫСЛЬ

о сооруженіи новаго памятника въ Кіевѣ.

Есть одно мѣсто на старомъ Кіевѣ, которое такъ и просится подъ историческій памятникъ; природа и люди нечаянно образовали изъ него самородный піедесталъ, ожидающій только какой-либо великой личности, чтобы увѣнчать его вершину;— это крайній отрогъ Андреевской горы, такъ-называемый утесъ Воздыхальницы, который господствуетъ надъ нижнимъ городомъ и надъ днѣпровскою долиною и надъ безпредѣльными равнинами заднѣпровья. Но кто можетъ достойно стать на этомъ возвышенномъ амвонѣ, чтобы изъ мрака минувшаго свѣтить будущему? Чья знаменательная личность не умалится на такомъ колосальномъ подножіи? Гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра, освободителю родной своей Украйны прилично стать на этомъ мѣстѣ, гдѣ однимъ взмахомъ державной булавы своей, онъ какъ-бы объемлетъ двойную свою область по обѣимъ берегамъ завѣтной рѣки.

Такимъ и долженъ изобразить его нашъ знаменитый художникъ Клотъ изъ одушевленной имъ мѣди; на лихомъ питомцѣ украинскихъ степей, во всѣхъ его гетманскихъ регаліяхъ, указывающимъ булавою, поверхъ Кіева, на освобожденную имъ Малороссію; а на подножномъ камнѣ, который будетъ попирать его борзый конь, безъ всякаго піедестaля, потому что

тутъ піедесталомъ служитъ самый утесъ, слѣдуетъ только начертать одно всевыражающее число: **1654**, годъ соединенія Малой Россіи съ Великою. Но мы до сихъ поръ не назвали того, чей ликъ будетъ такимъ образомъ господствовать надъ освобожденной имъ страною? Еще-ли нужно называть славнаго Богдана Хмѣльницкаго, Богомъ даннаго не одной лишь его родной Украйнѣ, но и воспріявшей его Россіи. Давно уже ждетъ онъ такого памятника отъ присныхъ чадъ своихъ, хотя въ ихъ сердцѣ и всегда живетъ его имя; оно живо и въ каждомъ русскомъ сердцѣ, которое цѣнитъ великій его подвигъ, слившій воедино два братскихъ племени, коихъ единокровный союзъ закрѣпленъ единой вѣрою и потоками крови, которые они вмѣстѣ пролили за свое православіе. Давно и Кіевъ ожидалъ себѣ такого памятника въ честь одного изъ славныхъ своихъ витязей. Недавно обновлена крещальная часовня равноапостольнаго, воспоминающая крещеніе всея Руси; пусть обновится и память великаго дѣятеля, упрочившаго здѣсь своему народу, свободу той православной вѣры, которую завѣщалъ землѣ русской равноапостольный ея просвѣтитель.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.
